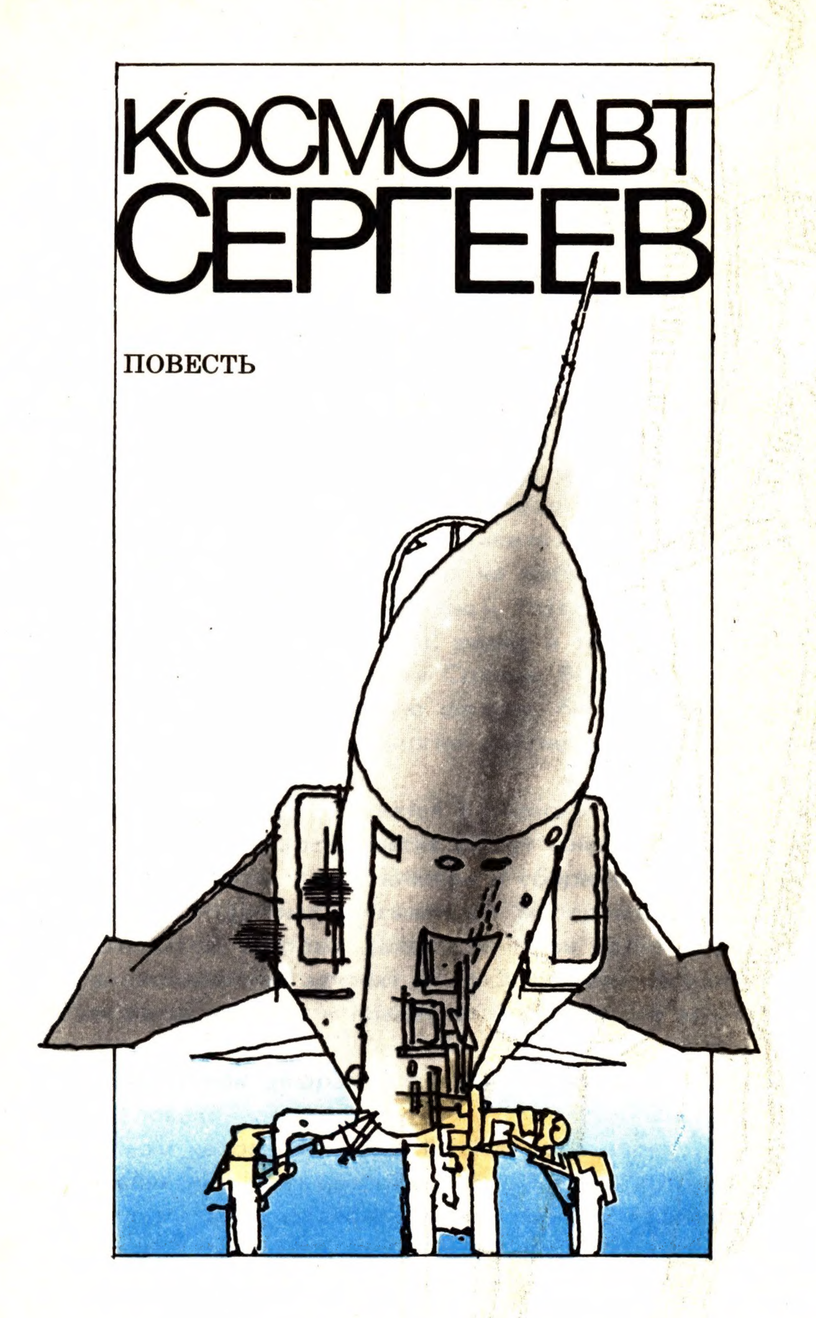

Виктор Шурлыгин
КОСМОНАВТ
СЕРЕБРОВ

Виктор Шурлыгин

КОСМОНАВТ СЕРГЕЕВ

ПОВЕСТЬ

Ленинград «Детская литература» 1982

Р 2
Ш 97

Рисунки Е. Аносова

4803010102—148
Ш—————————Без объявл.
М101(03)—82

ПРЕДИСЛОВИЕ

За время космической эры наша страна — первое в мире социалистическое государство — прошла огромный путь — от первого искусственного спутника, «пээсика», до сложнейших орбитальных научных станций. Практическое освоение космоса стало одним из величайших достижений человеческой цивилизации, ее составной частью. Результаты исследований, проведенных на орбитах, широко используются сейчас в науке и народном хозяйстве. Без космонавтики уже просто немыслимы телевидение, радио и телефонная связь, прогнозирование погоды, активности Солнца. Вклад космонавтики в геофизику, астрофизику, ядерную физику, биологию, медицину, в лесное, сельское хозяйство и многие другие отрасли человеческой деятельности поистине огромен.

Этот огромный вклад отражается в разного рода статьях, книгах, брошюрах. О космосе и космонавтах пишут много. Даже слишком много. И с каждым днем поток книжек и сборников на «космическую тему» возрастает. Подробно описываются эксперименты, проводящиеся вне Земли, открытия, которые делают экипажи орбитальных станций, называется экономический эффект от исследования Земли, ее недр, океана, атмосферы, Солнца и планет из космоса. Все это, несомненно, интересно.

Но за всеми этими цифрами, фактами, эффектами мы, как правило, забываем о человеке.

О том самом человеке, который, выдержав перегрузки, уходит в долгие космические командировки. О человеке, который неделями, месяцами трудится во враждебной всему живому «эфирной» среде. Как формируются характеры космических долгожителей? Какие барьеры и трудности они проходят на пути к своему звездному часу? Какой дорогой приходят на космодром? Что объединяет их с товарищами по профессии? На эти и многие другие вопросы наша литература ответа не дает. По крайней мере, я знаю только две книги, в которых

присутствует человек: небольшую повесть Ярослава Голованова «Кузнецы грома», выпущенную на заре космической эры, и роман Геннадия Семенихина «Космонавты живут на земле».

Именно поэтому, получив от издательства рукопись повести Виктора Шурлыгина «Космонавт Сергеев», я прочитал ее, как говорится, «запоем», за один присест. А прочитав, перебрал в памяти все поворотные моменты в собственной биографии, вспомнил ошибки, трудности, этапы формирования характера на очень долгой и очень трудной дороге в космос. Книга заставляет задуматься над этим серьезно. И нужна она не только широкому кругу читателей, но и нам, космонавтам. Ибо помогает лучше понять психологию людей, уходящих в длительные космические полеты, участвующих в международных программах и экспериментах.

Книга читается как увлекательная фантастика, хотя описанные в ней события, в общем-то, самые обыденные. На Земле, на далеком лесном аэродроме начинается дорога к звездам главного героя повести — бесшабашного, веселого летчика Сани Сергеева. Он проходит трудный, подчас опасный путь, прежде чем становится кандидатом в отряд космонавтов. Трудности закаляют молодого офицера, формируют его характер. В конфликтах, в острых столкновениях, в процессе трудовой деятельности из недавнего мальчишки вырастает нравственно чистая, сильная личность, которой в будущем предстоит провести вне Земли долгие недели и месяцы, обрести счастье, найти свое место в жизни. Но это — в будущем. А в первой книге мы расстаемся с Саней Сергеевым в тот момент, когда, выдержав нелегкие испытания, он стоит на пороге новой жизни.

Вымысел в книге тесно переплетается с действительностью, с проблемами и заботами сегодняшнего дня. Видимо, поэтому жизнь Сани Сергеева воспринимается как вполне реальная история человека, живущего рядом с нами, нашего современника. Многие представители нашей звездной профессии могут сказать: именно такой нелегкий путь они прошли от школьной парты до кабины космического корабля. И неважно, что у одних он пролегал через взлетно-посадочную полосу аэродрома, как у Сани Сергеева, а у других — через залы конструкторского бюро. Главное тут другое — дорога эта не проста и пройти ее могут только личности цельные, с четким представлением о своем жизненном призвании.

Такими личностями, на мой взгляд, являются военный летчик Саня Сергеев, другие герои повести — «вечный комэск» Никодим Громов, Наташа, Командир, генерал Матвеев. Эти столь разные и непохожие друг на друга люди показаны ярко, образно. Книга в целом читается с неослабевающим интересом: автор, в прошлом военный летчик, прекрасно знает авиацию и космонавтику, и это помогает ему детально

выписывать сцены из жизни авиаторов, придает повествованию достоверность.

Конечно, повесть интересна не только правдивым изображением жизни. Автор ставит в ней важные моральные проблемы, размышляет о честности, благородстве, патриотизме, товариществе, пытается найти истоки подвига. Характерной особенностью книги является ее философичность.

Убежден: повесть «Космонавт Сергеев» является важным вкладом в нашу литературу и будет с интересом встречена самой широкой читательской аудиторией разных возрастов.

Звездный городок,
1981 г.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ АВИАЦИИ
ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ЛЕТЧИК-КОСМОНАВТ СССР

ВЛАДИМИР ШАТАЛОВ

Глава 1 БЕЗНАДЕЖНОЕ ПАРИ

Саня Сергеев, старлей доблестных ВВС, как он себя называл, рывком распахнув окно, высунул сердитое, разгоряченное лицо в отпылавшую листопадом осень. Точно окунулся в прозрачное, студеное озеро. Морозный воздух, клубясь, ворвался в комнату, но Саня не почувствовал холода — усевшись на подоконник, демонстративно глядел вдаль, хотя ничего интересного там не было. Обычные сумерки сиреневой рябью бежали по полю, по речке, по их дальнему, затерявшемуся среди леса аэродрому; ультрамариновая дымка, словно маскировочная сеть, медленно затягивала теменью прямую как струна взлетную полосу, ажурные антенны станции наведения, разноцветные стекляшки посадочных огней, зачехленные самолеты, полосатый домик СКП — стартового командного пункта. Все кругом меняло очертания, таяло, исчезало — выходной день, забросав землю пушистым ковром листьев, догорал в тишине и покое, как десятки других выходных дней, не растревоженных реактивным громом.

Не догорала лишь, не плавилась жгучая Санькина обида.

Обидчиком был капитан доблестных ВВС, воздушный снайпер и первоклассный летчик Володька Ропаев.

Капитан отказывался ему верить!

Сидел за нервной Санькиной спиной в глубине комнаты, напевал какую-то дурацкую песенку и отказывался верить: ждал ответа. Не просто ответа — поступка. И не просто поступка, а невероятного поступка, который бы разрешил их давний спор.

А что сногсшибательного мог совершить он, Санька? Можно, конечно, запросто пройтись на руках по ограждению балкона, а потом крутануть сальто-моральто со второго этажа. Можно заложить у самой земли немыслимую фигуру сложного пилотажа...

Но разве Ропаева этим удивишь? Хмыкнет только, заокает: «В двадцать пять лет, то-оварищ старший лейтенант, по-одобное мальчишество несо-олидно». Нет, он ответит обидчику иначе — без страха и упрека вызовет на честный рыцарский поединок! В самых невозможных условиях! А расчетливый и логичный Ропаев — у Саньки даже дух захватило, когда он представил эту картину, — все просчитает и... откажется. Вот умора будет!

— Эврика! — Саня решительно спрыгнул с подоконника. — Я вызываю вас, капитан Ропаев, на рыцарский поединок!

— На поедино-ок? — сощурился Ропаев и, как гвозди вбивал, отрезал: — Тем самым ты расписываешься в собственном поражении!

— Наобо-орот, — с удовольствием передразнил Санька. — Тем самым я честно признаю, что первый раунд ты выиграл. По очкам. В арсенале тактических средств у нас, действительно, есть штучки на много порядков выше тех, что изобрели за океаном. И эти штучки меня, старлея доблестных ВВС, объективно делают сильнее любого противника. Тут спора нет. Речь о другом. Можешь ты, лучший снайпер полка, раздолбать из пушки новые пирамиды? — В Санькином голосе послышалась язвительность. — Те, особопрочные, что установили на полигоне вместо старых мишеней?

— Из пушки?

— Именно!

— Ракетным залпом могу, а из пушки...

— Из пушки!

— Не-ет, — спокойно протянул Ропаев. — Не мо-огу. И никто не может. Они прочнее любой брони.

— Ага, — Санька сверкнул глазами. — Струсил! Чего же тогда сто́ят все твои рассуждения?

— При чем тут пирамиды?

— Как при чем? Я хочу доказать: новая машина, которую нам доверили, — грозное оружие. Согласен?

— Очень грозное.

— И мы должны научиться владеть им настоящим образом.

— Ладно-о, — вздохнул невозмутимый Ропаев. — Давай считать. Начальная скорость снаряда известна... Вес снаряда известен... Приплюсуем сюда скорость полета самолета... Получается: запас прочности новых мишеней примерно в сто раз превышает разрушительную силу снаряда. Так и должно быть. Конструкторы ведь не дураки.

— Конструкторы считают эти мишени вечными. Ну и что?

— Как что? — изумился капитан. — А то, что из пушки их невозможно разрушить. Все равно что стрелять в медведя из пневматического ружья.

— Печально. — Саню покоробила математическая расчетливость товарища. — Печально, — повторил он. — Ты не пойдешь на медведя с пневматическим ружьем.

— Конечно не пойду.

— А я бы придал пневматическому ружью некую начальную скорость и целил бы в глаз.

— Скорость известна? — ничуть не обидевшись, деловито осведомился Ропаев.

— Ну, скажем, тысяча метров в секунду.

— Так, посчитаем... Действительно, при такой скорости маленькая пулька обладает гигантской энергией. Ею можно уложить медведя. Теоретически, — добавила живая ЭВМ, увидев, как расплывается в победной улыбке Санькино лицо. — Теоретически. На практике, для реализации этой идеи, придется строить сложную установку-ускоритель, автоматический прицел, рубить просеки для движения вашей адской машины. Это несерьезно-о.

— Значит, ты считаешь, что пирамиды из пушки разрушить невозможно?

— Убежден!

— А я думаю, мы не используем всех возможностей новой машины.

— Знаешь, — нахмурившись, сказал Ропаев. — Давай играть в шахматы.

— Не-ет, — Саньке стало весело. — Давай спорить! Держу пари: на очередных стрельбах разнесу эти пирамиды, которые нельзя разрушить, в щепки!

— Из пушки?

— Из пушки!

— Не выйдет.

— Спорим на мешок трюфелей!

Ропаев ухмыльнулся:

— Моей Аленке хватит на год.

— Аленке я куплю трюфели отдельно. А тебя — на глазах всего полка — заставлю тащить мешок к клубу. Буду угощать конфетами всех желающих и рассказывать о твоем позоре.

— Я ухожу.

— А как же партия в шахматы?

— Ну, если одну...

Нахохлившиеся, как воробьи, они сидели друг против друга и ожесточенно двигали шахматными фигурами. Их давний спор зашел в тупик и зашел как-то нехорошо — Ропаев знал, что старлей доблестных ВВС никогда не сможет выиграть пари. Не потому, что это выше человеческих возможностей, а потому, что противоречит элементарным законам физики. Он уже жалел отчаянного храбреца и, мучаясь, проклинал тот день, когда притащил на предполетную подготовку книжку американского пилота, участника разбойничьей войны во Вьетнаме Эдварда Т. Сизма. Санька с любопытством повертел тогда книжку, открыл наугад какую-то страницу, прочел: «Командование ВВС США было обеспокоено исходом боев, мастерством северовьетнамских летчиков. Их самолеты МиГ-21 легко обгоняли новейшие истребители США, быстрее набирали высоту, имели хороший разгон».

— А что? — сказал Санька. — Американец не врет. Видно, здорово ему вьетнамцы всыпали!

Из той же книжки они узнали, что несколько военных ведомств Пентагона общими усилиями разработали для американских асов необычный маневр — скрытное преодоление системы ПВО — противовоздушной обороны — противника. Маневр считался абсолютно надежным, гарантировал захватчикам полную безопасность. Его суть. Радиолокационный комплекс обнаруживает цель только в зоне круга своего действия. Если лететь на высоте 50—70 метров со скоростью 1000 километров в час вдоль линии этого круга — счетные машины радарных устройств не успеют сделать пересчет траектории полета, как бы «заглохнут», и самолет станет «призраком». Его можно обстреливать ракетами, но ни одна не достигнет цели — слишком велики ошибки наведения.

— Ха, — сказал Санька, отложив книгу. — Каменный век.

Он сказал это не беззаботно, не с профессиональным превосходством и гордостью, хотя такое превосходство и гордость у него были, а как-то задумчиво. И Ропаев сразу понял эту задумчивость. В ту зеленую весну с запада подули холодные ветры и международные отношения необычайно обострились. Обезумевшая администрация американского президента бряцала атомным и нейтронным оружием. Обезумевшая администрация пыталась сорвать и опорочить Олимпиа-

ду-80 — самое мирное соревнование. Обезумевшая администрация установила эмбарго на продажу зерна нашей стране, отказывалась вести мирные переговоры, наращивала военную мощь. Вопросы войны и мира стояли для человечества так остро, как не стояли еще никогда. Временами даже казалось, будто война уже рядом, будто ее обжигающее пламя уже слизывает детские сады, школы, леса, поля, заливает кровью прозрачные озера и реки. Бомбы с системой лазерного наведения, взятые на вооружение в США, ракеты «Мартель» класса «воздух—земля», израильские истребители-бомбардировщики «Барак», созданные на основе французской машины «Мираж-5», новейшие итальянские вертолеты Л-212 для борьбы с подводными лодками — все это было вчерашним днем. Сегодняшний мир стоял перед реальной угрозой ядерной войны. И на них, молодых офицеров, ложилась ответственность за небо Отчизны. Под их стремительными реактивными крыльями была огромная мирная страна, спокойно и планомерно запускающая космические корабли и спутники, вспахивающая поля, возводящая заводы. Под их стремительными крыльями была Родина, которую, если потребуется, они должны уметь защитить настоящим образом.

Всегда.

В любую минуту.

Вот тогда, собственно, и начался этот негласный спор, молчаливое соревнование. Не сговариваясь, приятели почти одновременно написали рапорты с просьбой разрешить сдавать экзамены в Военно-воздушную академию. И вечерами стали изучать иностранный. Хотя и без академии, и без иностранного все равно считались отличными летчиками и им нужны были не вторые дипломы, а особая подготовка в вопросах стратегии и тактики военного искусства, такое знание языка, которое бы позволяло сразу, из первоисточника, черпать сведения о развитии военной техники за рубежом. Экзамены они сдали отлично и учились уже на первом курсе, когда в полк начали поступать новые машины. Саньке всепогодный истребитель-бомбардировщик поначалу «не показался».

— Утюг, — сказал он, все оглядев и ощупав. — И как такое бревно летает?

Но оказалось, «утюг» за считанные секунды преодолевает десятки километров, уничтожает любую цель: на земле, под землей, на воде, в воздухе. Летает в стратосфере и над верхушками деревьев. На максимальной скорости его просто не увидишь — земле остается реактивный гром да что-то похожее на отблеск молнии. На самой маленькой скорости, выпрямив стреловидные крылья, ползет чуть быстрее небесного тихохода. И вообще — машина что надо.

— Недостаток один, — сказал щупленький белобрысый лейтенант, пригнавший самолет с завода. — Посредственному летчику дается туго.

— Как это? — с места в карьер полез в спор Санька.

— Нужны глубокие инженерные знания.

— Академия Генерального штаба? Философский факультет МГУ? Кембридж? — Санька упорно хотел ясности. — Да я на любой машине взлечу самостоятельно!

— На этой — не сможете, — улыбнулся белобрысый.

— Я? Не смогу? Пошли на тренажер!

Вместе с новыми истребителями-бомбардировщиками в полк поступил и сложный тренажерный комплекс — несколько металлических шкафов с электронным оборудованием и вычислительными машинами, пульт инструктора и обычная самолетная кабина. Внешне тренажерный комплекс не смотрелся. Зато, не поднимаясь в воздух, на нем можно было летать! Совершать любой пилотаж, отрабатывать действия в аварийных ситуациях, полеты в зону, на полигон, по маршруту — все имитировали на земле хитрые электронные устройства, видеоэкраны и призмы. В кабине тренажера — точь-в-точь как в реальном полете — дрожали стрелки приборов, отсчитывая высоту, скорость, давление масла, температуру истечения газов, обороты турбины, курс... Вспыхивали и гасли сигнальные табло. Уходил на виражах куда-то в сторону горизонт, ревел двигатель, поддерживалась связь с землей. Не хватало лишь перегрузок. Натянув шлемофон, приладив ларингофоны, Санька проиграл в уме все этапы полета по кругу и, пристегнувшись ремнями, бодро нажал кнопку передатчика.

— Восемьсот первый готов показать класс!

— Взлетайте, восемьсот первый, — разрешил белобрысый лейтенант, занявший кресло инструктора у пульта.

Санька вывел до упора сектор газа и, когда турбина вышла на взлетный режим, отпустил тормоза. Взлетная полоса стремительно скользнула под фюзеляж, стрелка вариометра пришпоренной лошадью метнулась по циферблату, и — Санька даже ахнуть не успел — самолет набрал две тысячи метров.

— Выключите форсаж, восемьсот первый, — насмешливо сказал лейтенант. — Так можно и в космос улететь! Делайте первый со снижением.

Но едва Саня надавил красную кнопку на приборной доске, едва двинул ручкой управления и правой педалью, как в наушниках снова щелкнуло:

— Возьмите курс двести десять: слишком удалились от аэродрома!

Потом наступила тишина. Невыносимо долгая и тоскливая. Старлей доблестных ВВС впился глазами в приборную доску. По расчетам, он давно должен приземлиться и даже зарулить на стоянку. Но странно — ни неба, ни полосы не было видно. Перед фонарем кабины стоял мрак. Противный черный мрак. Да и приборы вели себя непонятно: резко, точно от удара, чиркнули стрелками по циферблатам и намертво застыли, будто их выключили.

— Земля, — неуверенно сказал Санька. — Как вы там? Я вроде уже должен приземлиться.

— У нас была минута молчания, восемьсот первый, — глуховато, откуда-то издалека донесся голос белобрысого лейтенанта.

— Не понял.

— Вы врезались в землю в ста двадцати километрах от аэродрома!

Так трагично и бесславно закончился для Саньки первый полет. После второго старлей доблестных ВВС стянул мокрую от пота рубашку и, молча выслушав замечания белобрысого, ни на кого не глядя, снова полез в кабину. И снова «столкнулся» с землей на посадке. Кое-как приземлиться удалось лишь после четвертой попытки.

— Это я понимаю! Это машина! Не эроплан — мечта! — красный как рак Саня пожал руку лейтенанту. — Честно беру свои слова обратно. Был молод и глуп. Исправлюсь.

— Желаю удачи! — засмеялся лейтенант.

И удача пришла к Сане Сергееву. Забросив кино, рыбалку, он до поздней ночи сидел над скупыми инструкциями и наставлениями, работал на тренажере, вместе с инженерами-механиками перебрал всю машину — от винтика до винтика. Зато первый же контрольный полет выполнил на «отлично». Ходил гордый и взъерошенный, говорил лишь о новом самолете, о его необыкновенных возможностях. Ропаев посмеивался: «утюг» стал очередной Санькиной любовью — любовью до гроба, как уверял сам старлей доблестных ВВС. До гроба ли? Ропаев знал: если завтра придет другая машина, стремительная и прекрасная, — Санька не устоит. Начнет сомневаться, мучаться, вечера три будет кругами ходить вокруг самолета, ощупывая плоскости, лючки, заглядывая в сопло мощного двигателя, посидит немного в кабине, проведет в раздумьях бессонную ночь, а наутро, начисто забыв старую любовь, отдаст сердце новой избраннице. В этом был весь Саня Сергеев — худенький, веселый, отзывчивый, загорающийся, по уши влюбленный в авиацию и в девушку Наташу. Только лучше Наташи никого в целом мире не существовало и не могло существовать, а в авиации устаревший самолет МиГ-17 заменил МиГ-19, потом появились МиГ-21, МиГ-23, и каждая новая машина была лучше прежней, расширяла диапазон творческих возможностей летчика. Так что, размышлял Ропаев, строго говоря, Санька любит не сам новый аэроплан, а, скорее, трудности его освоения, саму авиацию, ее дух и сущность.

И он был прекрасен в своей любви!

Единственное, чего ему не хватало, по мнению Ропаева, — это солидности. И оттого, что Саньке не хватало солидности, негласным лидером в их споре с самого начала стал спокойный, расчетливый Ропаев — капитан отличался почти в каждом полете. Первым, используя новую тактику, скрытно преодолел систему ПВО «противника». Первым обнаружил тщательно замаскированную цель. Первым отбомбился лучше всех.

Старший лейтенант Сергеев буквально наступал лидеру на пятки, но шел как-то неровно, со срывами.

И вот теперь, чтобы твердо доказать, что освоил новую машину не хуже капитана, он вызывает Ропаева на честный рыцарский поединок. Дудки! Это не честный поединок, а мальчишеская глупость. Особопрочные пирамиды-мишени разбить из пушки невозможно! Пусть попробует! В их деле нужны не эмоции, а трезвый расчет.

— Значит, мешок трюфелей? — Капитан лениво двинул пешку вперед.

— Целый мешок, Володя!

— Проиграешь.

— Ни за что!

— Ладно. — Ропаев аккуратно поставил ладью на королевское поле, где самоуверенного старлея ждал полный мат. — Спорим! Разрушить пирамиды из пушки тебе не удастся!

— Я раздолбаю их! — Упрямо сжав губы, Санька склонил к доске побежденного короля.

Глава 2 ДВА СЕРГЕЕВА

В старшем лейтенанте Сергееве уживались два человека. Два совершенно разных человека сидели в нем, и, в зависимости от обстоятельств, то один выступал на первый план, то другой. Будто по очереди они выходили из тени и начинали говорить устами Сергеева, двигать руками и ногами Сергеева, думать головой Сергеева.

Одного из них Саня знал с детства.

Этот первый Сергеев был бесшабашно отчаянным и любознательным сорванцом. Совал нос куда надо и не надо, прыгал с обрыва в речку, строил по собственным проектам модели самолетов и транзисторные приемники в мыльницах. Однажды, на спор с Витькой по прозвищу Пыша, этот Сергеев пошел глухой ветреной полночью на деревенское кладбище и целый час просидел у могилы. Было жутко. Сердце ухало так, что, казалось, от этого стука все кругом содрогается. Но он сидел, сжав холодной рукой меченый камень, который Пыша вечером положил на самую дальнюю могилу. Сидел ровно час. Вокруг шелестели и двигались неясные тени. Надрывно кричала вдалеке испуганная птица. Над головой потрескивало старое дерево. От всех этих ужасов замирало дыхание, хотелось вскочить, взметнуться и, не разбирая дороги, броситься прочь. Но Саня, дрожа худеньким телом, сидел, медленно отсчитывая время. Нужно было сосчитать до четырех тысяч — так выходило чуть больше часа. «Три тысячи девятьсот девяносто девять... Четыре тысячи!» — Мальчишеское тело само метнулось в сторону, но первый Сергеев страшным усилием заставил дрожащие ноги остановиться и нарочито медленно пошел к деревне — они тогда с мамой отдыхали у бабушки. На околице, у жаркого костра, его обступили местные ребята.

— Ну? — выступил вперед необъятный Пыша. — Признавайся, шпана, где отсиживался?

— Вот, — Саня сунул ему меченый камень. — Держи.

Паша оторопел.

— А чего ты там... ви-дел? — спросил со страхом.

— А, — беззаботно сказал Санька, доставая из костра печеную картошку. — Покойников видел.

— Заливаешь!

— Сходи сам, узнаешь.

— Ты брось заливать! — Пыша сжал кулаки-гири. — По-обью!

— Не побьешь. — Санька медленно чистил картошку. — Слабо́. Ты покойничков боишься. А они тобой, между прочим, интересуются.

Пыша разом обмяк, обвис кулем, втянул голову в плечи.

— К-т-о ите-ите-ресуется?

— Дед Евсей, что на той неделе помер.

— Врешь!

— А чего мне врать? Вышел дед из могилы — одни кости. Кожи совсем нет. Увидел меня, говорит: «Не бойся, отрок, ничего с тобой не сделаю, ежели мою просьбу выполнишь».

— То-чно дед Евсей, — выпучил глаза Пыша. — Все слова его. И «отрок», и «ежели». Дед Евсей.

Ребята, испуганно оглядываясь по сторонам, облепили Саньку, придвинулись к костру, а герой — хоть бы хны — с удовольствием

уплетал горячую, дымящуюся картошку и будто не замечал всеобщего страха и любопытства.

— Ну? — робко сказал Пыша. — Чего же дальше?

— А дальше, — понизив голос, Санька строго посмотрел на Пышу, — дальше дед Евсей погремел костями, поохал, говорит снова: «Вчерась вечером, отрок, сосед мой, Витька Пыша, опять палкой-дюбалкой таскал вишни из мово сада...».

Тут Санька сделал томительную паузу. Пыша не выдержал, как подкошенный плюхнулся на землю — знал за собой грех.

— Ни-и-кто не ви-и-дел. — Зубы у него стучали, точно от холода. — Ни о-одна жи-вая ду-ша.

— Живая душа не видела, а дед Евсей видел. — Саня спокойно доел картошку. — Дед передал: если ты будешь обижать его бабку Матрену, он, Евсей, не посчитается, что помер. Станет каждую ночь приходить к тебе под окно и греметь костями. А ежели поймает, сказал, с собой заберет!

— Не бы-ы-вает та-акого.

— Откуда же я знаю, что ты таскал дюбалкой вишни? Ни одна живая душа не видела!

Этот первый Сергеев еще раньше, только прикрепив октябрятский значок на белую рубашку, не раздумывая бросился на двух здоровых мальчишек из четвертого класса: дураки со смехом разломали в песочнице домик, построенный одинокой Наташкой. Наташке в тот день исполнилось шесть лет. Полжизни из них кроха прожила со старенькой бабушкой: родители погибли в автомобильной катастрофе. Жилось ей очень трудно. И хотя Саня с девчонками не водился, с Наташей иногда играл: хорошо понимал ее горе. Сам, если разобраться, был наполовину одинокий — отец, летчик-испытатель, погиб при выполнении особого задания, когда Саньке стукнуло два года. И остались они вдвоем с мамой — красивой, доброй, ласковой, справедливой, только всегда печальной.

Вечерами мама часто перечитывала вслух отцовские письма.

Саня слушал и запоминал, хотя давно все знал наизусть. И про большую папину любовь к маме, и про самолеты, и про командировку в пустыню, где летчики прямо на песке готовили яичницу.

Особенно маме нравилось перечитывать письмо, в котором папа называл ее солнышком, лесной ягодкой, красавицей и разными другими ласковыми словами. Она перечитывала это письмо несколько раз, перебирала старые фотографии, а ночью, накрывшись подушкой, плакала. Санька просыпался и давал себе слово стать таким же бесстрашным, как отец. Мечтал отличиться на пожаре, выследить шпиона или, на худой конец, задержать в страшной схватке опасного преступника. Только дни шли за днями, а подходящий случай показать мужество и храбрость никак не подворачивался. Сломанный песочный домик стал таким случаем. Но тут произошло что-то непонятное. Когда хулиганы растоптали Наташкино сооружение и девочка беспомощно заревела, Саня... испугался! Внутри стало холодно, ноги и руки точно закаменели. Бледный, беспомощный, он сидел на краю песочницы, глядел на двух здоровых дураков и отчего-то не мог подняться.

— Чего вылупился? — спросил один. — По морде хошь, да? Щас схлопочешь!

Сане сделалось совсем холодно и тоскливо — он понял, что его побьют и побьют крепко, если вмешается. Но рядом плакала маленькая Наташка, глядя на него печальными глазами, и он, превозмогая ужасную слабость, поднялся, пошевелил непослушными, посиневшими губами.

— Вы построите новый домик. — Он не узнал собственного голоса. — И извинитесь перед Наташей.

— Чего-чего? — загоготали хулиганы. — Чего ты шепчешь? Молишься, что ли? Говори громче!

— Сейчас же попросите у нее прощения! — тихо, но твердо, сказал Саня.

— Ты понимаешь чего-нибудь, Боб? — один из приятелей демонстративно приставил ладонь к уху. — Чего хочет этот комик?

— Он хочет, Вася, чтобы ты извинился перед его сопливой невестой, — Боб кивнул на Наташку. — И обратно вернул ей домик. Иди, Вася, извинись перед девочкой.

Вася бодро поднялся, трусцой подбежал к Наташке. А Боб, вдруг улыбнувшись, легонько ткнул малыша в грудь — всего одним пальцем. Октябренок, перевалившись через Васю, незаметно ставшего за спиной на колени, грохнулся в песочницу. Приятели, тыча в поверженного пальцами, от души захохотали. Сдерживая слезы, Саня медленно поднялся, выплюнул изо рта песок. Дурманящая слабость прошла, теперь он ничего не боялся. Знал, видел, чувствовал: перед ним враги. А за спиной — маленькая девочка, за которую даже некому заступиться. Если сейчас он, Александр Сергеев, сын летчика-испытателя, отступит — потом будет презирать себя всю жизнь.

— Гляди, — сказал Вася. — Извиняться идет. Ох и воспитанная молодежь пошла. Даже прият...

Он не успел договорить — Саня изо всех сил ткнул его головой в живот, и верзила, сложившись пополам, рухнул на колени, беззвучно хватая раскрытым ртом воздух. В то же мгновение Боб звонко залепил Саньке в ухо. Но это были пустяки: Саня ничего не боялся! Видел лишь испуганное лицо Боба, разрезающие пространство кулаки, чувствовал боль под ребрами, но ничего не боялся. Ожесточенно шел вперед, бил во что-то серое, и это серое отступало, а он наступал. Он ничего не боялся. Хотел только справедливости, дрался за справедливость!

Потом, кажется, он оступился, увидел прямо перед собой носок ботинка и — страшный удар нестерпимой болью прошил бок. Тело ослабло, он начал падать, глядя, как надвигаются, нависают над ним маленькие торжествующие глазки противника. Еще мгновение, и последует новый страшный удар. Но удара не последовало — целый вагон песка вдруг полетел в эти злобные глазки и откуда-то издалека, из небытия, послышался смех Наташки. Что было дальше, Саня не помнит. Когда он открыл глаза, у кровати сидели мама и Наташа.

— Молчи, молчи, — сказала мама, обняв Наташку. — Я все знаю.

— А где...

— Они позорно бежали! — Мама поправила одеяло.

— Значит, мы победили? — тихо спросил Саня.

— Еще как победили! — сказала Наташка. — Ты их так отдубасил — никогда больше маленьких обижать не будут!

— Я... только Ваську... отдубасил.

— Вот еще, — Наташка обиженно сложила губы бантиком. — Ты Боба даже больше поколотил. Честно! Только поскользнулся. А он хотел ударить лежачего ногой. А я ему глаза и рот песком засыпала. Он страшно заругался. Я испугалась и еще ведерко песку в него сыпанула. Боб и пустился наутек. Только пятки сверкали! Даже своего Васеньку бросил. Потому что трус. А ты, Саня, герой! Мы будем с тобой хорошо дружить, ладно?

Слушая Наташкин щебет, Саня почувствовал, как хорошо ему становится, и что Наташка настоящий друг, и смелее многих мальчишек. Без нее он, наверное, никогда бы не справился с хулиганами. Вот только у мамы отчего-то тревожные глаза. Отчего у мамы такие тревожные глаза?

— Мама, — спросил он. — Ты не сердишься?

— Нет, сын, — мягкая теплая рука коснулась его волос. — Я бы очень огорчилась, если бы ты струсил, остался в стороне. Но ты пошел в бой за правое дело. И честно дрался. Вы с Наташей настоящие молодцы.

— Нет. — Наташка болтала ногами. — Это Саня молодец. Хочешь, я расскажу тебе стихотворение, Саня? Мы в детском саду новое стихотворение к школе выучили!

— Чего там, — смущенно разрешил победитель из далекого детства. — Рассказывай.

Таким был первый Сергеев, живущий в старшем лейтенанте Сергееве. Если другу требовалась последняя рубашка, если сильный обижал слабого, если какой-нибудь фанатик изобретал вечный двигатель и уверял, будто двигатель работает вечно, если кто-то хотел совершить невозможное, — этот первый Сергеев немедленно выступал из тени. Точно приходил из прошлого. И без всякого стеснения облачался в костюм настоящего Сергеева, говорил его голосом, двигал его руками и ногами, корректировал его помыслы и стремления, как артиллеристы корректируют стрельбу по невидимым целям. Он даже держал в руках будущее старлея доблестных ВВС, ибо впитал в себя все Санькино детство, все слова, поступки, мужество на ночном кладбище, дипломатическую хитрость в разговоре с сильным Пышей, преодоление самого себя в отчаянной драке с хулиганами. Он впитал все.

Этот первый Сергеев рос не по дням, а по часам. Учился, бегал с Наташкой в кино, собирал фотографии Гагарина, изучал теорию расширяющейся Вселенной, запускал в небо новые модели самолетов. Поступив в авиационное училище, увлеченно прыгал с парашютом, сидел в барокамере, осваивал стремительную реактивную технику, доводил до белого каления преподавателя математического анализа, выписывая бином Ньютона совсем не в той последовательности, в какой его излагал профессор. Что делать? Первому Сергееву больше нравилось писать на лекциях письма Наташке, чем вести аккуратные конспекты. Он был нетерпелив, горяч, увлекался сам и увлекал других фантастическими, но чаще бредовыми идеями. Серьезного физика, кандидата наук, заставил две недели думать над своеобразной интерпретацией молекулярной теории. На спор со зловредной химичкой, смешивая совершенно нейтральные растворы, доказал, что они взрываются. И что взрывается вообще все. Даже химичка может взорваться — надо лишь сорвать с орбиты кое-какие протоны и электроны, из которых она состоит.

Нет, не все понимали этого первого Сергеева и не все принимали. Своим в доску, своим по духу и плоти, своим на все сто его считали тогда лишь мама, Наташка, изобретатели вечных двигателей, люди, попавшие в беду, да летчики-инструкторы. «Возьмите Сергеева, — говорили инструкторы, повторяя друг друга. — Пока не отшлифует упражнение — не успокоится. Видели, как он выполняет сложный пилотаж? А как сажает машину? Одно удовольствие!» Разным был этот первый Сергеев. Но всегда, когда он выходил из тени, разбуженный чужим горем, интересным делом, горячим спором или совершенно безнадежным предприятием, — в старлее доблестных ВВС просыпался мальчишка. И облик настоящего Сергеева — тут капитан Ропаев безусловно прав — менялся, становился «несо-олидным». А может быть, это замечательно, что в старшем лейтенанте Сергееве не умер мальчишка?

Второй Сергеев был значительно мудрее и старше первого. Иногда он чувствовал себя на тридцать лет, иногда на сорок, иногда совсем белоголовым стариком. Это казалось странным — этот второй родился значительно позднее первого. Куда позднее. Да и вылупился он, по сути, из всего Санькиного опыта, знаний, эмоций, точно зеленый росток из хорошо подготовленной почвы. Но уже в колыбели, без всяких переходных этапов, стал суровым и серьезным. Сразу стал большим. С удивлением он смотрел из тени, как дурачится его двойник, кого-то разыгрывает, попадает в сомнительные истории, заключает безнадежные пари, — такого второй Сергеев позволить себе не мог. Никаких чувств, кроме двух — чувства Высшей Ответственности и чувства Долга, — для него не существовало. Он не знал сострадания, любви, ненависти, печали, не умел смеяться и плакать, как первый Сергеев, вечные двигатели и всякая прочая ерунда его не интересовали. Это был холодный ум, холодный расчет, холодное самообладание.

Вот такой непонятный гибрид был этот второй Сергеев.

История его появления на свет проста, как мир, и так же, как мир, загадочна. Он объявился неожиданно, незвано, кажется, на следующее утро после выпускного вечера в школе. Будто посланец самого Времени. Потянулся в постели, посмотрел глазами настоящего Сергеева в окно. «Вот и все, — сказал новорожденный. — Детство кончилось. Прощай, мама, прощай, школа, дом». Он сказал одну-единственную фразу и тут же исчез. Одной-единственной фразой эта загадочная личность заявила о своем существовании, своей мудрости, своих полных правах на Саню Сергеева.

Объявился непонятный гибрид спустя два года.

Пришел, как и прежде, неожиданно, незвано, пришел в тот день, когда курсант Высшего военного авиационного училища летчиков Александр Сергеев должен был погибнуть. И он бы наверняка погиб, не объявись в роковую минуту этот второй Сергеев.

В то утро у курсанта был самый обычный полет. Взлет, набор высоты, выход в зону, сложный пилотаж с перегрузками, возвращение на аэродром. И курсант взлетел, набрал высоту, занял зону, до упоения пикировал, делал горки, крутил бочки, петли, спирали, а потом пошел на аэродром, не подозревая, что опасность со скоростью реактивного истребителя уже несется навстречу.

— Пятьсот пятидесятый — на третьем, — сказал курсант, подходя к третьему развороту. — Шасси...

«Шасси выпустил!» — должен был сказать курсант, но на сигнальном табло почему-то не вспыхнули зеленые лампочки, а из крыльев не высунулись механические указатели — тонкие полосатые трубочки. И он сказал:

— Шасси... Не выходят шасси!

На земле наступило молчание.

— Попробуйте потрясти машину, пятьсот пятидесятый, — в наушниках послышался спокойный голос руководителя полетов. — Горючее у вас есть?

— Да, минут на двадцать, — ответил курсант, уходя на второй круг, и до судороги тряс истребитель, пытаясь сорвать стойки шасси с замков. Но замки наглухо заклинило.

— Сажусь без шасси! — Сергеев-первый принял решение и почувствовал себя тоскливо.

— Будьте внимательны, пятьсот пятидесятый!

Белые самолеты его товарищей кружили над аэродромом, точно аисты над гнездом, освобождая раненому птенцу полосу и воздушное пространство для маневрирования.

Птенец сделал четвертый разворот и пошел на посадку.

Полоса, прямая и строгая, понеслась на остекление фонаря и до нее оставалось совсем немного, когда в кабине, во всем мире наступила тишина. Мощный реактивный двигатель — его обратный билет на землю — заглох. Заглох в полном соответствии с законом «мерзавности», когда один отказ «тащит» за собой другой, но все начинается с какой-то гайки, которую не проверил, не докрутил техник. Эта недокрученная гайка обернулась трагедией — двигатель заглох. И как только он заглох, скис, спина первого Сергеева стала холодной и мокрой. Но это продолжалось совсем недолго, какую-то долю секунды. Уже в следующее мгновение второй Сергеев, вырвавшись из тени, швырнул самолет вниз, хотя радиовысотомер показывал триста метров и Сергеев-первый отчетливо видел под собой поле, трактор, жирные пласты чернозема. Все в нем противилось этому стремительному снижению, ибо всякое приближение к земле неизбежно вело к столкновению с планетой. Он не хотел умирать, ничего не совершив, ничего не оставив; инстинкт жизни проснулся в нем, ослепил, и, повинуясь его горячему зову, он попытался рвануть ручку управления на себя, взмыть в небо, но второй Сергеев мертвой хваткой остановил это безрассудное движение.

«Мальчишка! — сурово бросил второй Сергеев. — Ты не имеешь права терять скорости — этой охранной грамоты военного летчика! Ты должен пожертвовать высотой. Это единственный шанс!» И тотчас будто перевоплотился в настоящего Сергеева. Расчетливо, хладнокровно вогнал безмолвную машину в бешеное пикирование, у самой пашни, не замечая перегрузок, выровнял и, как только скорость начала падать, посадил самолет на фюзеляж, на брюхо. Он все просчитал, все сделал красиво и точно, этот второй Сергеев. Только не знал, не мог знать, что на поле их вынужденной посадки забыли выкорчевать огромный камень. Машина врезалась в этот камень, поползла боком, курсант Сергеев услышал раздирающий душу металлический скрежет, приборная доска надвинулась, увеличилась в размерах, он почувство-

вал что-то теплое и липкое на лице и, теряя сознание, понял, что все-таки использовал свой единственный шанс и приземлился.

С того дня второй Сергеев надолго поселился в Саньке рядом со своим двойником, Сергеевым-первым. Затаившись в самом дальнем уголке души, он с добродушной усмешкой наблюдал, как Санька мучается от безделья в госпитале, как тоскливо перебирает струны гитары и поет совершенно никчемные песни, которые и петь то не стоит, потому что для девятнадцатилетнего человека в этих песнях нет ни капли здравого смысла. Но его двойнику, надевшему личину настоящего Сергеева, песни почему-то нравились.

Пилоты мы, пилоты мы, пилоты,
Веселая и дружная семья.
Полжизни подарил я самолетам,
Еще полжизни — только для тебя, —

надрывно тянул двойник Санькиным голосом.

Последние строчки ясно посвящались Наташе. Вслушиваясь в них, Сергеев-второй терялся: каких полжизни Санька подарил самолетам? Что за полжизни обещал оставить Наташке? Летает-то курсант всего второй год. И если его девятнадцать лет разделить пополам, налицо явное завышение своих возможностей и нахальный обман. Сопливый мальчишка работает под старого летчика, все повидавшего, все испытавшего, прошедшего через десятки аварий и катастроф, наделенного мудростью опыта. Отсутствие здравого смысла в поведении курсанта, работа на публику очень обижали второго Сергеева — это был принципиальный субьект. И однажды, устав от аллогизмов и беспричинных всплесков души того, в ком он поселился, Сергеев-второй исчез.

Как прежде, надолго, но теперь, быть может, навсегда.

Обиженный и оскорбленный, он, вероятно, никогда бы уже не появился, если бы сам Саня не вызвал его к жизни. Саня умолял, просил, требовал. Саня запутался в противоречиях и сомнениях, и первому Сергееву, с которым курсант остался, решить эти сомнения оказалось не под силу — тут требовалась умная, властная рука. Началось с того, что после госпиталя в Саньке стала происходить переоценка ценностей. Прежде авиация была для него только удовольствием, только средством познания мира. Он любил перегрузки, зверскую усталость после полета, ибо, преодолевая перегрузки и усталость, чувствовал себя сильным. И казался самому себе самым мужественным человеком на свете. Он любил смотреть на землю с высоты птичьего полета, любил острый вкус опасности, риска, любил истинное братство, связывающее авиаторов, любил настоящую мужскую дружбу — все это давала авиация. Но вот однажды техник подкатил к его самолету две тележки с бомбами — предстоял полет на боевое применение.

— Настоящие? — Саня потрогал холодный металл.

— Да, — почему-то строго, без обычной отеческой улыбки, ответил пожилой старшина, обслуживающий Санькин самолет. — Самые настоящие, товарищ Сергеев. — И осторожно освободил вертушки взрывателей от предохранителя.

И Санька вдруг каждой клеточкой, каждым нервом почувствовал, что его самолет взлетает с настоящими бомбами, и пушки заряжены настоящими снарядами. И как только Саня это осознал, он весь находился точно под высоким напряжением. Стоит после бомбового удара ошибиться, неверно вывести машину, думал

летчик, и попадешь под свои осколки. Зазевайся на полигоне, потеряй лишь на секунду осмотрительность — и столкновение с другими самолетами неизбежно. Огромная ответственность легла на плечи юного летчика. Он словно повзрослел сразу на несколько лет — небо быстро превращает мальчишек в мужчин.

— Выхожу на цель! — чужим, охрипшим голосом сказал Сергеев, пройдя контрольный ориентир.

— Начинайте работу, пятьсот пятидесятый! — жестко, коротко приказал Руководитель полетов.

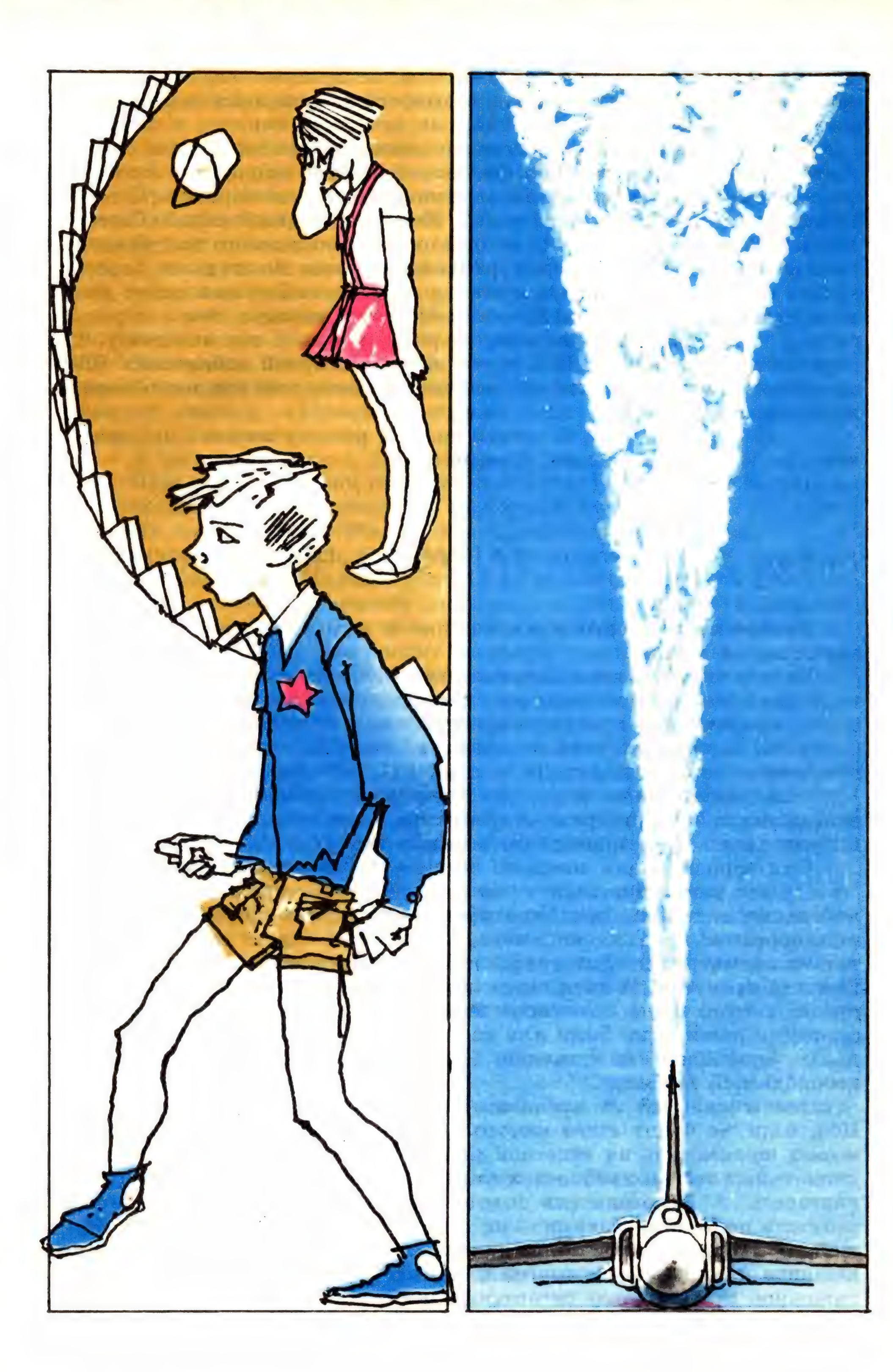
Все бомбы и снаряды легли тогда точно в цель. И потом они ложились точно в цель: не мог себе позволить Александр Сергеев роскоши промазать, не поразить, не уничтожить. Осознание того, что этими учебно-боевыми полетами, этими бомбами и снарядами страна еще вынуждена оплачивать на нашей неспокойной планете мир, подняло его сразу как профессионала на качественно новую человеческую ступень. Авиация с ее грохотом реактивных двигателей, стремительностью скоростей, опасностью, риском, авиация, которую он любил, которая доставляла ему удовольствие и служила средством познания, — эта авиация вдруг стала для него другой.

Понять эту, другую авиацию Сергеев-первый, отличный мальчишка, но все-таки мальчишка, не мог.

И тогда в муках, в поисках истины, Саня потребовал возвращения к жизни Сергеева-второго.

Этот второй пришел: серьезный и строгий. Он сказал: «То, чем ты сейчас занимаешься и будешь заниматься потом — это работа. Тяжелая, адская, напряженная работа. Работа для настоящих мужчин. Своими могучими крыльями ты закрываешь Россию. Ее поля, сады, заводы, улицы и проспекты. Ошибки в твоей работе, как показывает весь опыт авиации, оплачиваются ценой жизни — и собственной, и тех, кого ты призван защитить от любого противника. У тебя такая работа — защита Родины». «А как же удовольствие, ошалелость, счастье от соприкосновения с небом?» — спросил Санька. «Не нужно расставаться со счастьем. Но пусть этим занимается мой двойник. Он, в сущности, хороший малый, только твоя работа ему не по плечу — слишком много эмоций. Вспомни, как он потерял самообладание в том полете, когда по вине техника заглох двигатель! Вспомни, как, лишившись расчета и разума, хотел у самой земли вогнать машину, потерявшую скорость, в штопор! Он хороший малый, но не для работы. Твоя работа — это высшая ответственность, долг, холодный ум, холодный расчет, холодное самообладание». — «Значит, я больше не смогу быть тем Сергеевым, каким был всегда?» — «Не сможешь. Ответственность и долг — твое право, твоя обязанность, часть твоей работы. Они потеснят в тебе мальчишку. С этого дня во всем, что касается работы, ты станешь мужчиной. Из тебя может получиться настоящий мужчина».

Острота первых впечатлений, романтические порывы, мечты о дальних странствиях — все это осталось в Саньке после разговора со вторым Сергеевым. Но еще к этому прибавилось тернистые пути-дороги совершенствования мастерства, характер, преодоление естественного сопротивления своей трудной работы. Второй Сергеев навсегда поселился в нем. И Саня с годами стал мастером. Научился делать все,

что обязаны делать настоящие мастера, воздушные асы. В двадцать три года он стал военным летчиком второго класса, в двадцать пять — получил первый. Самый высокий.

И вот профессионал, прекрасно знающий свое дело, его особенности и тонкости, прекрасно освоивший новую машину, — этот профессионал вдруг заключает абсолютно безнадежное пари с капитаном Ропаевым! Кто заключает пари? Конечно, бесшабашный Сергеев-первый! Именно он выступил инициатором безнадежного предприятия, он спровоцировал Саньку на дурацкий поступок. Но странно: Сергеев-второй не ушел, как обычно, в тень, а впервые поддержал своего двойника. «Не дрейфь, старлей, — неожиданно хмыкнул вечно суровый гибрид. — Не дрейфь. Бросайся, не раздумывая, в эту авантюру. Ты познаешь самого себя!» И в ту же минуту старлей доблестных ВВС, закончив партию в шахматы, склонил к доске побежденного короля и упрямо сжал губы.

— Я раздолбаю их, — сказал он. — Я разнесу мишени-пирамиды, которые нельзя разрушить, в щепки!

Глава 3 ЗАПУСК — ЧЕРЕЗ МИНУТУ

Контролеры — безусые мальчишки в военной форме — знали Саню Сергеева в лицо.

Часто, возвращаясь с полетов, старший лейтенант останавливался у КПП, угощал ребят хорошими сигаретами, расспрашивал про житье-бытье, про вести из дома, про любимых, оставшихся на «гражданке». Сигареты Сергеев покупал специально — сам не курил и потребности к курению не испытывал. Только на КПП, чтобы не стеснять ребят, «портил» полсигареты и уходил с терпкой горечью во рту. Солдаты называли его Александром Андреевичем, часто советовались по каким-нибудь делам и рассказывали смешные истории.

Они хорошо знали военного летчика Александра Сергеева в лицо.

Но все равно, подходя в это осеннее утро к проходной, старший лейтенант дисциплинированно предъявил удостоверение, как дисциплинированно предъявлял всегда, и знакомый солдат сначала внимательно посмотрел на фотографию в удостоверении, а потом на самого хозяина пропуска. И хотя через пару часов Саня улетал не только за пределы этого поста, но и вообще за сотни километров от аэродрома, строгости режима не были для него простой формальностью, обычной данью армейской дисциплине. Это была железная необходимость, необходимый Порядок.

Все и каждый за пределами проходной подчинялись Порядку. Ибо, если не будет этого самого Порядка, водитель «чистильщика» может не заметить на взлетной полосе маленький камешек; он попадет в сопло бешено несущейся машины и не хуже снаряда разрушит двигатель. А Руководитель полетов без Порядка может запросто перепутать позывные. Техник — не докрутить какую-нибудь гайку. Оружейник — оставить в стволах пушек кусочек ветоши. Радист — переключить передатчик на другой канал. И тогда современное, четко отлаженное производство гигантских реактивных скоростей мгновенно

«скиснет», взорвется эхом сталкивающихся самолетов, визгом тормозов, хлопками раздувающихся пушек; по своей разрушительной силе непорядок в авиации страшнее любых бомбовых ударов противника.

Проделав неизбежные процедуры с удостоверением, Саня спрятал его в карман, улыбнулся и пожал руку контролеру.

— Ну как, Миша, — спросил он. — Пишет твоя девушка?

— Спасибо, товарищ старший лейтенант, все в порядке.

— Рад за тебя.

— А вы сегодня какой-то не такой, Александр Андреевич, — заметил контролер. — Наверное, интересная работа намечается?

— Как тебе сказать, Миша. Понимаешь, я заключил безнадежное пари, но мне очень хочется его выиграть.

— Выиграете, Александр Андреевич! Обязательно выиграете. Тут до вас Командир проходил с каким-то генералом. Про вас говорили. Командир сказал: «Толковый мужик этот Сергеев. Определенно толковый».

— А ты подслушивал, да? Нехорошо подслушивать!

— Никак нет, товарищ старший лейтенант, — обиделся Миша. — Они проходили мимо и говорили. Вот я и услышал.

— Ну ладно, Миша. Желаю тебе спокойного дежурства.

— А вам, Александр Андреевич, — выиграть пари.

В хорошем расположении духа Саня вошел в столовую для летного состава, повесил фуражку на вешалку, остановился на пороге большого светлого зала. Тут тоже царствовал Порядок: стерильно белые скатерти на столиках, цветы, отличная сервировка, которой мог позавидовать любой работник общепита на «гражданке», неслышно и грациозно ступающие официантки в красивых передниках и белоснежных наколках — все до мелочей продумано и целесообразно. Все призвано создавать праздничное настроение воздушным асам. Вот только сами асы как-то не вписывались в интерьер. Ропаев, повесив китель на спинку стула, ковырял вилкой великолепный салат из крабов, два других летчика громко спорили о каких-то проблемах мироздания; за соседним столиком недавно прибывшая молодежь хохотала над новым анекдотом.

— Доброе утро. — Саня сел на свое место, обернулся к неслышно подплывшей официантке. — Пожалуйста, Майя, мясо по-деревенски и двойной кофе.

— Хорошо, Александр Андреевич, — улыбнулась девушка. — Вы сегодня необычно выглядите. Будто выиграли по лотерее «Волгу».

— Только собираюсь, Майя. Вот у этого типа, — Саня кивнул на мрачного Ропаева.

— Я принесу самое вкусное мясо по-деревенски и двойной кофе.

— Спасибо, Майя.

— Заигрываешь, да, — поднял глаза Ропаев, когда официантка отошла. — Надоело.

— Что надоело?

— Жрать шоколад каждый день надоело. У меня к сладкому аллергия.

— Что у тебя?

— Аллергия.

— А, — сказал Саня. — Тогда давай разыграем шоколад на «морского».

Ропаев оживился.

— Ты, Саня, настоящий товарищ. Всегда выручаешь в трудную минуту. Все готовы? Внимание! Раз... Два... Три!

Лейтенанты выбросили по три пальца: Ропаев — один, Саня — два. Считать начали с Ропаева, при счете «девять» Саня засмеялся:

— Вам придется лопать весь шоколад, капитан. Все четыре плитки!

Ропаева передернуло.

— Но у меня идея, — сказал Саня. — У моего техника — отличный сын. В свои два года и три месяца он имеет железные убеждения.

— Какие еще убеждения в два года!

— Он считает, что самое прекрасное на свете — это шоколад. По его мнению, всякий, кто хочет хоть мало-мальски прилично летать, обязан ежедневно потреблять сей продукт в несметном количестве. Для справки: того же мнения придерживается и Главком наших доблестных ВВС. В этом нетрудно убедиться, оглядев наш скромный стол.

Санька дурачился. Ну а почему, собственно, он не мог немного подурачиться? Первый Сергеев уже вышел на сцену и, получив полную свободу действий, с хитрой улыбкой смотрел на печального капитана.

— Знаешь, — нерешительно предложил Ропаев, брезгливо отодвигая от себя четыре плитки «Улыбки», — передай шоколад своему технику. Пусть хорошенько подготовит твой аэроплан. Сегодня мне предстоит пренеприятнейшее занятие — распечатывать мешок трюфелей.

— Дудки! Сегодня тебе предстоит тащить этот мешок к клубу!

— Вы, товарищ старший лейтенант, — отделавшись от шоколада, добродушно сказал Ропаев, — голословный болтун. Видите, орлы, — он повернулся к лейтенантам, внимательно слушающим их перепалку. — Этот ас утверждает, что разнесет сегодня в щепки новые мишени. Из пушки. Я поспорил на мешок трюфелей. Не хотите сделать выгодные ставки?

— Мишени? Особопрочные? Это невозможно! — Лейтенанты впились глазами в Сергеева.

— Я затыкаю уши, — сказал он. — Сейчас пойдет высшая математика. Дважды два — четыре.

— Нет, — дружно рявкнули лейтенанты. — Без всякой математики ставим два мешка против одного!

— Отлично! Итак, пять мешков великолепных конфет уже обеспечено, — дурачился Санька. — Кто больше?

— О чем спорите? — понеслось от соседних столиков.

Ропаев объяснил. Еще семь молодых летчиков, считая Санькино предприятие абсолютно безнадежным, заключили пари. Лишь один майор Громов, вечный комэск, задумчиво потягивая какао, рассудительно произнес:

— Ну особопрочные, и чего? А ничего! Ежели постараться...

— Вы боитесь спорить? — набросились на комэска лейтенанты.

— Не мальчики, — лениво сказал майор. — Я с войны ничего не боюсь. Чего спорить? И так все ясно.

— Конечно, ясно, — согласились лейтенанты.

— Ясно, — сказал майор. — Санька эти мишени как пить дать

раздолбает. — И, по-крестьянски обтерев губы салфеткой, лениво, ни на кого не обращая внимания, пошел к выходу.

В лагере Санькиных противников началось легкое брожение: майор Никодим Громов пользовался у молодых летчиков большим авторитетом. По-медвежьи неуклюжий, молчаливый, он долго летал на Крайнем Севере, получил в мирное время два ордена Боевого Красного Знамени, медаль «За боевые заслуги», освоил двадцать типов самолетов, первым пришел на их дальний аэродром, затерявшийся среди леса, начинал тут с нуля, все делал своими руками. Молодые называли его за глаза «дедом», сам Командующий округом, встречаясь на аэродроме, на учениях, в военном городке, крепко тряс «деду» руку и всегда интересовался его мнением по вопросам боевой подготовки. «Дед» мог все. Даже обнаружить с высоты птичьего полета иголку в стоге сена. Не хватало ему лишь высшего образования — ни в какие училища и академии старый летчик идти не желал и навечно застрял в комэсках. Путь наверх по служебной лестнице майору Никодиму Громову был заказан. Да и не хотел он идти наверх — вполне довольствовался своей должностью, своей работой, не испытывая ни обделенности, ни ущербности.

Грузный, неуклюжий, он не забирался в кабину истребителя-бомбардировщика, а переваливал туда сначала могучие ноги, потом огромный живот, кряхтел по-стариковски, застегиваясь привязными ремнями, охал, но когда взлетал, вот когда взлетал майор Никодим Громов, все знали, что это взлетает Никодим Громов. Точность, изящество, какая-то особая, прямо балетная грациозность отличали его работу от работы всех остальных — майор Громов имел свой почерк. И если уж он говорил, а говорил вечный комэск мало, то говорил наверняка. Старый медведь верил, что Александр Сергеев раздолбает особопрочные мишени!

— Чепуха! — скривились лейтенанты, когда перестал скрипеть пол под ногами Никодима Громова. — Все равно такого не может быть!

Но их голоса уже не отливали металлом, недавняя категоричность сменилась сомнением. Без всякой охоты доковыряв завтрак, лейтенанты вместе с недавно прибывшей молодежью облепили Саньку у выхода и потребовали объяснений. Санька объяснения давать отказался — всю дорогу на аэродром, сидя в тряском автобусе, проигрывал в уме предстоящий полет, уже жил им, не замечая ни смеха товарищей, ни ироничных взглядов. На предполетной подготовке, записав условия погоды на полигоне и по маршруту, запомнив позывные, каналы связи, эшелоны, запасные полосы на случай вынужденной посадки, пошел к своему самолету.

— Доброе утро, командир, — вытянулся в струнку техник.

— Как телега, летает? — Кивнув на самолет, Саня крепко пожал технику руку.

— Полный порядок, командир.

— Держи вот, — он опустил в нагрудный карман синего комбинезона четыре плитки шоколада. — Твоему солдату от летчиков доблестных ВВС.

И, не слушая возражений, натянул шлемофон, медленно обошел вокруг самолета. Это был обычный ритуал, обычный предполетный осмотр. И если бы осмотр не был ритуалом, Саня, пожалуй, не стал бы себя утруждать — верил технику больше, чем самому себе, хотя

авиационная биография у юного лейтенанта только начиналась. Да, собственно, и не было еще никакой биографии — так, с воробьиный нос. В полк пришел три месяца назад, сразу после института. Худенький, невысокий, по-мальчишески быстрый, с озорными глазами, он подал Саньке руку и сказал: «Здравствуйте. Я — три «К»: Константин Константинович Костенко». И улыбнулся. Саня промолчал — не стал распекать вчерашнего студента за то, что представился не по форме, за то, что ремень болтается ниже пояса, за дурацкую улыбку, которой не должно быть, когда обращаешься к старшему по званию. Только оглядел новичка с ног до головы и поморщился. Не почувствовал в нем ни солидности, ни обстоятельности, столь характерных для пожилых авиационных техников. Так — мужичок с ноготок.

Но мужичок оказался с головой. Через несколько дней — они еще летали на старых машинах — Саня вернулся на аэродром с задания злой и нервный. Зарулил на стоянку, откинул фонарь, вытер со лба крупные капли пота, коротко бросил: «Я, конечно, дотянул. Но ты, техник, посмотри. Нет поддавливания в баках!» — «Хорошо,— кивнул три «К». — Все сделаю». И начал открывать лючки. Ох, каким виноватым чувствовал себя три «К» перед командиром, перед машиной, перед самим собой. Он ругал себя самыми последними словами и работал. Небо сделалось сиреневым, потом темным, а три «К» никак не мог обнаружить причину неисправности. Проверил все: от лампочки сигнализации до последнего трубопровода. Оставался клапан поддавливания. Клапан барахлить не мог — машина недавно пришла с рембазы, там этот механизм отрегулировали по приборам. И все же механик взялся за отвертку. «В ТЭЧ недосмотрели», — сказал командиру утром. «Всю ночь сидел?» — «Нет, — засмеялся три «К». — До пяти утра». — «Не жалеешь, что пошел в армию?» — «Настоящим инженером становлюсь», — серьезно ответил Костенко.

И почему-то вспомнил защиту дипломного проекта. Он казался тогда себе совсем маленьким перед сорока листами ватмана, развешанными на двух стенах. На чертежах четко вырисовывались контуры необычного самолета с удивительно красивыми аэродинамическими формами и какой-то внутренней, скрытой мощью. Изящные графики и длинные ряды формул подтверждали: в движке машины лошадей значительно больше, чем у Юлия Цезаря при его вторжении на Британские острова. Всепогодный истребитель-бомбардировщик мог запросто ходить за два Маха — со скоростью около 3000 километров в час. Не верилось даже, что этот удивительный самолет создал он, Костя Костенко.

— М-да, — сказал тогда председатель Государственной комиссии. — Впечатляет. Но главное — студенческая работа. Ваше мнение, коллеги?

Через несколько дней вчерашний студент получил диплом с отличием об окончании авиационного института. Его товарищи разъехались отдыхать после утомительной защиты, чтобы осенью явиться в КБ известных всему миру авиационных конструкторов, на гигантские заводы, в лаборатории. Три «К» не уехал никуда. Он ждал. Вот-вот должен был прийти ответ на его заявление: «Прошу направить меня в воинскую авиационную часть. Глубоко убежден: все, что увижу и чему научусь в армии, поможет мне в дальнейшей конструкторской

или инженерной работе по совершенствованию новой техники». Ответ пришел — три «К» получил направление на их дальний аэродром. И подружился тут со своим командиром Саней Сергеевым, полюбил новую машину, чем-то похожую на ту, что вырисовывалась на сорока листах ватмана.

— Вот что, любезный три «К», — сказал Саня, закончив осмотр. — Сегодня мне нужен не самолет — часы. Самые точные и выверенные. И чтоб радиовысотомер грешил не более чем на полметра.

— Такие часы перед вами, командир, — улыбнулся техник. — Самые точные и выверенные. А высотомер мы с радиоинженером настроили по эталонному прибору. Погрешность в показаниях — нуль.

— Большое пролетарское мерси, любезный три «К», — ухмыльнулся Саня, забираясь в кабину. — «Жди меня, и я вернусь».

Держась за обрез фонаря, он ловко сел на парашют, поставил ноги на педали, застегивая привязные ремни, ощупал быстрым, цепким взглядом приборную доску. Все то, чем он жил час назад, — спор в столовой, пустой треп, острое желание увидеть Наташку, тихие грезы о путешествии вдвоем по ласковой речушке на резиновой лодке, — все это куда-то отодвинулось, отступило, ушло на второй план. Саня, точно после долгой разлуки, вживался в машину, сливался с ней, становясь ее мозгом, ее нервами. Тело его недвижно застыло в кресле с бронированной спинкой, работали одни глаза и руки. Руки и глаза второго Сергеева готовили самолет к полету. И только холодный ветер, врываясь в кабину через распахнутый фонарь, напоминал, что он еще на земле. Неожиданно ветер стих, послышался неясный звук; боковым зрением Саня увидел темное пятно справа, крутанул головой. В кабину, почти касаясь Санькиного лица, втиснулось красное, разгоряченное лицо майора Громова.

— Ты это, Сань, подготовился уже? — с хрипотцой спросил вечный комэск.

— Подготовился, — сказал Саня, думая, что майор интересуется предстоящим полетом.

— Да я не про то. Подготовился, спрашиваю, наряд вне очереди получить?

— А, — хмыкнул первый Сергеев. — Где наша не пропадала!

— Это точно! — крякнув, майор с удовольствием похлопал по плексигласу фонаря своей могучей лапой, точно проверяя остекление на прочность. — Это точно, — повторил он и с достоинством человека, выполнившего свой долг, вразвалочку, выставив вперед огромный живот, удалился.

С любопытством, с какой-то почти сыновней теплотой и нежностью Саня смотрел, как вечный комэск гордо шествует вдоль стоянки к своему самолету. Словно почувствовав его взгляд, Никодим Громов вдруг обернулся, поднял вверх руку, сжатую в кулак.

— Я — восемьсот первый, — захлопнув фонарь кабины, Саня нажал кнопку передатчика. — Разрешите запуск!

— Запуск через минуту, восемьсот первый, — отрезал Руководитель полетов.

Ровно через минуту военный летчик первого класса Александр Сергеев запустил двигатель.

Глава 4 ТРИ ДЕЖУРСТВА ВНЕ ОЧЕРЕДИ

Рыжая земля — огромный вращающийся глобус — уходила под фюзеляж, словно не извечное движение, а мощный двигатель Санькиного самолета толкал землю назад. Разноцветные крыши деревенек, леса, поля, возвышенности, реки ускоряли свой бег, земля крутилась волчком, но ощущения движения не было. Казалось, он завис над планетой. Лишь когда из хрустального осеннего неба, из прозрачного родникового неба, невесть откуда — точно выстрел в лицо — вырывались белоснежные облака и бесшумным призрачным вихрем скользили мимо, Саня чувствовал скорость. Его самолет, протыкая пространство, быстрой, невидимой пулей летел к полигону.

К самому дальнему полигону, окрест которого на ближайшие триста километров не то что населенного пункта — человеческого жилья не значилось, шел всепогодный истребитель-бомбардировщик, напоминающий со стороны пулю. Широкое, приземистое туловище машины в полете как бы подобралось, сделалось иглообразным. Мощные крылья, словно отброшенные воздушным потоком, сложились, ушли в бока фюзеляжа; из серебристого тела выступали только крохотные стреловидные треугольники. Белый сноп огня, подобно вулкану, с грохотом извергался из огромного сопла.

Военный летчик Александр Сергеев ни о чем не думал.

Не мог, даже очень пожелав, о чем-либо думать Александр Сергеев. Все это глупые враки, будто в полете, похожем на отблеск молнии, пилоты вспоминают всю, без остатка жизнь; враки, будто память, как в немом кино, воскрешает картины далекого детства и перед глазами наклеенными на электронный прицел фотографиями встают лица любимых. Современная авиация «крутить кино» не позволяет: скорость реактивных стрел подчас значительно превышает скорость нервных импульсов человека. Летчикам некогда вспоминать и размышлять. Они работают на грани возможностей, на пределе реакции, иногда всего на десятую, на сотую долю секунды опережая, предвосхищая своими действиями реакцию машины.

Саня Сергеев не был тут исключением, не был всемогущественным суперменом. На очередной ВЛК — врачебно-летной комиссии — он прошел психофизиологический контроль по первой, самой высокой, группе. Но и другие прошли не хуже. Правда, в стрессовых ситуациях кое-кто из авиаторов сникал, начинал туго соображать, а Саня, наоборот, быстрее работал, быстрее думал, быстрее чувствовал. Возможная опасность не давила на его психику нестерпимым грузом, не сковывала, а подхлестывала. И в этом полете, в этом безнадежном предприятии с пирамидами, помимо тонкого, очень тонкого расчета, он делал ставку на свою реакцию. Тренированное тело стало как бы инструментом его воли; сам же он превратился в сплошное Напряжение, Собранность, Внимание.

Он ни о чем не думал.

Он пронесся над маленькой речушкой, где в августе ловил на блесну преогромных щук — о, как приятно было сражаться с сильными рыбинами, выводить зеленые бревна на берег, — и даже не вспомнил о рыбалке, о костре, обжигающе вкусной, пахнущей дымком ухе. Скользнул по речушке беглым взглядом и ничего не почувство-

вал — стремительным росчерком, мгновенной зарубкой отложился где-то в сознании пройденный ориентир, мозг сверил его со схемой полета, и тотчас изображение угасло. Новые ориентиры, новая информация, которую считывали с лика земли и с циферблатов приборов напряженные глаза, вытеснила прежнюю. Лишь один-единственный раз что-то неясное, призрачное, похожее на печаль вспыхнуло в нем и пропало. Сане показалось, будто весь несущийся мир стремительной, неудержимой рекой проходит через него и ему, оседлавшему грохочущую турбину, никогда не дано остановить бурное течение. Но это длилось долю секунды. Военный летчик Александр Сергеев — комок нервов и воли — вел свой самолет к дальнему полигону. Мощные, самые мощные в мире авиационные пушки были заряжены настоящими снарядами, большой палец правой руки уже ощущал сквозь перчатку холодок предохранителя, закрывающего боевую кнопку. Ярко-красный, с огненными буквами «Снять перед работой» предохранитель щелкнул, гулко отскочил вверх.

— Я — восемьсот первый, — хрипло сказал Саня. — Место занял.

— Приступайте к работе, восемьсот первый! — металлом зазвенел в наушниках голос Руководителя полетов.

— Я — восемьсот первый, приступаю!

Теперь, если следовать Наставлению по производству полетов, он должен погасить скорость, изменить геометрию крыла, сделать левый разворот со снижением, выйти на цель и, тщательно прицелившись, длинной очередью поразить мишень. Но Саня скорость гасить не стал — лишь чуть-чуть убрал на себя сектор газа. И разворот начал не над контрольным ориентиром, а значительно раньше. И не с легким снижением пошел к цели, а в бешеном, неистовом пикировании. Где-то сбоку в электронном прицеле заплясала пирамида. Едва заметным движением ручки управления и педалей он перевел перекрестье прицела сначала на центр мишени, а потом чуть выше — к самой макушке пирамиды. Холодный взгляд скользнул по табло радиовысотомера. Пять секунд полета оставалось до столкновения с землей... Четыре... Три...

Большой палец правой руки лег на черную широкую кнопку.

Та-та-та-та-та... та-та-та-та-та — самолет задрожал, ощетинившись кинжальным огнем, и в тот же миг, словно подброшенный невидимой катапультой, свечой взмыл к солнцу. Саня почувствовал боль в глазах и во всем теле, синее небо стало грязно-фиолетовым, яркими разноцветными фонариками в небе вспыхнули звезды. Тяжелым, непослушным взглядом он посмотрел на акселерометр — показатель перегрузки. Стрелка прибора, перескочив красную черту, застыла на отметке «7». Подсознание автоматически отметило эту опасную перегрузку, руки плавно перевели машину в горизонтальный полет. И сразу стало легко, будто и не было той чудовищной силы, что железным молотом вбила летчика в кресло. Саня огляделся. Он вышел точно в расчетное место, но немного дальше обычных ориентиров.

— Ах так тебя, в хвост и в гриву! — с большим опозданием понесся в эфир зубовный скрежет руководителя стрельбами. — Восемьсот пятый, ты что это делаешь?! Чего ты, спрашиваю, вытворяешь, а?!

— Я — восемьсот пятый, — услышал Саня удивленный голос капитана Ропаева. — На кругу. В чем дело?

— Не он, — щелкнуло в наушниках, и микрофон на земле выключили.

— Цель вижу, иду на цель! — сказал Саня.

— Валяй! — Руководитель стрельбами, не владея собой, даже не спросил позывной и снова, видимо, не отпустил кнопку выключения микрофона. — Кто же это, а? — Голос его дрожал от негодования. — Ну, заяц, поймаю — убью!

Сане стало смешно. Руководитель стрельбами — лысый, меланхоличный, вечно засыпающий на разборах капитан, заготавливающий летом в своем хозяйстве, на полигоне, грибы и ягоды, проспал и на этот раз. Но теперь он наверняка впился в резиновый намордник перископа всем вспотевшим от досады и страха лицом и ждет, караулит, готовый немедленно сообщить о нарушителе Руководителю полетов. Придется рисковать. Надо только учесть шероховатости первого захода и не повторить ошибки. Надо сработать ювелирно точно — первый раз он на долю секунды затянул выход из пикирования, и пришлось закладывать опасную перегрузку... Он принял решение.

Правая рука военного летчика Сергеева плавно, но вместе с тем широко отдала ручку управления от себя, левая слегка подобрала на себя сектор газа, глаза метнулись к прибору, отсчитывающему в процентах обороты турбины, и, прочитав показания, впились в перекрестье прицела. Та-та-та-та-та... та-та-та-та-та — страшный вой и грохот, казалось, потрясли землю. Та-та-та-та-та... Та-та-та-та-та... — выплеснув шквал огня и металла, машина почти вертикально пошла в небо. Но Саня не почувствовал адской перегрузки. Выполняя боевой разворот, он знал наверняка, что особопрочной мишени-пирамиды больше не существует. Страшная усталость навалилась на него, комбинезон прилип к мокрой, холодной спине, ничего не хотелось.

— Восемьсот первый работу закончил! — нажав кнопку передатчика, сказал Саня.

— На точку, восемьсот первый! — бесстрастно приказал Руководитель полетов.

— Понял, я — восемьсот первый. Беру КУР [1] ноль.

Рыжая земля понеслась под фюзеляж, но теперь глобус крутился в обратном направлении. Покрасневшие от напряжения глаза считывали с лика планеты и с циферблатов приборов нужную информацию, но все чаще, отрываясь от приборной доски, Саня поглядывал влево — туда, где должна была появиться белая взлетно-посадочная полоса, рассекающая зеленый хвойный лес пополам.

Он увидел полосу раньше, чем дернулась, поворачивая на сто восемьдесят градусов, стрелка радиокомпаса.

— Восемьсот первый на третьем, — доложил Саня через несколько секунд. — Шасси выпустил! — И покрутил головой влево и вправо, проверяя выход механических указателей.

За бортом завыло, загудело; двигатель, недавно работавший на высоких, пронзительных нотах, низко, басовито рокотал, крохотные стреловидные треугольники, распрямившись, вышли из пузатого фюзеляжа, превратившись в сильные, могучие крылья. Скорость упала. После молниеносного броска на полигон, где каждое мгновение полета

------

[1] КУР — курсовой угол радиостанции.

требовало неослабного напряжения и внимания, Сане казалось, будто самолет ползет немногим быстрее черепахи.

— Восемьсот первый, — раздался в наушниках голос Руководителя полетов, когда Саня зарулил на стоянку, — зайдите на СКП!

— Понял, я — восемьсот первый, на Стартовый Командный Пункт!

— И побыстрее!

— Есть побыстрее!

Саня остановил двигатель, выключил энергосистему, перекрыл кран подачи топлива и, проделав все необходимые манипуляции с тумблерами и кнопками, выбрался из кабины. Земля казалась твердой как камень, а ноги мягкими и ватными. Три «К», вытянувшись по стойке «смирно», ждал замечаний.

— Все о'кей, — Саня показал большой палец. — Эроплан рычал, как зверь. Замечаний нет.

— Вас Командир ждет. — Механик сделал страшные глаза. — И майор Громов прибегал. Говорит: «Передай, пусть не лезет в бутылку. Бог не выдаст, свинья не съест!»

— Ладно, спасибо.

Шагая вдоль стоянки, Саня представил, как несется к его технику на всех парах неуклюжий майор Громов, как отдувается, — и ему стало смешно. Ясно, словно знал с детства, он вдруг понял, что в этом опытном, солидном, многое пережившем и повидавшем летчике годы не вытравили мальчишку. Мальчишка, живущий в майоре Никодиме Громове, поднимал грузное тело в тесную кабину самолета, мальчишка рукой майора Громова демонстрировал Командующему сложный пилотаж на малой высоте, мальчишка с первого захода поражал любые цели. Мальчишка прибежал предупредить своего брата авиатора, что над ним собираются тучи. И когда Саня все это понял, авторитет майора Громова, его непревзойденное мастерство перестали иметь для него то особое значение, какое имели прежде. Он вдруг увидел Громова-человека. И старый медведь стал ему по-человечески очень дорог и люб.

— Товарищ полковник! — поднявшись по узкой лестнице в стеклянную башенку СКП, доложил Саня. — Старший лейтенант Сергеев по вашему приказанию прибыл!

Командир сидел на вращающемся кресле посреди огромного пульта с приборами, телефонами, микрофонами спиной к старлею доблестных ВВС. Не поворачивая головы, продолжая осматривать воздушное пространство в районе аэродрома, Командир спросил:

— Какое у вас сегодня было задание, Сергеев?

— Учебно-боевой вылет на полигон. Стрельба из пушек по мишеням.

— Ну а вы?

— Выполнил задание, товарищ полковник. Поразил цель!

Командир подавил невольный смешок, резко крутанул кресло, быстрым, пронзительным взглядом окинул Сергеева с ног до головы и, словно потеряв к старлею всякий интерес, жестко спросил в микрофон:

— Пятьсот двадцать первый, ваше место?

— Я — пятьсот двадцать первый, — захрипел динамик громкой связи. — Работу в зоне закончил. Иду на точку.

— Вовремя надо докладывать, пятьсот двадцать первый!.. Семьсот пятнадцатый, запуск!

— Есть запуск, семьсот пятнадцатый!

— Выруливайте, четыреста двенадцатый! — Командир положил микрофон. — Что мне с вами делать, Сергеев?

— Виноват, товарищ полковник! — отчеканил Саня, вспомнив мудрый совет Громова. — Исправлюсь!

— Вино-оват?! — насмешливо протянул Командир. — Вот послушайте. — И, сняв одну из телефонных трубок, спросил: — Гавриил Петрович, так что у тебя на полигоне случилось? Я в первый раз не совсем понял.

— Слу-у-училось?! — истерично завизжала трубка ужасным голосом руководителя стрельб. — Вы-ы спрашиваете, чего случилось, товарищ Командир?! Па-алигон выведен из строя! Этот гад, извините, товарищ Командир, этот, как его, старлей восемьсот первый — точно по пирамидам! Та-та-та-та-та... та-та-та-та-та!.. Срезал, говорю, все верхушки пира-амид! Па-алигон не в строю! Из строя выведен, говорю, па-алигон!

— Ладно, Гавриил Петрович, вы, пожалуйста, не волнуйтесь. Так волноваться вредно. Я разберусь!

— Как же не волно-оваться... — ошалело взвизгнула мембрана, но Командир больше не слушал — аккуратно положил трубку на рычаг, внимательно, будто в первый раз видел, посмотрел на Сергеева.

— Ну, товарищ старший лейтенант, — наконец выдавил Командир, — как прикажете это понимать?

— Виноват, товарищ полковник! — смиренно вытянулся Санька. — Недодумал. Мишени ведь особопрочные! Из пушки их разрушить невозможно!

— Вы мне тут ягненочка не стройте! — неожиданно рассвирепел Командир. — Особопрочные... Невозможно... Противно слушать! Нет такой мишени, которую нельзя уничтожить с помощью нового самолета. И цели такой нет!

— Так точно, товарищ Командир! Нет такой мишени и цели такой нет! — приободрился Санька. — А никто в нашем полку, кроме майора Громова, в это не верит.

— Ладно, — остыл Командир. — За нарушение безопасности полета, старший лейтенант Сергеев, объявляю вам строгий выговор! За покуроченные мишени — отстраняю от полетов. Будете пять дней дежурить на СКП вне очереди. Ну, а в вопросах этики и эстетики вашего поведения, думаю, разберется замполит. Да и товарищи как следует на собрании пропесочат.

— Разрешите идти, товарищ полковник?

— Подождите, Сергеев. — Командир вдруг скривился, точно от зубной боли, пряча улыбку. — Но за то, что вы, негодник этакий, все-таки произвели точный расчет и обрезали макушку у этих хваленых пирамид, — два дежурства снимаю. Остается три. Можете быть свободны!

— Есть, товарищ Командир полка, быть свободным! — весело, на одном дыхании выпалил Санька.

Глава 5 РАЗБОР

Комната отдыха пустовала — никто не играл в шахматы, не смотрел телевизор, не читал газет и журналов. Летчики вышли в коридор, где разрешалось курить, дружный смех горохом сыпался по всему этажу — Санька, королем восседая на подоконнике, в десятый раз повторял монолог руководителя стрельбами.

— Про строй, про строй расскажите, Александр Андреевич! — напирали молоденькие лейтенанты.

— Вы спрашиваете, товарищ Командир, чаво стряслось?! — шипел и шепелявил Санька, подражая руководителю стрельбами. — Па-алигон выведен из строю! Не в строю, гаварю, па-алигон! Не в ногу! Ремонтик требуется! А какой щас ремонт, ежели грибной сезон под носом. Грузди так и прут, так и прут!

Все знали тайную страстишку руководителя стрельбами заготавливать на зиму соленья и варенья. И поэтому при словах «не в ногу» и «грибной сезон» хохотали до слез. Но Саня уже потерял всякий интерес к подробностям вчерашнего полета и, если признаться, совсем не чувствовал себя королем. Что-то он сделал не так, чего-то не учел, недодумал. И это «что-то» — неуловимое, деликатное, тонкое — никак не давалось в руки. К тому же краем глаза Саня все время видел майора Громова. Тот изваянием сидел на табурете у стены, жадно курил, о чем-то думал и не смеялся. Почему не смеялся майор Никодим Громов?

— Товарищи офицеры! — гаркнул в конце коридора дежурный. — На разбор!

Шутки, смех разом оборвались. Летчики не спеша прошли в соседний класс, загремели стульями. Саня, чтобы быть подальше от начальства, сел не на свое место, рядом с капитаном Ропаевым, а за самый последний стол, на камчатку. И прогадал. Теперь он видел не часть класса, а весь класс. Молчаливым укором маячили перед глазами таблицы, графики, схемы по производству полетов, развешанные на стенах и у доски. Красочные плакаты показывали, как нужно грамотно взлетать, грамотно выполнять пилотаж, грамотно работать на полигоне, что делать при отказе матчасти и в аварийных ситуациях. Таблицы расписывали буквально все случаи жизни. Не было в них только одного — схемы Санькиного полета.

— Итак, день вчерашний, — сказал Командир, и Санька, похолодев, опустил голову. — Вчера работали в две смены. Закончили точно по графику — двадцать два тридцать. Плановая таблица выполнена полностью.

Неожиданно Командир, прервав доклад, громко сказал:

— Товарищи офицеры, встать! Смирно!

Саня поднял голову. В дверях стоял незнакомый генерал, видимо, тот самый, про которого говорил постовой Миша. Генерал был молодцевато подтянут, строен, без единого седого волоска в смолистой шевелюре. Над орденскими планками — в несколько рядов — блестела Звезда Героя Советского Союза.

— Товарищ генерал! Первая и вторая эскадрильи проводят разбор полетов! — четко доложил Командир и сделал шаг в сторону, освобождая генералу дорогу.

— Здравствуйте, орлы! — как-то лихо, совсем не по-военному сказал генерал.

— Здравия желаем, товарищ генерал! — В классе задрожали стекла.

— Вольно, прошу садиться.

— Вольно, — приказал Командир. — Садитесь. — И, что-то едва слышно спросив у гостя, представил: — Генерал Матвеев. Из Москвы. В нашем полку — по делам службы.

По каким именно делам в лесную глухомань прилетел столичный генерал, Командир не сказал. Спрашивать никто не стал, — значит, так надо. Значит, Командир не может или не имеет права говорить больше. Но у Саньки от этой недомолвки засосало под ложечкой. Он вдруг понял, что тот разговор у проходной о нем, старшем лейтенанте Сергееве, и этот приход бравого генерала на разбор полетов как-то между собой связаны. Как? Неясное предчувствие, волнуя и тревожа, всколыхнулось в нем, обожгло надеждой. Дальше он почти ничего не слышал. Командир закончил доклад, похвалил отличившихся, комэски по очереди указали молодым лейтенантам на характерные ошибки, замполит, летавший на разведку погоды, сообщил о приближении грозового фронта, синоптик выдал ясный прогноз — шел обычный разбор полетов, обычная деловая подготовка к новому рабочему дню. О старлее доблестных ВВС даже никто не вспомнил.

— Перерыв, — сказал Командир. — Прошу не расходиться. Через десять минут замполит сделает сообщение о грубом нарушении безопасности полетов.

Саню оставили на десерт. Решили обсуждать не в рабочем порядке, а персонально. Ничего хорошего это не предвещало, и Сергеев окончательно опечалился. Выходя из класса, почувствовал чей-то быстрый взгляд, всей спиной почувствовал. Обернувшись, увидел, как столичный генерал с непонятным любопытством смотрит вслед, точно спрашивает: «Кто же вы на самом деле, летчик Сергеев? Что несете в себе, что можете?» Сане стало неуютно. Сам не зная зачем, он подошел к окошку, где собрались курильщики, попросил сигарету. И странно — никто не стал подшучивать над ним, подтрунивать: несколько рук одновременно протянули разноцветные пачки. Он смутился, взял из пачки майора Громова, жадно затянулся, закашлялся.

— Ты, Саня, — постучал его по спине майор Громов, — не дрейфь. Дело сделано. Правда, ты одну порядочную глупость сморозил, ну да это, если не возражаешь, я тебе потом объясню. Не за столом переговоров.

— Буду рад. — Он почувствовал, что говорит что-то не то. Совсем не то.

Майор поморщился:

— Раскис, как барышня. Держи хвост пистолетом, а нос морковкой! Ты наказание получил? Получил. Всё. Баста. В армии за один проступок дважды не наказывают. Вот если б Командир не влепил тебе вовремя на всю катушку — тогда да. Тогда неизвестно, как бы все обернулось. Могли бы и турнуть.

— Как это? — не понял Саня.

— Тю, — хохотнул Громов. — Да ты, Сань, совсем щенок! Из авиации могли турнуть!

— Из авиации?! — Побледнев, Саня вдруг представил себя без неба, без самолетов, без надежных товарищей, стоящих рядом, без всего того, что составляло его жизнь, наполняло ее смыслом. — Из авиации?! — повторил он дрогнувшим голосом.

— А ты как думал? — резко спросил майор. — За такие дела, брат, по головке не гладят. Я считал, ты все вычислил, когда шел на полигон, — уже мягче добавил он. — А оно вон как...

То, что его могли турнуть из авиации, как говорил мудрый майор Никодим Громов, для Сани было полным откровением, полной неожиданностью. Что порочащего авиацию он, летчик Сергеев, сделал? Раздолбал мишени, которые нельзя разрушить? Но ведь кто-нибудь — пусть не он — все равно бы это сделал! Ибо что-то унизительное, низкое, до смертной тоски оскорбительное было для военных летчиков в самом факте существования особопрочных исполинов. Этот факт действовал на нервы, не поднимал моральный дух, а, наоборот, разлагал его, подводил к мысли о принципиальной возможности создания таких укрытий, танков, кораблей, бронетранспортеров, которые нельзя уничтожить. Для которых их отличный самолет является не грозным оружием, а детской игрушкой. И многие начали свыкаться с такой мыслью, считая ее аксиомой. Даже расчетливый Володя Ропаев как дважды два доказал эту аксиому. А Саня не хотел, не мог мириться с непреложным. Все в нем — до костей мозга военном человеке — противилось этому. Он взбунтовался. Разрабатывал варианты, просчитывал. И вышел победителем в споре — эффективно использовал оружие, которое ему доверила страна, поднял, если так можно сказать, его производительность и огневую мощь. Так за что же его гнать из авиации? Ну нет, так просто он сдаваться не собирается — будет драться до последнего патрона! Он, старший лейтенант Сергеев, не желает быть крохотным винтиком в сложном механизме. Он хочет, чтобы в нем видели и уважали личность!

— Товарищи офицеры!

Летчики вошли в класс, расселись без обычной толкотни и шума. Замполит язвительно, как показалось Сане, сообщил о происшествии на полигоне. Подводя базу, сказал, что поступок военного летчика Сергеева граничит с воздушным хулиганством, что летчик Сергеев нарушил безопасную высоту и скорость, чем создал предпосылку к летному происшествию. Малейшая случайность — и старшего лейтенанта Сергеева в этом классе могло не быть. И дабы предотвратить подобные случаи, летчика Сергеева необходимо строго, крайне строго наказать. Потом выступали штурман полка, Санькин комэск, какой-то моложенький лейтенант, которого толком никто не знал, — в полк он прибыл неделю назад. Все дружно чехвостили летчика Сергеева — так, что перья летели, говорили про мальчишество, про разгильдяйство и что если каждый будет делать все, что вздумается, — авиация попросту перестанет существовать. Зачахнет на корню. Дело принимало серьезный оборот. Над головой старлея доблестных ВВС начали сгущаться черные тучи.

— А что? — ни к кому не обращаясь, сказал майор Громов, когда лейтенант сел на место. — Правильно. Надо Сергееву всыпать на всю катушку. За то, что нарушил безопасность полетов.

Санька похолодел — такого предательства от Громова, которого успел полюбить, как отца родного, он не ожидал.

— Согласен с вами, товарищ майор. — Замполит показал на маленькую трибуну. — Пройдите, пожалуйста.

— Если можно, я с места, — глыбой поднялся над столом вечный комэск. — Говорю, надо наказать старшего лейтенанта Сергеева за нарушение безопасности полетов. А вот за точный расчет и умелые действия на полигоне старшему лейтенанту Сергееву, военному летчику Сергееву, надо поклониться. Спасибо тебе, Саня! — В полной тишине майор Никодим Громов повернулся к нарушителю. — Спасибо тебе, светлая голова, что ты всем нам и мне в том числе, старому дураку, продемонстрировал возможности новой машины. А так чего? Сплошные ограничения. Перегрузочку больше семи — не делай! За два звука — не ходи! Ниже скольких-то метров — не рыпайся! И не дай бог, поцарапаешь эти хваленые особопрочные мишени. Ну, тут держись!

— Товарищ майор, — бросил замполит. — Вы по существу.

— А существо мое такое. — Громов обвел затихший класс тяжелым взглядом. — Простое существо. Если завтра война? Если завтра, я вас всех спрашиваю, какой-нибудь придурок за океаном нажмет кнопку?! Если завтра нам всем придется закрыть собой матушку нашу Россию?! Что тогда? — захрипел он. — А тогда, скажу я вам, придется новые машины осваивать заново. И все ограничения полетят к чертовой бабушке! Не лучше ли начать осваивать предельные режимы сейчас?

— Вы думаете, что говорите? — сухо спросил замполит. — К тому же у нас гость, — он кивнул в сторону генерала.

— Всю ночь думал, — набычился Громов. — А что у нас высокий гость, так что из того? Я по орденским планкам и Звезде Героя вижу: товарищ генерал человек бывалый. Видимо, воевал. И думаю, согласится — затягивать освоение новой техники нельзя! Не имеем мы такого права! Поэтому предлагаю не наказывать летчика Сергеева так строго, как тут высказываются некоторые, неизвестные нам личности, — он с неодобрением посмотрел в сторону лейтенанта, — а наказать за дело! Не можем мы разбрасываться такими кадрами, как Сергеев! Если на то пошло, тогда и меня заодно гоните в три шеи! Тоже пробовал раскурочить эти мишени. Да не вышло — побоялся нарушить.

И, заскрипев стулом, сел. Но то ли не рассчитал сгоряча, то ли стул оказался с дефектом — в полной тишине неожиданно раздался хруст ломающегося дерева, и под дружный хохот вечный комэск всем своим могучим телом грохнулся на пол. Обстановка разрядилась. Хохотали все. Даже замполит, поглядывая на генерала, вытирал слезы.

— Что ж, товарищи, — сказал генерал, когда майор вышел подбирать себе подходящую мебель из комнаты отдыха. — Выступающий, — замполит тихо подсказал фамилию, — выступающий майор Громов во многом прав. В той сложной международной обстановке, которая сейчас сложилась, — голос его стал суровым, — мы не имеем права затягивать освоение новой техники. Мы отстаиваем мир, боремся за мир, я бы даже сказал — сражаемся за мир всеми средствами, но порох надо держать сухим. Последние международные инциденты — вы о них хорошо знаете — это подтверждают. Думаю, в самое ближайшее время вам будет разрешено эксплуатировать новую машину на предельных режимах.

— Ура-а! — дружно рявкнула молодежь, и Саня поднял голову.

— Как поступить со старшим лейтенантом Сергеевым, решите сами, — генерал посмотрел в его сторону. — Главное: беспристрастно оценить мотивы его поведения. Цель эксперимента ясна — поразить особопрочную мишень. А вот мотив не ясен. Ну и конечно, — генерал повернулся к Командиру, — если начальство не возражает, пусть Сергеев математически изложит свой трюк. Это интересно. Я, признаться, сам до сегодняшнего дня верил, что новые мишени разрушить невозможно.

Командир посмотрел на часы.

— Старший лейтенант Сергеев, — сказал он. — К доске! Самую суть. В вашем распоряжении двенадцать минут.

Санька поднялся, сдерживая себя, ровным шагом прошел между рядами столов, взял мел.

— Товарищи офицеры, — начал он привычной фразой. — Возможности новой машины поистине фантастические!

Класс покатился со смеху.

Покраснев до корней волос, как ученик, не подготовивший домашнее задание, Саня торопливо нарисовал схему полигона, схему маневра, глиссаду захода на цель, постукивая мелком, выписал основные расчетные формулы и цифры. Обтерев руки влажной тряпкой, повернулся к классу. Все сидели молчаливые, задумчивые.

— Товарищи офицеры, — начал было Саня, но генерал махнул рукой.

— Все ясно, — сказал генерал. — С какой перегрузкой выводили машину?

— Семь «ж».

— И как?

— Нормально.

— Без противоперегрузочного костюма?

— Перегрузка была кратковременной, товарищ генерал.

— Вот где собака зарыта! — Генерал стремительно поднялся, ткнул пальцем в штурманский расчет. — Это ваша основная ошибка, Сергеев. Достичь того же результата можно и меньшими силами. С перегрузкой около пяти. Но в целом идея стоящая. Отличная идея! Как считаете, товарищи офицеры?

— Я уже произвел расчеты, — бесстрастно сказал Командир. — Пять и две десятых «ж». И никаких нарушений безопасности.

Разбор закончился. Саньке жали руку, тискали, обнимали, подбадривали. И он тоже кого-то тискал, обнимал, пока вдруг не натолкнулся взглядом на холодный взгляд Ропаева. Капитан стоял в стороне от всех, нервно курил, напряженно о чем-то думал, словно решал трудную математическую задачу. О чем думал капитан Ропаев? Еще на разборе Саня ждал, что вот сейчас поднимется его товарищ, все объяснит, коротко и ясно, как он умеет, расскажет об их давнем споре, о чувстве Ответственности и Долга, обо всем, чем жил старлей доблестных ВВС, мучительно рассчитывая сложный маневр по уничтожению пирамиды. Саня знал: Ропаев встанет на его защиту. Верил: протянет руку помощи. Но капитан почему-то угрюмо сидел, уперев глаза в стол, и даже в тот миг, когда закачалось все Санькино будущее, когда Санька висел буквально на волоске, когда все могло страшно измениться в его судьбе, — даже тогда капитан не вскочил, не поднял головы. Вместо него встал майор Громов, которому, в сущности,

на Саньку наплевать — старлей не его подчиненный, знакомы они шапочно, разница в возрасте почти двадцать лет. Но майор Никодим Громов почему-то прикрыл Саньку своей могучей грудью, а не капитан Ропаев. Не капитан Ропаев, а майор Громов переломил ход собрания. Почему ничего не сказал Володя Ропаев, все умеющий точно просчитывать и наперед знающий результат?

— Товарищ капитан, — Саня вырвался из объятий летчиков, — с вас мешок трюфелей!

— Поздравляю! — Ропаев пожал ему руку, но как-то холодно, и сказал совсем не то, что хотел. Совсем не то — Саня это видел по его глазам. — Поздравляю, — повторил он. — Ты выиграл пари. Я действительно думал, что эти мишени разрушить невозможно.

— У тебя сегодня зона? — Саня попробовал переменить разговор.

— Да. И контрольный полет под шторкой.

— Пустяки. По приборам ты летаешь как зверь. А мне вот загорать целых три дня. Представляешь, Командир сначала разозлился, поставил гальюны драить. А потом передумал и отправил на СКП.

— Ты извини, — сказал Ропаев. — Мне пора.

И спокойной, уверенной походкой пошел по длинному, гулкому коридору. Саня растерянно посмотрел ему вслед, ничего не понимая, взгляд непроизвольно скользнул по крутой спине капитана, застыл на коричневых форменных ботинках. И Саня услышал шаги — четкие, выверенные, рассчитанные. Ропаев шел прямо, никуда не сворачивая.

— Володя! — Старлей сорвался с места. — Подожди, Володя! Слушай, — засмеялся он, догнав товарища. — Я дурак, стреляй мне в ухо. Совсем не подумал! Мешок трюфелей — это, наверное, очень дорого? Знаешь что? Купи мне лучше килограмм ирисок!

— Ты считаешь, моей зарплаты не хватит на мешок трюфелей? — брезгливо поморщился Ропаев.

— Да ну их, эти трюфели! — засмеялся Саня.

— У меня на сберкнижке — семь тысяч! — с какой-то внутренней гордостью сказал капитан. — Так что — будь спок.

— А, — нахмурился, внутренне холодея, Саня. — Я не знал. Думал — семья...

— Перебьемся.

— Тогда, будь добр, принеси в воскресенье мешок трюфелей к клубу. В двадцать часов тридцать минут. И пожалуйста, не опаздывай.

— Может, ты не будешь делать из меня козла отпущения?

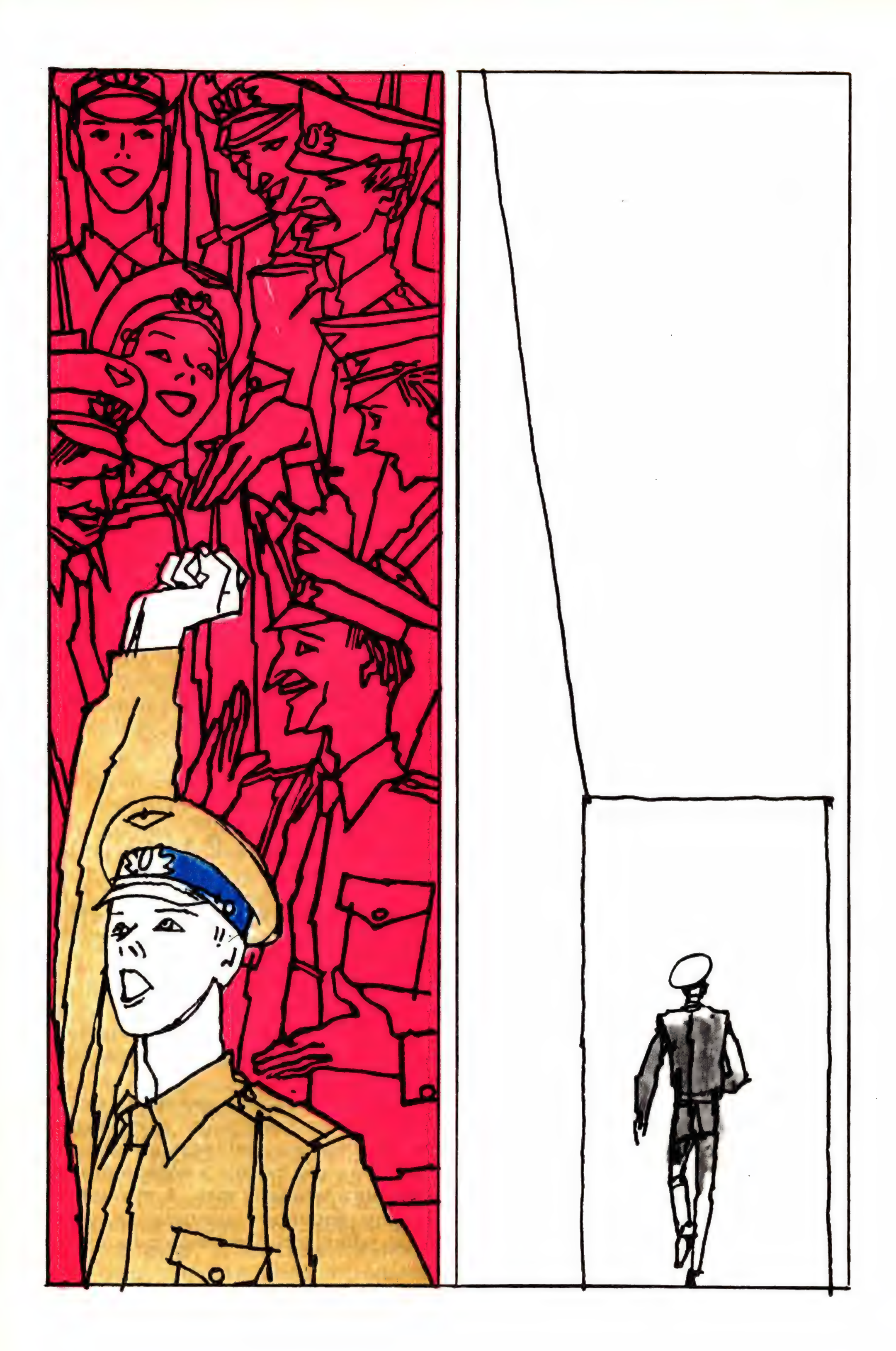
— Ну, Володя, это ведь долг чести. Мы так договаривались. Ты играл и проиграл.

— Хорошо. В двадцать тридцать мешок будет у клуба.

— Желаю тебе хорошего полета.

— До свидания.

«Прощай» — хотел сказать Саня, но не сказал. Только снова посмотрел на удаляющиеся форменные ботинки и услышал четкие, выверенные, рассчитанные шаги. «Надо бы завести сберкнижку, — вяло, словно в полусне, подумал он. — Надежно, выгодно, удобно». И почему-то вспомнил недавнее воскресенье, когда в военторг привезли меховые импортные шубы: Саня глаз не мог оторвать. Сразу представил, как великолепно будет смотреться Наташка в мягкой снежной белизне — черные волосы, румяные щечки, розовые гранатовые губки, ослепительная улыбка, — и почти задохнулся от любви и счастья. Все

нравилось ему — покрой шубки, цвет, размер. Вот только цена, восемьсот сорок рублей, несколько озадачила — у Саньки до зарплаты оставалась десятка. Сотню отправил маме, на тридцать рублей купил ребятишкам из их дома конфет и игрушек, пятьдесят одолжил лейтенанту Хромову. И всё. Денег не было. Санька помчался к Ропаевым.

— Володя! — прямо с порога выпалил он. — Там такие шубы привезли — мечта! Моя Наташка сразу становится Снегурочкой!

— Рад за тебя, — сдержанно сказал Ропаев.

— Только мне восемьсот тридцать рублей не хватает. Одолжи на четыре месяца.

— Где же я возьму такие деньги? — засмеялся Ропаев. — Свободных денег у меня сейчас нет. Вообще нет.

— А, — сказал старлей доблестных ВВС. — А... — и осекся.

Через час, весь взмыленный, Саня влетел в магазин. Пятьсот рублей он нахально одолжил у Командира, остановив его прямо на улице, остальные наскребла молодежь. Но шуба уже исчезла. «Ее жена капитана Ропаева купила, — объяснила продавщица. — Мы же с вами на полчаса договаривались». — «А, — только и сказал Саня. — Извините». И почувствовал себя нехорошо. Ужасно нехорошо и неуютно. Но унывать было не в его характере. «Ладно, — сказал он себе. — Ерунда. Другую шубу привезут. Еще лучше». И вечером, когда капитан Ропаев зашел поинтересоваться контрольными работами, которые уже надо было отправлять в академию, Саня отдал ему готовые контрольные и с удовольствием сыграл три партии в шахматы — старлей доблестных ВВС не придавал значения мелочам в дружбе. Умел быть щедрым и добрым. Тогда отчего же, глядя на коричневые форменные ботинки, он слышит четкий, выверенный, рассчитанный шаг и вспоминает историю с шубой и десятки других, таких же скверных, но, казалось, давно забытых историй? И что так пронзительно холодит и тревожит его душу? Он ведь сегодня — Победитель!

Глава 6 ПОДСОБНЫЙ РАБОЧИЙ

Саня всегда считал Командира эталоном справедливости. Непревзойденным асом воздушного боя. Наставником и покровителем молодых летчиков. Непогрешимым авторитетом. Восхищался им, копировал походку, манеру говорить; как подарок, как высшую благодарность, принимал из уст Командира замечания и пожелания. Даже три внеочередных дежурства — три дня отлучения от неба — принял с сердечным трепетом и ликованием! А что оказалось на поверку? Никакого благородства, жалости, сострадания!

Три дня назад, как положено, Саня явился на СКП, наивно считая, что отбывать наказание ему придется в кресле дежурного штурмана. Так было всегда. Проштрафившийся летчик дополнительно, попросту — вне очереди, отрабатывал на СКП одну-две смены и возвращался в строй. Плановое дежурство за штрафником сохранялось. А тут вдруг новые порядки! Офицера, первоклассного военного летчика сделали мальчиком на побегушках! Подсобным рабочим! Посмешищем всего полка! Всей авиации!

— Вот что, Сергеев, — бесстрастно сказал Командир, когда старлей доблестных ВВС доложил, что прибыл отбывать наказание. — Я тут подумал и решил: вам будет полезно узнать всю кухню и технологию Стартового Командного Пункта. Увидеть его жизнь как бы изнутри. Назначаю вас офицером для разных поручений. Это означает: вы будете выполнять все мои просьбы и приказания. Кроме того, подмените заболевшую официантку Клаву и обеспечите доставку и раздачу на СКП летных завтраков. Будете следить за чистотой помещения и влажностью воздуха. Вам все ясно, старший лейтенант Сергеев?

— Так точно, товарищ полковник, — уныло ответил Саня. — Все ясно.

И началось.

— Сергеев, кальку!

— Сергеев, к перископу!

— Сергеев, на крыше флаг задуло, сходи расправь!

— Сергеев, отгони ворон от антенны!

— Сергеев, свежести не хватает, вымой пол!

— Сергеев, отнеси окурки!

— Товарищ старший лейтенант, принесите, пожалуйста, воды из холодильника!

Сергеев!.. Сергеев!.. Сергеев!..

И он отгонял ворон, расправлял авиационный флаг, по четыре раза за смену проветривал помещение, выносил горы окурков, чистил пепельницы, таскал из холодильника запотевшие бутылки «Боржоми», привозил из столовой летные завтраки и полдники — крутился как белка в колесе. За смену так умаивался, что, возвращаясь домой, трупом падал на кровать и сразу засыпал тяжелым, тревожным сном.

— Саня, — встречая его утром, хохотали на весь военный городок летчики, — расскажи, как Командир обедает! Расскажи, Сань, не скупись!

Он только огрызался — не было пытки страшнее и мучительнее, чем кормить Командира. (Тут уж бедной заболевшей Клаве не позавидуешь!) Во-первых, все шесть часов, пока продолжались полеты, Командир ни разу не вставал со своего вращающегося кресла, ни разу не поворачивал головы. Санька видел только его затылок, и это раздражало. Но Командир головы не поворачивал. Как аккуратный макет распростерся перед ним аэродром. Дальний конец полосы упирался в самое небо. По бетонке белыми тенями проносились самолеты — Санькиной машины среди них не было, это терзало. Но Командир головы не поворачивал. Следил только за самолетами, слушал только короткие доклады с бортов, только на них отвечал. Обедал он прямо за пультом. В первый раз, когда Саня поставил перед ним тарелку с горячим ароматным антрекотом, Командир, не отрывая взгляда от полосы, привычно ткнул в тарелку вилкой и, почему-то побагровев, бесстрастно сказал:

— Сергеев, нарежьте мясо маленькими кусочками!

— Что? — взвился Санька. — Я не денщик!

— Нарежьте, пожалуйста, мясо маленькими кусочками, — попросил Командир, не поворачивая головы. — И поставьте тарелку по правую руку. И не гремите ножом. И не топайте ногами.

Саня нарезал мясо маленькими дольками.

Командир ел на ощупь, не глядя на тарелку, но всегда точно накалывая мясо вилкой; на ощупь взял стакан с кофе, на ощупь нашарил пачку с сигаретами.

— Замените, пожалуйста, пепельницу, Сергеев!

Саня заменил пепельницу с окурками, поставил чистую. Волна негодования, протеста, жгучая, как в детстве, обида захлестнули его, жгли изнутри, и ничего с собой поделать он не мог. Третий день не мог. Забившись в угол, точно загнанный зверек, он глядел на темное пятно, расползающееся по рубашке своего мучителя, ждал.

— Сергеев, — деспот, видимо, изобрел новую пытку. — Возьмите мою машину и мигом доставьте на СКП начальника штаба. Заболел лейтенант Хромов, надо перекраивать плановую.

— Есть доставить начальника штаба.

И он доставил начальника штаба, проветрил помещение, освободил пепельницы от окурков, отогнал ворон, притащил планшетисту бутылку «Боржоми» и вдруг поймал себя на мысли, что злится-то он напрасно. Напрасно злится Саня Сергеев, получивший всего три внеочередных дежурства и разнос на собрании за серьезное нарушение воинской дисциплины. Он поднял глаза и увидел согнутую, усталую спину Командира, темное, расползающееся пятно на рубашке. Шестой час Командир не разгибал спины. Огромное воздушное пространство было перед ним; из всех точек этого пространства к Стартовому Командному Пункту — мозгу военного аэродрома, — как нервы, тянулись доклады с самолетов, стоящих на земле и несущихся в воздухе. Не выключаясь, хрипел динамик громкой связи. Саня прислушался.

— Семьсот пятнадцатый, — он узнал голос майора Громова, — работу закончил!

— На точку, семьсот пятнадцатый! — приказал Командир.

— Восемьсот пятый зону занял!

— Работа, восемьсот пятый!

— Четыреста седьмой — курс триста тридцать два.

— Четыреста седьмой, займите эшелон восемь. Курс — двести девяносто четыре!

— Понял, эшелон восемь, курс двести девяносто четыре.

— Пятьсот девятый, — резко сказал Командир, — долго вы будете молчать?

— Я — пятьсот девятый. Беру КУР ноль.

— Будьте внимательны, пятьсот девятый!

— Понял, прошел дальний!

Неожиданно тонким дискантом зазвонил один из многочисленных телефонов. Дежурный офицер связи снял трубку.

— Да... Да... Нет... Не могу. — Он посмотрел на Командира. — Если срочно — найдите замполита, решите вопрос с ним. Нет, с Руководителем полетов я вас соединять не буду — идет работа!

Командир даже не взглянул в сторону связиста, не поинтересовался, кто звонит, какой вопрос необходимо срочно решить, — Командир руководил полетами. Только ему одному было дано право поднимать в небо реактивные стрелы, изменять их курс, разрешать или запрещать посадку. Он отвечал за каждый самолет, за каждого летчика, за каждое мгновение той напряженной работы, что, не прекращаясь, шла в огромном воздушном пространстве. Он отвечал за все. Глядя на

усталую спину, Саня вдруг с ужасом и каким-то затаенным страхом понял, что Командир не имеет права ошибаться. Не дано Руководителю полетов такого права. В любой, самой сложной и невероятной ситуации он должен принять единственно правильное решение. Холодно и бесстрастно просчитать, проанализировать в считанные секунды обстановку и немедленно выдать результат. Ошибись РП — и его будут судить. Самым суровым судом — такая огромная ответственность лежала на плечах человека за пультом. Несравненно большая ответственность, чем на любом из летчиков и на всех, вместе взятых. Эта ответственность не позволяла ему вставать из кресла, не позволяла поворачивать головы: на Командире, на нем одном, замыкалась вся жизнь огромного реактивного цеха. Когда Саня это понял, все встало на свои места. И пепельницы, и проветривание помещения для свежести, и мясо, которое надо нарезать маленькими дольками, потому что человек за пультом не имеет права отвлекаться; и мокрое пятно на рубашке, выступившее от гигантского нервного напряжения.

— Товарищ Командир, — сказал Саня. — Я принесу вам холодной воды.

И осторожно, ступая на цыпочках, метнулся в бытовую комнату к холодильнику. Командир не повернул головы, ничего не ответил. Он глядел в бескрайнее осеннее небо, в просветы облаков, из которых молниями появлялись самолеты. Он предупреждал летчиков о встречном ветре, о падении атмосферного давления, уводил машины на новые высоты, давал советы, изменял скорости. Но теперь Саня смотрел на него другими глазами. Эталон справедливости, непревзойденный ас воздушного боя, наставник и покровитель молодых летчиков — все, чем был для него Командир прежде, воскресло, ожило, осветилось неподдельным восхищением и уважением. Саня был готов выполнить любой приказ этого бесстрастного человека, пойти за ним в огонь и в воду, отдать, если потребуется, жизнь. Бесшумной юлой кружился он по залу СКП, благодаря судьбу за три внеочередных дежурства, за три прекрасных дежурства, позволивших ему понять что-то очень важное, значительное, нужное.

— Восемьсот пятый, — сказал Командир. — Посадка!

Последний самолет коснулся бетонки, смена закончилась. Саня взял ракетницу, зарядил патроном с красной меткой, посмотрел на Командира. Тот кивнул, согнувшись, встал из-за пульта, присел несколько раз для разминки, смущенно улыбнулся: «Ноги совсем затекли». Саня выстрелил в открытую дверь балкона, глядя, как ракета с шипением врезается в опустевшее, безмолвное небо. Командир крякнул, взяв микрофон, уже не сурово, а как-то добродушно сказал:

— Замечаний по полетам нет. На отдых!

И, залпом осушив стакан воды, принесенный Саней, повернулся к начальнику штаба, колдующему над плановой таблицей.

— Ну что у тебя, Василий Степанович?

— Как всегда, — засопел начштаба. — Этого нет, того не хватает.

— Подожди минутку, посмотрим вместе.

Солдаты и офицеры стартового наряда, простившись, загремели сапогами и ботинками по узенькой лестнице, шумно вывалились на летное поле, втиснулись в маленький зеленый автобус. Водитель посигналил несколько раз, но Саня, подойдя к окну, махнул рукой:

поезжайте, мол, без меня. И, вооружившись влажной тряпкой, начал протирать стол.

— Ну как, Сергеев, — крутанул кресло Командир. — Не надоело?

— Надоело, товарищ полковник, — честно признался Санька. — Летать хочется.

— Не знаю даже, что с вами делать. Василий Степанович, — Командир повернулся к начальнику штаба, — может, поставим Сергеева на завтра в плановую? А то ведь парень совсем летать разучится!

Санькино сердце гулко ухнуло и застучало мелко-мелко. Он замер, боясь поднять глаза.

— Кого в плановую? — зарокотал начштаба. — Этого охламона?! Через мой труп!

— Это ты, Василий Степанович, правильно заметил, — добродушно согласился Командир. — Охламон, он и есть охламон. Мы с тобой таких кренделей не выписывали.

— Да уж куда нам.

— Не скажи, Вася. И у нас есть что вспомнить. Яки, МиГи...

— Было времечко...—Шумно вздохнув, начштаба отложил карандаш, задумчиво посмотрел в окно, словно хотел разглядеть в потемневшем небе ушедшую молодость.

— Помнишь, Вася, — невозмутимо продолжал Командир, — как ты в училище на Яке-восемнадцать за арбузами летал? Здорово ты тогда старика сторожа подкузьмил. Ох, здорово! Мы целый год хохотали!

— Разве такое забудешь? — зарделся, помолодел начштаба.

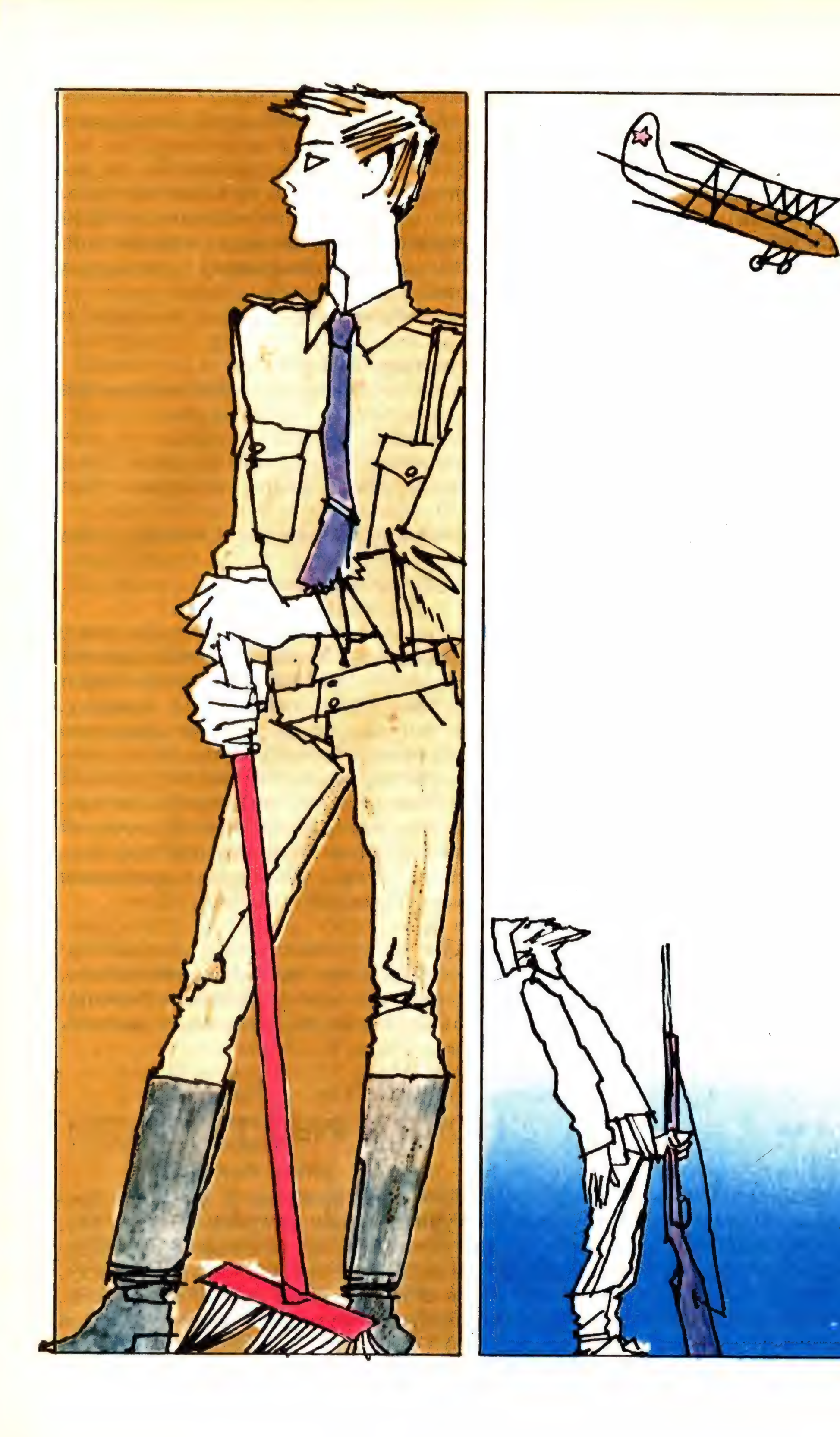
— А вот Сергеев бы так не смог. — Командир весело подмигнул старлею доблестных ВВС. — Не-ет, — протянул он. — Ни за что не смог бы!

— Тоже сравнил! — обиделся начштаба, задетый за живое. — Да ты вспомни, Петя, какую я посадочку совершил! Прямо на дорогу. А по ней-то и телеги со скрипом ходили.

— Да, посадочка была классная. Чкаловская посадочка! Но со стариком у тебя еще лучше получилось!

Начальник штаба, казалось, забыл про плановую таблицу, про завтрашние заботы, про охламона Сергеева, с удивлением ловящего каждое слово. Грузный, шумно дышащий, он вдруг преобразился, видимо вспомнив лихие курсантские будни, шумные вечеринки, первые самостоятельные полеты. Влажные глаза заблестели, ожили.

— Лихо, лихо со стариком вышло, — по-мальчишески засмеялся он. — Я как приземлился — прямо к его балагану подрулил, из кабины выскочил, кричу: «Здравия желаю, товарищ бывший буденновец!» И как в десятку попал. Старик берданку к ноге: «Здравия желаю, гражданин летчик!» Ну, я ему руку пожал, говорю: «Приказ есть, товарищ дедуля! Специально самолет послали и мешок с печатью дали. Надо отгрузить пятнадцать арбузов. Самых лучших! Для секретной встречи на высшем уровне! А чтоб враг про эту встречу не разнюхал — к тебе Командарм направил. К старому, проверенному буденновцу!» Старик даже прослезился. Вмиг арбузы выбрал, мешок наполнил, ручкой помахал. Взлетел я, оглянулся. Дедуля по стойке «смирно» стоит, берданка к ноге, грудь колесом... Да, было времечко...

— Отлично прошла «секретная» встреча, отлично, — засмеялся Командир. — А ведь, Вася, я что-то не припомню, чтоб начальник училища тебе такое задание давал!

— Какой начальник училища! — раззадорился начштаба, не замечая подвоха. — Да если б кто узнал — меня бы в три шеи из авиации погнали. Мы же с тобой сами эту операцию разрабатывали! Или забыл? А поскольку я работал в четвертой зоне, как раз над бахчой, вот и привез арбузы. Жалко только, враз все подмели, — вздохнул он. — Хорошие кавуны были, ох хорошие.

— Да, Вася, — в тон ему вздохнул Командир. — Ну и охламоном ты был, ох охламоном.

Начальник штаба насупился, уткнулся в бумаги.

— Сергеев, — сердито спросил он. — У вас когда срок наказания истекает?

— Уже истек, товарищ подполковник!

— Планирую вас завтра на тринадцать тридцать в зону. Один полет. И чтоб без этого! — Он потряс громадным кулаком. — Без этого, понятно!

— Так точно, товарищ подполковник, — гаркнул Санька. — Без этого!

— Отдыхайте, Сергеев. — Командир пожал ему руку.

— Есть отдыхать!

Не чувствуя под собой ног, он пулей вылетел на летное поле. Холодный ветерок, обжигая лицо, разбрасывал по свету желтые листья, мял жухлую траву, полоскал голубое полотнище авиационного флага на башенке СКП. Не дожидаясь автобуса, Саня выбежал на бетонку, еще не остывшую от жара турбин, и, широко ступая, пошел прямо по полосе к горизонту, где, догорая, пламенел закат. На душе было светло, чисто. Высокие лимонно-желтые облака, похожие на петушиный хвост, бетонка, пахнущая смолой, небом, самолетами, первые мохнатые звезды, отблеск берез вдалеке, трели запоздалой птахи, свившей гнездо где-то под фонарем посадочного огня, — бесконечный мир звуков, запахов, красок врывался в него, волновал, будоражил, наполняя отчаянно стучащее сердце ощущением близкого счастья.

Этот мир был его жизнью.

Сворачивая в темный сосновый лес, на тропинку, ведущую к военному городку, он оглянулся. Дальним маяком посреди притихшего, убаюканного сумерками аэродрома светились окна Стартового Командного Пункта. Прозрачная стеклянная башенка излучала мягкий, теплый свет.

Глава 7 НЕЖДАННЫЕ РАДОСТИ

Подходя к своему дому, Саня вспомнил разговор с майором Громовым. «Правда, ты одну порядочную глупость сморозил, ну да это, если не возражаешь, я тебе потом объясню. Не за столом переговоров», — буркнул перед собранием вечный комэск. Что он имел в виду, что хотел сказать этой фразой? Саня остановился в нерешительности. Перед глазами, как наяву, возник полигон, несущаяся на острое жало фюзеляжа мишень-пирамида, свечой уходящий в небо самолет. Он

мысленно проверил расчеты, маневр и ни в чем, кроме промаха с перегрузкой, не нашел ошибки. Но ошибка была — тонкая, неуловимая, не поддающаяся никаким вычислениям. Была ошибка, и вечный комэск, не имеющий высшего образования, о ней хорошо знал, а он, старлей доблестных ВВС, летчик-инженер, как ни тужился, ничего понять не мог.

Саня почувствовал, что должен во всем разобраться. Сейчас. Немедленно. Ноги сами сделали поворот на сто восемьдесят градусов, и через минуту он оказался в отделе игрушек военторговского магазина: сын майора Громова, закончив десятилетку, укатил в столичный институт, в доме хозяйничала очаровательная шестилетняя Маришка. Совсем не думая, как дотянет до зарплаты, старлей доблестных ВВС сразу положил глаз на безумно дорогую говорящую куклу, оплатил чек и, взяв коробку с подарком, помчался к выходу. Но тут словно что-то толкнуло его изнутри. Остановившись, он бросил взгляд в дальний конец магазина и обомлел. Белоснежная, будто сотканная из первых снежинок шуба висела в отделе женской одежды. С гулко бьющимся сердцем Саня подошел поближе и вздохнул: на ярлычке, прикрепленном к шубе, стояло трехзначное число — восемьсот сорок рублей. Таких денег у него не было, а менять курс уже не хотелось. Он пошел к Громовым.

— Санечка! — всплеснула руками Вера, жена вечного комэска, полная, румяная, веселая женщина, излучающая запахи дома, тепла, сладостей. — Вот хорошо, что ты пришел! А я домашнее печенье стряпаю. Сейчас будем пить чай с печеньем и малиновым вареньем. Маришка! — белозубо улыбаясь, позвала Вера. — Твой Санечка пришел.

— Здлавия желаю, Санечка, — высунуло рожицу из-за угла прихожей очаровательное создание. — Сейчас я дам тебе тапоськи. Мягкие-мягкие. Ты слазу потеплеешь, как зимой. Хочешь тапоськи?

— Хочу. — Волна нежности окатила Сергеева.

— Поухаживай, поухаживай, — засмеялась Вера. — А я пойду на кухню.

— Надевай! — Маришка поставила перед ним комнатные туфли и посмотрела снизу вверх. — А что у тебя в большой коробке? Конфеты, да?

— Понимаешь, — тихо сказал Саня, опускаясь на корточки. — Я шел по лесу...

— А там темно? Страшно?

— Очень темно. И вдруг деревья затрещали и выходит...

— Ой, — пискнула Маришка. — Кто выходит?

— Медведь! — Саня встал на четвереньки.

— Настоящий?

— Настоящий!

— Как мой папа?

— Еще больше. И спрашивает: «Ты куда, Санечка, путь держишь?» Я говорю: «К Маришке». Медведь обрадовался, головой закивал. «Хорошая девочка, — говорит, — Маришка. Умница, послушница, мастерица на все руки! Передай ей от меня подарок!» — Он вытащил из-за спины коробку.

— Совсем нестрашный медведь, — сказала девочка. — Добрый.

Саня быстро открыл коробку, достал куклу, поставил на пол.

Кукла захлопала ресницами, ожила, размахивая ручонками, сделала несколько шагов и вдруг тоненько пропищала: «Ма-ма, ма-ма».

— Мама! Папа! — Девчушка горящими глазенками смотрела на игрушку. — Она живая!

— Совсем живая, — сказал Саня. — Видишь, к тебе идет. Ты ей понравилась.

— Мы будем дружить! — Маришка обняла куклу. — Крепко-крепко. Я не буду ее обижать, Санечка! Спасибо тебе преспасибо, вот! — Оставив куклу, малышка обвила Санькину шею ручонками, громко чмокнула в щеку.

На шум из гостиной вышел вечный комэск, из кухни выбежала Вера. Они столкнулись в дверях, быстро глянули в глаза друг другу, рассмеялись. Никодим Громов как-то нежно, ласково обнял жену за плечи, и Вера, Вера, которая ни минуты не могла усидеть на месте, вдруг вся зарделась, как девчонка, тихонько прижалась к мужу, замерла. Влюбленными глазами они смотрели на дочурку и улыбались. У них были такие открытые, счастливые улыбки, что Саня совсем растрогался.

— Бить тебя некому, Санечка, — мягко сказала Вера. — Ты, наверное, на ребятишек уже всю зарплату ухлопал?

— Это медведь Маришке подарил, — объяснил Саня.

— Правда, — подтвердила Маришка. — Большой-большой. Больше папы! Да, Санечка?

Все засмеялись. Старлею доблестных ВВС стало уютно и тепло.

— Чего у порога расселся? — добродушно зарокотал Громов. — Проходи.

— Ты не бойся, Санечка, — Маришка пожала ему руку. — Папа у нас добрый. Только голос комадный.

— Какой, какой?

— Понимаешь, — серьезно объяснила девочка. — У нас в доме остались целых две женщины. Мама большая, а я поменьше. Папе нас распускать нельзя. Никак нельзя. А то такое начнется. — Она сделала огромные глаза. — Такое... Вот у папы комадный голос.

Хорошо было в доме Громовых. Вера быстро уложила Маришку вместе с куклой в кроватку, не успели оглянуться — накрыла на стол. Они пили ароматный чай с малиновым вареньем, похрустывали тоненьким Вериным печеньем, и Саньке казалось, будто ничего вкуснее он никогда не ел.

— Ох, Санечка, — издалека начала Вера. — Куда нас только не швыряло. И Сибирь, и Дальний Восток, и Крайний Север, и пустыня. Помотались мы по свету — не приведи господь. Теперь вот здесь. А надолго ли? Снова благоверный мой затосковал. На небо какой день поглядывает и молчит. Чует мое сердце, чует...

— Да, — неопределенно произнес Громов, — поскитались, верно. Так чего, — зарокотал он добродушно, — ты за мной везде ездишь?

— Никодимушка, — засмеялась Вера. — Что бы ты без меня делал? Засох бы на корню. Иголка без нитки не иголка. Так, колющий инструмент.

— Правда, — с удовольствием согласился Громов, шумно потягивая чай. — Истинная правда. Я бы без тебя помер. Как есть помер.

— Чует мое сердце, Санечка, он опять куда-то собрался. — Вера с тревогой посмотрела на мужа. — Тут к нам какой-то генерал сто-

личный приходил. И Никодимушка мой после того сам не свой. Все на небо глядит.

— Хорошо, мать, — Громов положил свои большущие лапищи на стол. — Выключай форсаж. Бери КУР ноль. Нам с Саней поговорить надо.

— КУР ноль — на кухню, что ли?

— Куда же еще? У тебя там что-то горит!

— Ох, совсем из головы вон! — Всплеснув руками, Вера метеором вылетела из-за стола, но дверь за собой прикрыла неслышно, аккуратно.

Мужчины остались одни. Какое-то время сидели молча, и Саня, допивая чай, с любопытством рассматривал вечного комэска — первый раз видел в майке и спортивных брюках. То, что он всегда принимал за излишний вес, на самом деле оказалось мускулатурой. От любого движения мышцы буграми ходили на руках, на плечах, на груди майора Громова, точно перед Санькой сидел не обычный летчик, а человек, с детства занимавшийся грубой, тяжелой работой, всю жизнь имеющий дело с тяжестями. Громов тоже посматривал на старлея доблестных ВВС, о чем-то напряженно думал. Наконец, закурив, прямо, без всяких переходов, рубанул:

— Ну, хватит играть в молчанку. Знаю, зачем притопал. Хочешь узнать, откуда этот медведь, имеющий подзаборную академию, знает то, про что ты, умненький-благоразумненький, догадаться не можешь? А теперь еще и про генерала спросить хочется, да колется. Правильно говорю?

— Да, — растерянно сказал Санька. — Верно.

— Слушай и запоминай! — Громов стал суровым и серьезным. — Про генерала, придет времечко, скажу: пока не могу. Ты человек военный, должен понимать. А вот твою абракадабру объяснить — желание имею. Ну, — поправился он, — тот полет с выкрутасами. Как поступок я его понимаю и жму твою лапу, а как действие — осуждаю и категорически отвергаю.

— Почему, Никодим Иванович?

— Сразу не объяснишь. Тут и несолидного много, и принципа не хватает. Сечешь: принципа, — повторил он раздельно. — Понимаешь, как в бою. Идешь в паре, вдруг ведомый «мессера» увидел — тюк в сторону. Сбил. А хвост у ведущего оставил открытым. Что же, хвалить его за заваленный самолет? Представлять к награде? Нет, милок, судить! Судить надо самым суровым судом за то, что он, гад, оставил товарища без прикрытия. Вот и у тебя так получилось...

— Никодим Иванович!

— Молчи и на ус мотай! Сам ты. Кругом сам. Сам идею изобрел, сам рассчитал, сам осуществил. Сбил, в общем, а ведущий остался без прикрытия.

— А как я должен был поступить?

— Ну, Сань, ты меня до сидаличного нерва поражаешь! Как поступить? Принципиально! Пора одиночек повсюду прекратилась. Изобрел, рассчитал — тащи Командиру. Так, мол, и так. На благо России нашей матушки предложение имею, как оборону укрепить.

— Командир бы зарубил.

— Тю, Сань, да ты правда глаз не имеешь. Пошто сидел на СКП три дня? Это наш Командир бы зарубил?! Петр Григорьевич?! Да

в жизнь не поверю! А если б и зарубил — тащи Командующему округа. Там не вышло — Главкому. Товарищей с проектом познакомь. Принцип держи! Чуешь мою мысль?

— Да, — сказал Саня. — Кажется, начинаю улавливать. Но в армии...

— Когда речь про оборону Родины, — гневно сверкнув глазами, отрезал Громов, — тут хоть до ЦК дойди, а свое докажи! Заруби это где хошь! Понял!

Саня начинал понимать. Трудно, тяжело проталкивались в него мысли майора Никодима Громова. Точно он сразу — без промежуточных переходов — поднимался на какую-то новую человеческую ступень, более высокую и значительную, чем прежде. Мучения, страдания, сомнения — все пережитое за последние дни, увиденное, услышанное, прочувствованное переплавлялось в нем, словно в тигле, образуя новый, неизвестный ранее сплав.

— Ты не серчай, Санечка, — сказала Вера, когда Сергеев уже стоял на пороге громовской квартиры. — Я аж на кухне слышала, как Никодимушка орал. А все оттого, что отец у нас хочет, чтоб люди жили правильнее.

— Извини, Сань, если чего не так, — сграбастал его вечный комэск. — Сказал тебе все потому, что имею в тебя большую надежду и веру. Дружку твоему не сказал бы.

— Ропаеву? — быстро спросил Саня.

— Ему, математику. Все учтет, дебет с кредитом сведет, а мелковат. — Стальные бугры у майора Громова напряглись, заиграли. — В бой с ним бы не пошел, — резко сказал он. — Почему — объяснить не сумею, а не пошел бы, и баста!

— Никодим Иванович, — неожиданно для самого себя сказал Саня. — У вас восемьсот сорок рублей есть? Наличными.

Громов безудержно, раскатисто захохотал, обнимая жену.

— Вот она, мать, современная молодежь! Ты погляди на него! Орел, как есть орел!

— Тебе прямо сейчас надо, Санечка? — с тревогой спросила Вера.

— Угу, — он быстро взглянул на часы. — Четырнадцать минут осталось.

— Чего же ты стоишь! — Вера оттолкнула мужа. — У человека четырнадцать минут осталось, а ты как пень!

— Дак я... — И со скоростью, которой Санька никак не ожидал, Никодим Громов исчез и тотчас появился. — Сань, считать некогда, — выпалил Громов. — Тут, кажется, девятьсот.

— Мерси боку! — заорал старлей доблестных ВВС, прыгая через пять ступенек на лестничном марше. — Завтра отчитаюсь!

Хохот майора Громова послышался ему вслед.

Не замечая ветра, невесть откуда налетевшего, Саня мчался к военторговскому магазину. Мчался самым кратчайшим путем, прыгая через кусты и лужи, словно где-то в сознании у него включился невидимый радиокомпас и стрелка, показывая направление на дальний привод, точно вела к цели. Проскользнув в торговый зал перед самым носом старушки уборщицы, уже закрывающей двери, Саня прямо с порога закричал:

— Девушки! Подождите, не уходите! Эта шуба — сорок шестого размера?

— Есть и сорок шестого. — Молоденькие продавщицы смотрели на него, как на полоумного.

— Срочно выпишите чек! Срочно!

— Касса уже закрыта.

— Девочки! — Саня схватился за сердце. — Если вы не выпишете чек, я умру на этом самом месте!

И все почему-то поверили, что Саня Сергеев и вправду немедленно умрет. И любезно выписали чек, и красиво упаковали пушистую, необыкновенной белизны шубу сорок шестого размера. Саня, подхватив пакет, галантно раскланялся и гордой, величественной походкой направился к выходу, провожаемый любопытными взглядами.

На улице творилось невесть что. Черное небо — без единого облачка — полыхало синими зарницами, звезды, словно приблизившись к земле, горели холодным, немигающим светом, Млечный Путь, обычно едва заметный, напоминал светящуюся белую дорогу с темными, как бездна, ямами по краям и в середине. Ветер неистовствовал — с ревом швырял на дома охапки прелых листьев, свистел в проводах, гнул и раскачивал деревья, выл в трубах и улюлюкал в телевизионных антеннах. Придерживая левой рукой фуражку, Саня с трудом пробирался вперед, чувствуя, как валит, сбивает с ног, бьет по лицу нестерпимо холодный воздух. Только добравшись до своего дома, он вздохнул с облегчением.

Толкнув ногой дверь — Саня ее никогда не запирал, — старлей доблестных ВВС с удивлением остановился на пороге. Всюду — на кухне, в комнате, в ванной, в коридоре — ярко, празднично горели люстры и бра. С потолка свисали бумажные и ватные снежинки, вился серпантин; паркет, усыпанный разноцветными кружочками конфетти, излучал тонкий запах свежего дерева, сиял чистотой. Санькино сердце сжалось в комок и отчаянно застучало. Словно сотня барабанщиков, взмахнув палочками, начала выбивать частую, безостановочную дробь. Руки заволновались, дрожа в пальцах, надавили на дверную ручку и ослабли — в комнате, за журнальным столиком, мирно беседуя, сидели столичный генерал и... Наташка.

— Саня! — Наташка пущенной стрелой бросилась к порогу, повисла на его шее. — Саня!

— Наташка! Наташка! Наташка! — шептал он, еще не веря в это чудо. — Как ты?.. В этом лесу?.. Откуда?..

— Ну, Саня, — Наташка отстранилась, сложила губы бантиком. — Разве ты меня не знаешь?

— Ну да, ну да, — повторял он, не слыша собственного голоса. — Конечно, это ты!.. Триста километров!.. Стой, — заволновался он. — Ты что, пешком шла?

— Понимаешь, Саня, я бы и пешком пошла, да меня товарищ генерал подобрал.

— Генерал? Какой генерал?

В глубине комнаты смущенно кашлянули, и тут Саня, будто сквозь пелену, увидел за журнальным столиком столичного генерала.

— Наталья Васильевна пыталась выяснить в штабе округа месторасположение вашей части, — сказал генерал. — Я туда по делам летал. Пришлось захватить.

— Ой, Саня! — Наташка юлой вертелась вокруг него, снимая фуражку, китель, галстук. — Я сама самолетом управляла! Здорово!

— Самолетом?

— Ну да. У Николая Дмитриевича свой самолет и замечательный экипаж. Они посадили меня в кресло, дали наушники, и я выдерживала этот... Товарищ генерал, — засмеялась она, — какой ноль я выдерживала?

— Вы, Наталья Васильевна, — улыбнулся генерал, — держали КУР ноль. То есть курсовой угол радиостанции был равен нулю, и самолет, управляемый вами, шел точно на радиомаяк. Попросту — на дальний привод.

— Вот! — Наташкины глаза сияли счастьем и гордостью. — Понял, Саня? Я вела самолет точно на твой аэродром! Ну и посадочка у нас была! — похвасталась она. — На три колеса!

Не отрываясь, Саня, как в детстве, смотрел на старого надежного друга, всем существом ощущая — не подвернись генерал со своим самолетом, Наташка все равно бы нашла его! Истоптала бы лучшие модельные туфли, изодрала в кровь ноги, прошла лесами и болотами, а нашла бы. Не хныча от боли и усталости, нежданно ввалилась бы в комнату — веселая, сияющая, гордая, — забралась бы с ногами в кресло, сказала: «Понимаешь, Саня, тут у вас такие непроходимые дебри — весь капрон изорвала. У тебя есть йод или зеленка? Тащи скорее!» Наташка, его Наташка кружилась вокруг, и это казалось самым невероятным чудом из всех чудес. В одну минуту он почувствовал на ногах мягкие тапочки, фуражка, китель, галстук, ботинки куда-то исчезли, нежные, заботливые руки усадили Саню в кресло, размешали сахар в его чашке.

— Вот, товарищ генерал, Николай Дмитриевич, — словно издалека доносился строгий Наташкин голос. — Человека до того замотали на службе — лучшего друга Пятницу не узнаёт!

Генерал засмеялся.

— А Саня у нас, между прочим, настоящий герой! — обрезала его Наташка.

— Геро-ой?

— А вы как думали? Мы с ним однажды таких здоровых хулиганов поколотили — только держись! До сих пор вежливые люди. Да, Сань?

— Вы что, Сергеев, — с любопытством спросил генерал, — спорные вопросы решаете на кулаках?

— Да мне тогда восемь лет было, товарищ генерал, — засмеялся Саня, окончательно приходя в себя, — а Пятнице, то есть Наталье Васильевне, — шесть. Она замечательный домик из песка построила, а два балбеса... — Не договорив, он вскочил из-за стола, всплеснул руками: — Наташка! Какой подарок я тебе приготовил — закачаешься! Стой, не падай!

С радостным возбуждением, чувствуя, как плещется в нем, просится наружу бесконечное, ни с чем не сравнимое счастье, бросился развязывать пакет. Шуба произвела фурор. Наташка прыгала, сияла, открыв дверцу шкафа, вертелась перед зеркалом. Генерал с улыбкой похвалил Санькин вкус и, взглянув на часы, поднялся.

— Знаю, Николай Дмитриевич, — засмеялась Наташка. — Сейчас вы поцелуете мне ручку, а потом тихо закроете за собой дверь. Чтобы я не слышала ваших секретов. Ладно, — великодушно разрешила она, — секретничайте. Только недолго.

И генерал, действительно, поцеловал Наташке ручку, а выйдя в прихожую, осторожно притворил за собой дверь.

— Александр Андреевич, — негромко сказал он, и Саня понял, что генерал хорошо знаком с его личным делом, с биографией, со всей жизнью. — Оставьте воспоминания до следующего дня. Постарайтесь хорошо выспаться. Это приказ. В пять утра вас разбудят.

— В такую погоду? — с сомнением спросил Саня.

— Да, — генерал крепко пожал ему руку. — В любую погоду!

Глава 8 ЗАДАНИЕ

Саня проснулся, как от толчка.

Постояв немного в задумчивости, он включил на кухне свет, достал чистый лист бумаги, шариковую ручку, аккуратно вывел: «Наташка! Ты настоящий друг! Я тебя люблю! Не волнуйся, если сегодня немного задержусь. Саня». Осторожно, ступая на цыпочках, прошел в комнату, где безмятежно, как ребенок, подложив ладошки под щеку, спала его верная Пятница, сунул записку под вазу.

— Саня, — заворочалась на тахте Наташка. — Возвращайся скорее, ладно? Я тебе привет от мамы передам и варенье... За шубу отругаю... Я же не знала, что шуба такая дорогая...

— Это пустяки, — сказал он с нежностью. — Спи. Я приду сразу, как освобожусь.

Часы показывали без одной минуты пять.

Слетев вниз по лестнице, Саня толкнул дверь парадной, но она не поддалась. Он налег плечом, с трудом протиснулся в образовавшийся проем; шквальный ветер ударил в лицо, прижал, словно пригвоздил к стене. И тотчас несколько пар сильных рук метнулись к нему от бронетранспортера, втащили в кузов. Взревел двигатель. Мощная машина, кренясь и покачиваясь, тяжело пошла навстречу урагану.

— Какой ветрище! — стараясь перекричать вой и скрежет, бросил Саня.

— Северный. Пятьдесят метров в секунду, — хрипло объяснил из темноты майор Громов. — Крепчает с каждой минутой!

— Мы пойдем в паре?

— Не знаю! — Тоном человека, которому необходимо сберечь силы для трудного и опасного дела, майор оборвал разговор, и всю дорогу до штаба они молчали.

Они молчали, поднимаясь по гулкой бетонной лестнице на второй этаж; молчали, когда официантка Клава — свежая, румяная, в белоснежной наколке и красивом переднике, сделав реверанс, подала в кабинет Командира завтрак: два яйца всмятку, салат из свежих помидоров, тушеное мясо с овощами, шоколад, кофе; молчали, когда на пороге появился мрачный как туча генерал Матвеев; молчали, когда Командир запрашивал у синоптиков погоду, — синоптики обещали светопреставление. Командир швырнул трубку и поднял на них усталые глаза.

— Через час, — он ткнул пальцем в карту, лежащую на столе, — в этом районе должен приземлиться спускаемый аппарат космическо-

го корабля. Ввиду сложной метеорологической обстановки Центр управления полетами обратился к ВВС с просьбой оказать содействие Группе поиска.

— Группе поиска? — Вечный комэск задумчиво посмотрел в окно. — Они что, работают?

— Точно так, — жестко ответил генерал Матвеев. — Работают! И ждут вашей помощи.

— Понимаю, — протянул Громов. — Только взлететь при таком боковом ветерке не удастся — угробим машины и косточки свои не соберем.

— В нашем распоряжении сорок четыре минуты, — хмуро сказал генерал. — Какие будут предложения?

— Нам бы только взлететь, — словно не слыша его, продолжал вечный комэск. — А там пойдет как по маслу. Но как взлететь? Крылышки не распустишь — сразу опрокинет. — Он с надеждой посмотрел на Саню: — Чего молчишь, светлая голова? Включай форсаж!

— А если... если попробовать прямо из капонира? — неожиданно выпалил старлей доблестных ВВС.

— Что из капонира?

— Взлететь из капонира! Навстречу ветру!

Генерал хмыкнул, Командир пожал плечами.

— А чего? — зарокотал майор Громов. — Это мысля! Складываем в капонире крылышки. Выводим обороты на все сто. Пулей выскакиваем на рулежную дорожку. На максимальной скорости увеличиваем площадь несущих поверхностей... На максимальной скорости геометрию изменяем, да, Сань?

— Одновременно включаем форсаж, отрываемся от земли, набираем высоту и — баста! — закончил Саня. — Дальше дело техники.

— Тю, — простодушно хохотнул Громов. — Если телега выдержит, а капонир не развалится — взлетим! Как пить дать взлетим! Никакой ураган не страшен. Надо только самолет удержать в момент выхода крыльев — тут штопорнуться можно.

— Какова длина рулежной дорожки? — улыбнувшись, спросил генерал.

— Не хватит, — вздохнул Командир. — Даже для такого смертельного трюка не хватит.

— Давайте считать!

Саня и Громов склонились над листом бумаги, Командир застучал пальцами по клавишам небольшой электронно-вычислительной машинки.

— А знаете, — он выпрямился. — Может получиться. Правда, в истории авиации такую абракадабру никто не делал, но может получиться!

— Крылья на такой скорости не заблокирует? — осведомился генерал.

— Придется работать на предельных режимах.

— На предельных?

— Так точно!

— Чего же вы сидите! — рассвирепел генерал. — Соедините меня с Москвой!

И тут наконец Саня понял, по каким именно делам оказался в их лесной глуши генерал Матвеев Николай Дмитриевич. Разговор

у проходной, разбор полетов, пристальный, изучающий взгляд, брошенный вслед, «случайный» визит — все соединилось в тугой узел, и военный летчик Александр Сергеев почувствовал: в его судьбе произошел грандиозный переворот. Настолько крутой и грандиозный, что ни Командир, ни генерал, прекрасно знающие об этом, ничего не хотят говорить. Но скажут потом. Позднее. Когда старлей доблестных ВВС в паре с майором Никодимом Громовым выполнит акробатический трюк на рулежной дорожке, бросит свою машину в сердце стихии, и, проутюжив бушующее пространство, вернется на аэродром. Ждать осталось недолго. Недолго осталось ждать, подумал Саня и весь обратился в слух. Генерал заканчивал разговор с Москвой.

— Летчики? — весело переспросил генерал. — Летчики выдержат, товарищ Главком. Отличные летчики!.. Хорошо... Есть!.. Будет сделано!

Аккуратно положив трубку, он долгим, внимательным взглядом посмотрел на авиаторов.

— Вам разрешается использовать машину на всех максимальных режимах. Без ограничений. Только смотрите у меня! — Точь-в-точь, как начштаба, он потряс воздух кулаком. — Без этого! Без этого!

— Так точно! — дружно рявкнули летчики. — Без этого, товарищ генерал!

— Остряки-самоучки, — буркнул генерал, стремительно направляясь к двери. — В такой ситуации передразнивать высокое начальство?! Да я вас... Чего стоите? — обернулся у порога. — На аэродром! Вам поручено особое задание!

— Есть на аэродром!

Они взлетали поодиночке, из разных капониров, с разных рулежных дорожек. Саня не видел, как стартовал вечный комэск, — облаченный в противоперегрузочный костюм с гермошлемом, он сидел в кабине, ждал. Озноб неопределенности уже подкрадывался, лихорадил все тело, и это было хуже всякой болезни. Он не знал, как стартовал вечный комэск. И лишь когда три «К», готовивший самолет к полету, победно поднял перед фонарем правую руку и отскочил в укрытие, Саня понял, что майор Громов сумел подняться в воздух. До хруста в пальцах зажав тормозной рычаг, он осторожно повел вперед сектор газа. Из сопла, в специальный отражатель, поставленный механиками позади машины, ударило резкое, ослепительное пламя. Острое жало фюзеляжа опустилось, припало к земле, скрипнули амортизаторы передней стойки шасси, могучий истребитель-бомбардировщик напоминал ревущего зверя, готового к прыжку.

Саня отпустил тормоза.

Зверь прыгнул, выскочил из укрытия, и тут же его тряхнуло, как игрушку, потащило в сторону. Летчик резко двинул правой педалью, выровнял положение машины, но скорости еще не хватало — самолет продолжал боком сползать к порыжелому летному полю, вычерчивая на асфальте всеми тремя колесами черный, смолистый след. Саня включил форсаж и одновременно изменил геометрию крыла. Могучая сила оторвала истребитель-бомбардировщик от земли, понесла вверх и сразу швырнула обратно, точно собираясь безжалостно расплющить, вмять в жухлую траву. Невероятным усилием Саня удержал дрожащую, падающую машину в горизонтальном полете. Каких-то четыре секунды этой изнурительной борьбы со стихией вымотали его почти

полностью. Пот лил ручьями, дыхание участилось, будто после марафонской дистанции, сердце стучало, как скорострельный пулемет. Но Саня удержал машину и, плавно взяв ручку на себя, начал осторожно набирать высоту.

— Восемьсот первый, — зазвенел в наушниках бесстрастный голос Командира, — курс триста пятнадцать, эшелон восемь. Семьсот пятнадцатый вас встретит.

— Понял, курс триста пятнадцать, эшелон восемь.

Стрелка указателя скорости приблизилась к красной черте. За Санькиной спиной раздался слабый хлопок, точно выстрел из пневматического ружья, звуки в кабине стали мягче, хотя и не исчезли совсем. Рев, грохот, тряска — все осталось, но теперь самолет, обгоняя звук, как масло разрезал воздушное пространство и никаких ураганов для него больше не существовало. Ревущий зверь в скорости обретал силу.

— Восемьсот первый, — будто рядом рявкнул майор Громов. — Я над тобой, иду на место!

— Понял, наблюдаю!

Самолет вечного комэска медленно опустился, встал впереди, слева. Держась крыло в крыло, пара истребителей-бомбардировщиков сделала боевой разворот и взяла курс в район приземления спускаемого аппарата космического корабля. Где-то далеко внизу черными стаями проносились облака, прозрачное голубое небо набегало на фонари кабин, точно вокруг ожили, засветились наяву пейзажи Рериха. Но Саня ничего не видел, ни о чем не думал. Он превратился в комок нервов, ожидания, воли. Стоило майору Громову чуть-чуть двинуть ручкой управления или сектором газа, и старлей доблестных ВВС абсолютно синхронно выполнял те же движения. Две машины, словно в одной связке, шли в район поиска.

— Поехали за четыре! — бросил Громов, видимо желая проверить реальные возможности машины.

И Саня, подчиняясь законам движения в паре, немедленно двинул вперед сектор газа — за красную черту, где раньше стоял ограничитель. Двинул осторожно, с опаской, готовый в любое мгновение отбросить рычаг назад: они никогда не работали на такой фантастической скорости, не знали ее характера, особенностей, норова. Нервы напряглись в ожидании, взгляд с тревогой ощупывал приборную доску — скорость могла всё. Могла тряхнуть, расплющить, могла дрожью отдаться в машине и ручке управления, могла смять и раздавить, могла безжалостно швырнуть вниз. Но... ничего не произошло. Они неслись быстрее любого снаряда, быстрее пули, а самолет шел так же беззвучно и плавно, как прежде, и лишь стрелки на приборной доске вздрогнули, поползли по циферблатам.

— Хороша штучка, — хохотнул Громов. — Как считаешь?

— Годится, — ответил Саня.

— Ладно, — с сожалением вздохнул комэск. — Туши примус. Квадрат под нами.

Они швырнули машины в черную, мутную завесу, проткнули тучи и сразу взмыли вверх: нижнюю кромку облаков отделяла от земли всего секунда полета. Точнее — 0,79 секунды. Столь короткое время — ни больше ни меньше — отводили им приказ и погода на обнаружение спускаемого аппарата космического корабля. Предприятие

казалось абсолютно безнадежным — все равно что пытаться искать в глухом лесу единственный растущий там гриб. Даже хуже. В отличие от грибника, не могли они спокойным взглядом окинуть каждый клочок земли, каждый бугорок и ямку; их самолеты неслись на бешеной скорости, стирая все краски в однотонное серое полотно. А гасить скорость не позволяли условия: стоит выпустить крылья, как ураган подхватит бригантины, поднявшие паруса, сомнет, уничтожит. Только скорость, огромная, неподвластная стихии, единственная охранная грамота военных летчиков, позволяла майору Громову и старшему лейтенанту Сергееву работать там, где любую тихоходную машину давно бы раздавило всмятку.

И они утюжили пространство в квадрате 24—17, протыкали облака, уходили к солнцу, обдавая землю жаром турбин. От резких переходов из темноты к свету, от света к темноте в глазах рябило, уставшие тела ныли от перегрузок. Казалось, конца этой свистопляске никогда не будет. Но на девятнадцатом заходе, поднимая самолет в небо, Саня боковым зрением увидел на поверхности небольшого озера едва заметную белую точку — проблесковый маяк. Точнее, даже не увидел — в крохотном, как песчинка, как полет метеорита, мгновении ухватил краем глаза призрачное изображение и профессионально удержал в памяти.

— Объект вижу! — Саня нажал кнопку передатчика.

— Во, — откликнулся Громов. — А я думал — померещилось. Давай пройдемся еще разок для верности. И карточки сделаем.

Все повторилось: свет, темень, стремительный проход над бушующим озером — долгий, бесконечно долгий проход — адская перегрузка, кровавые отблески и рябь в глазах, темень, яркий свет и — никаких результатов. Заснять спускаемый аппарат на кинопленку они не смогли. Не хватило доли секунды.

— Сбрось триста! — захрипел Громов.

Саня слегка прибрал на себя сектор газа. Приборная доска мелко-мелко затряслась, ручка управления ожила в ладони, самолет противно задрожал, словно ударился об острые камни. Но зато в перекрестье прицела нарастал, увеличиваясь в размерах, черный шар с красным проблесковым маяком, и Саня, нажав кнопку фотопулемета, заснял аппарат, вернувшийся из космических далей, и мелким, и средним, и крупным планом.

— Выход на пределе!

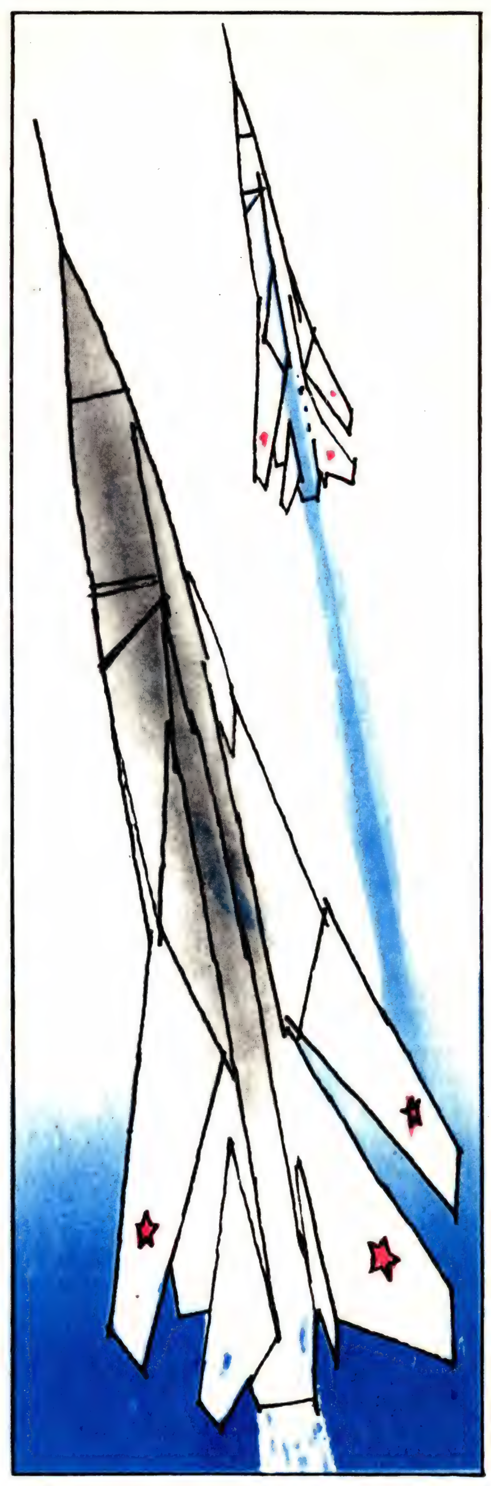
Две машины, раскатисто взревев, вертикально пошли в небо.

— «Орион», я — семьсот пятнадцатый, — передал Громов поисковикам. — Объект в квадрате двадцать четыре — семнадцать. Удаление от берега — два километра. Виден проблесковый маяк. Кино сняли. Работу закончили.

— Спасибо, семьсот пятнадцатый и восемьсот первый! Огромное вам спасибо! — Теплота и нежность звучали в голосе далекого оператора. — Я — «Орион», спасибо!

— Не за что, — буркнул майор Никодим Громов. — Пламенный привет отважным покорителям космоса. Конец связи. — И, уже обращаясь к старлею доблестных ВВС, сказал: — Восемьсот первый, переходи на седьмой!

Саня щелкнул переключателем каналов связи, перешел на седьмой канал, где их никто не слышал.

— Восемьсот первый — на седьмом!

— Санек, — добродушно откликнулся Громов. — Понимаешь, тут одна закавыка намечается. Мы вроде как приземлиться на родное поле не сможем. Видел, что творится? Страх господний!

— Понимаю, — сказал Саня. — Горючки у нас на двадцать две минуты.

— На двадцать четыре — запас высоты используем.

— Будете запрашивать землю, Никодим Иванович?

— Не, — хмыкнул Громов. — Пойдем погуляем маленько под звездами, покумекаем. Глядишь, чего-нибудь и сообразим. Давай держись крыла!

Чудовищным, невероятным рывком Никодим Громов поставил самолет на попа и, крякнув, лихим казаком помчался на своем быстрокрылом коне в стратосферу. Саня синхронно повторил маневр и чуть не потерял сознание: его расплющило, точно размазало по креслу, тело налилось свинцовой тяжестью.

— Ну как, Сань, — с удовольствием захрипел майор, переводя машину в горизонтальный полет. — Зверь телега, да?

— Зве-ерь! — подтвердил Саня, жадно хватая раскрытым ртом кислород. — Горючку только зря сожгли.

— Вот тут, Саня, ты не прав. Пока мы на тройке с бубенцами неслись, я кой-чего накумекал.

— У меня тоже идея.

— Ты свою идею выкинь и забудь. Понял? — отрезал Громов. — Знаю: на фюзеляж хочешь садиться!

— Точно.

— А из этого ничего не выйдет. Так что, Санечка, как говорит моя Маришка, глядей по сторонам и шевели дальше.

И странно: Саня подчинился. Даже почувствовал себя как-то легко и свободно — майор Громов приказал ему расслабиться. Первый Сергеев неожиданно проснулся в старлее доблестных ВВС, вышел из тени, предоставляя второму Сергееву спокойно отдыхать, готовиться к последней, решающей схватке с ураганом. Первый Сергеев, улыбнувшись мальчишеской улыбкой — рот до ушей, — с любопытством завертел головой. Стратосфера показалась ему сказочным миром. Горизонт отодвинулся, перед фонарем кабины стояла не прямая линия, как обычно, а размытая атмосферой даль. Темно-фиолетовое небо было глубоким и бездонным. На небе ярко, немигающе, припорошенные солнечным светом, горели звезды. Впитывая распахнутыми настежь глазами эту неземную красоту, Саня посмотрел наверх — там, чуть выше, начинался Космос. В памяти мгновенно вспыхнул проблесковый маяк, темный шар спускаемого аппарата посреди бушующего озера, и кабина прекрасного современного самолета вдруг показалась Саньке тесноватой. Он сжал ручку управления и представил себя летящим в космическом корабле. И сразу шар авиагоризонта на приборной доске превратился в глобус с материками и океанами, сектор газа стал рычагом управления маршевыми ракетными двигателями. Саня вышел на орбиту! Он видел землю, видел зарождающиеся циклоны, пятна планктона в морях, огонь в лесу, желтые поля спелой пшеницы. Он докладывал в Центр управления о тайфунах, лесных пожарах, подсказывал специалистам, где стоит искать полезные ископаемые, исследовал геологические разломы, Солнце, изучал звезды.

Еще он смотрел во Вселенную и чувствовал, что не может охватить ее бесконечность сознанием. И от этого какая-то мощная, загадочная сила еще сильнее влекла его к звездам, хотя это был не хлеб, не вода, и тысячи, сотни тысяч людей вполне нормально существуют, обходятся без звезд, без их тайн, а он, старлей доблестных ВВС, почему-то обходиться уже не может. Жгучее любопытство магнитом притягивало его взор к далеким светилам, словно в этом любопытстве он обретал самого себя, становился настоящим, каким был задуман природой. Но какой он настоящий? Какой из двух Сергеевых выражает его истинную суть? Может быть, оба сразу? Или есть еще другие, неизвестные пока Сергеевы? Сколько их? Когда они явятся из горнила Времени? Да и явятся ли вообще? Что скажет ему сегодня вечером генерал Матвеев, о каком повороте судьбы сообщит? Саня не знал этого. Какая-то новая жизнь ждала его, волновала, непонятно тревожила. И эта новая жизнь сконцентрировала в себе все предыдущие мгновения и весь этот, еще не завершенный полет.

Глава 9 СХВАТКА С УРАГАНОМ

— Ну как? — голосом Громова заговорили наушники.

— Красиво! — вздохнул Саня, продолжая смотреть на звезды.

— Я спрашиваю, как будем из этой неприглядности выбираться?

— Пустяки, — сказал Саня. — Вариант взлета. Только наоборот.

И почувствовал себя очень близким и необходимым майору Громову человеком.

— Ну, Сань, — хохотнул Громов. — Котелок у тебя варит! Я знал, что докумекаешь до этого. Молоток, — похвалил он. — Переходи на основной. Покалякаем с планетой. Может, чего лучше подскажут.

Саня переключил радиостанцию на связь с землей.

— Я — семьсот пятнадцатый, — бодро сказал Громов. — Как обстановочка?

— Ничего утешительного, семьсот пятнадцатый, — бесстрастно ответил Командир. — Запасные аэродромы закрыты... Вам разрешается катапультироваться!

— Катапультироваться?

— На малой высоте есть шанс.

— Какой там шанс, — хмыкнул Громов. — Одна видимость. Не, — решительно запротестовал он. — Не пойдет. Да и самолет жалко. Мы тут с восемьсот первым одну идейку обмозговали.

— На фюзеляж?

— Не угадали. Вариант взлета. Поодиночке.

— Кто первый?

— Я попробую.

Саня понял, что Никодим Громов снова закрывает его своей могучей грудью. Вечный комэск хочет садиться первым, первым испытать невозможное, чтобы молодой летчик Сергеев, используя его опыт, получил дополнительный шанс. Чтобы вышел из отчаянной схватки с ураганом, пусть с отметинами, но живым. Ибо никто на всем белом свете, даже сам майор Громов, не знал, чем закончится смертельный

трюк на полосе и возможен ли он вообще. Если Громов погибнет, если Никодим Громов погибнет и своей гибелью докажет, что посадка принципиально невозможна, военному летчику Сергееву прикажут катапультироваться. От этой мысли Саню бросило в жар. Он представил, как с гулким хлопком распахивается над родным аэродромом оранжевый купол парашюта, в горле запершило, большой палец правой руки нажал кнопку передатчика.

— Я — восемьсот первый, — понеслось в эфир. — Прошу разрешить посадку в первую очередь!

— Вытри нюни, восемьсот первый! — обрезал его Громов.

— Первым идет семьсот пятнадцатый, — холодно сказал Командир. — Семьсот пятнадцатый идет первым!

Это был приказ.

— Есть, семьсот пятнадцатый, — уныло протянул Саня.

— Значит так, восемьсот первый, — подождав немного, вышел на связь Громов. — Четвертый разворот я делаю на двадцать кэмэ дальше основных ориентиров. Усек? Ты гуляешь кружочками над точкой и следишь за мной. Хорошо следишь, понял!?

— Я буду внимательно наблюдать за вами, Никодим Иванович, — нарушая правила радиообмена на основном канале, сказал Саня.

— Ну, будь!

Самолет вечного комэска крутым левым разворотом отвалил в сторону и исчез. Саня почувствовал себя тоскливо и одиноко, как птенец, отбившийся от стаи. Он бросил взгляд на приборную доску: горючего оставалось на одиннадцать минут. Это было очень много при их скоростях, когда за одиннадцать минут можно спокойно добраться из пункта А в пункт Б, удаленный на сотни километров, и крайне мало, чтобы победить ураган, шлифующий, будто наждачная бумага, плоскость планеты.

Наблюдая за лесом, где уже блеснула серебристая точка, Саня утюжил пространство над аэродромом.

Самолет вечного комэска заходил на полосу стремительно и непривычно низко — не выпуская шасси, не изменяя геометрию крыла. Точно снаряд, направленный в землю. Лишь у самой бетонки стреловидные треугольники дрогнули, превратились в мощные крылья. Саня похолодел. Плоскости создавали большое воздушное сопротивление, тормозили бег машины, но они же наделяли ее подъемной силой. По всем правилам теории самолет Никодима Громова должен был немедленно взмыть вверх и, теряя скорость, рухнуть на землю. Но громовский самолет словно вжался в полосу, слился с ней, выбрасывая из-под фюзеляжа синие струи дыма, — видимо, начала гореть резина. Осторожно, очень осторожно истребитель-бомбардировщик забирал вправо — туда, где стояли капониры, сошел с полосы и прямо через поле стрелой покатил в укрытие. У самого капонира, почти поцеловавшись с землей, резко затормозил, исчез в темном проеме.

— Ну? — послышался в наушниках неузнаваемо хриплый голос комэска. — Видел?

— Да, — ответил Саня, уводя машину к четвертому развороту.

— Сумеешь?

— Не знаю.

— Сумеешь, — устало, бесконечно устало сказал Громов. — Только учти мои ошибки. Крылышки выпускай сразу после ближнего при-

вода, шасси — в десяти метрах от земли. Плюхайся в самое начало бетонки, но обороты полностью не убирай — самолет выдержит. Автоматику выруби, тормози вручную. Чтобы не занесло и не опрокинуло — педалями бери микрончики. Микрончики снимай педалями, понял?

— Понял, семьсот пятнадцатый. Выполнил четвертый.

— И смотри, — неожиданно пробасил Громов. — Подведешь «деда» — три шкуры спущу!

— Есть, не подводить «деда»!

Горючего оставалось на шесть минут. «Нормально, — сказал бы вечный комэск. — Даже останется, сливать придется». Но в эти шесть минут спрессовалась вся Санькина жизнь, все настоящее, прошлое и будущее. Он пронесся над лесом, стлавшимся как трава, почти касаясь верхушек деревьев, и увидел пунктир взлетно-посадочной полосы. Бетонка неестественно быстро увеличивалась в размерах: казалось, он проскочит ее, промахнется, уйдет на второй круг. Но уже пошли крылья. Самолет тряхнуло, швырнуло вверх, за остеклением фонаря завыло, загудело. Побелевшая от напряжения рука отдала ручку от себя, носовое колесо вжалось в бетонное покрытие и спина военного летчика Александра Сергеева сразу взмокла, похолодела — никогда еще авиатор не сажал так машину. Никто и никогда так реактивную машину не сажал. Обычно, погасив скорость, летчик плавно заходил на ВПП, в нескольких метрах от земли выравнивал послушный тихоход, слегка поднимал нос, и самолет касался основными шасси полосы. Когда скорость гасла, а вместе с ней исчезала и подъемная сила, носовое колесо опускалось. Дальнейшее движение продолжалось на трех точках.

Теперь все было наоборот.

Была гигантская, совсем не посадочная скорость.

Скорость создавала подъемную силу.

Подъемная сила разъяренно тащила машину вверх, но летчик Сергеев, работая рулями высоты, прижимал истребитель-бомбардировщик к земле. Точно эквилибрист, он мчался на одном колесе по нескончаемой бетонке, и на каждом сантиметре этого немыслимого пути-трюка его поджидала опасность.

Сейчас, не выдержав нагрузки, сложится передняя стойка шасси — взрыв!

Дрогнет усталая рука, и ее дрожь, передавшись ручке управления, швырнет самолет в сторону — взрыв!

Перегрузки, пережитое притупят реакцию — взрыв!

Стрессовая ситуация и бешеная скорость вызовут шок — взрыв!

Взрыв!.. Взрыв!.. Взрыв!.. — тысячи смертей тянули черные костлявые руки за одной жизнью. И только два Сергеева, всего два Сергеева, одновременно выйдя из тени, сражались с опасностью. Два Сергеева — и в отдельности, и вместе — не имели в этой откровенно безнадежной ситуации права на ошибку.

Только право на жизнь.

И военный летчик Александр Сергеев старался это право использовать полностью. Плавно сбросив газ, он позволил основным шасси коснуться бетонки — так, чтобы колеса держали не весь вес машины, а лишь часть его. Отключив автоматику, чуть-чуть нажал на тормозной рычаг. И хотя сцепление колес с полосой было ничтожным,

самолет, казалось, натолкнулся на невидимую стену: летчика швырнуло на приборную доску, привязные ремни врезались в тело. Стиснув зубы, он еще раз коснулся—будто погладил—тормоза. Истязание повторилось. За машиной потянулся шлейф дыма — начала гореть резина. Но это были пустяки, сущие пустяки в сравнении с тем, что предстояло сделать, — предстояло на бешеной скорости развернуть машину к капонирам. Сергеев нажал на правую педаль. Самолет накренило, крыло едва не чиркнуло о бетонку, стертые краски земли кроваво-рыжим фоном надвинулись на глаза. Тысячи смертей ожили, заволновались.

— Я чему тебя учил?! — заскрежетал в наушниках голос Громова. — Микрончики педалями бери! Микрончики! Да не ногами работай — нервами!

Этот голос вошел в него, отрезвил. Приблизившаяся опасность подхлестнула. Он молниеносно сработал ручкой и педалями. Движение было ничтожным, незаметным, не измерялось ни в сантиметрах, ни в миллиметрах. Но самолет, слегка завалившись на правый бок, начал сходить с полосы, поворачивая острое жало фюзеляжа в сторону капониров. Порыжелая трава однотонным ковром понеслась навстречу. Перекрестье прицела, как стрелка компаса, уперлось в крохотную черную точку — чрево Санькиного укрытия — и затряслось в лихорадке. Тряска била по лицу, по зубам, по каждой клеточке; руки занемели, спина одеревенела и перестала ощущать боль. Черное чрево надвинулось как бездна, увеличилось в размерах, и, когда до него оставалось метров семьдесят, непослушные пальцы до хруста стиснули тормозной рычаг. Раздирающий душу скрежет слился с воем урагана. Зияющая пасть капонира заслонила небо, весь мир; левая рука отбросила назад сектор газа, вырубила тумблеры энергосистемы. Истребитель-бомбардировщик, словно мощный плуг, прокладывая в земле широкую борозду, по инерции прополз оставшееся расстояние и, кренясь, втиснулся в капонир. Три человека в синих комбинезонах метнулись под фюзеляж и плоскости, бросили тормозные колодки, отпрыгнули в сторону. Все стихло.

Но лишь на секунду.

Рывком распахнув фонарь, Саня услышал, как трясется, стучит под порывами ветра стальная дверь капонира.

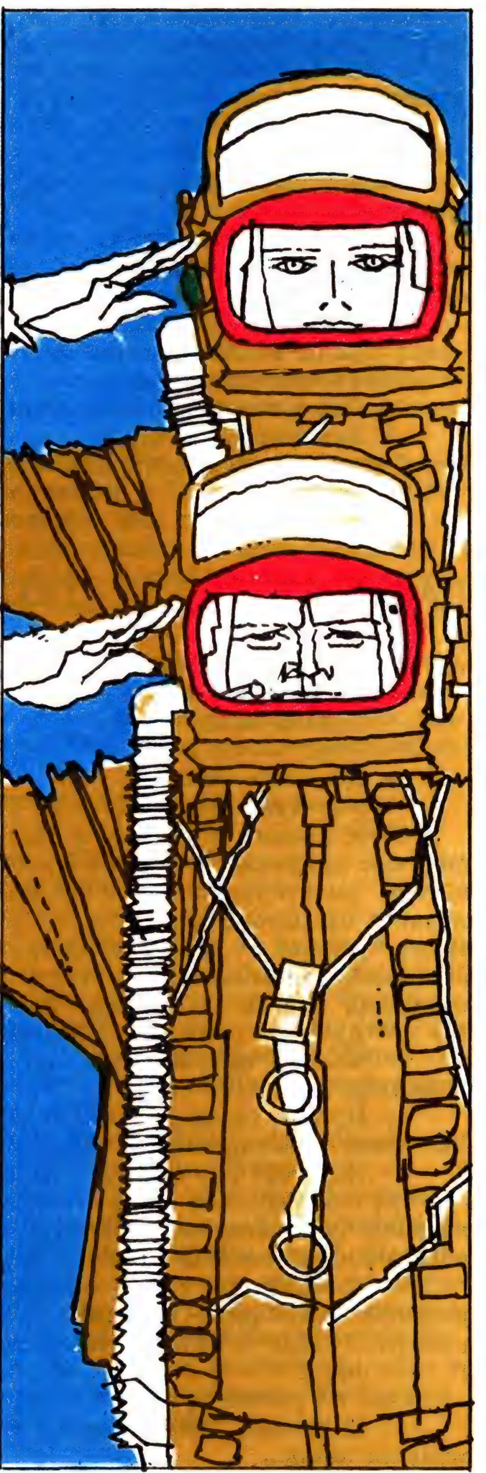
И опять все стихло.

Кто-то сопящий и неуклюжий, тяжело придавив его, расстегнул привязные ремни, сильные руки помогли выбраться из кабины. Он шагнул вперед — подальше от машины. Бетонный пол задрожал и качнулся, как палуба суденышка, попавшего в шторм. Потом закачались лампочки освещения, фигуры механиков, приблизившиеся лица Командира и генерала.

— Товарищ генерал! — Саня встал по стойке «смирно», но его завалило, повело в сторону. — Старший лейтенант Сергеев в паре с майором Громовым задание выполнил!

И, потеряв равновесие, ухватился за чье-то плечо. Перед глазами взвилась, заиграла зайчиками красная рябь.

— Майор Громов и старший лейтенант Сергеев! — металлом зазвенел голос генерала, и Саня увидел, что держится за плечо вечного комэска. — От имени и по поручению Главкома ВВС за выполнение особого задания, проявленные при этом высокое профессиональное

мастерство, мужество и героизм объявляю вам благодарность! Решением командования вы представлены к правительственным наградам!

Рябь прошла, тело пружинисто подтянулось, руки припали к бокам.

— Служим Советскому Союзу!

— Вольно!

И, приблизившись, уже по-отечески стиснул офицеров в крепких объятиях.

— Передаю личную благодарность и наилучшие пожелания Председателя Государственной комиссии. Просил вас обнять! Молодцы, орлы!

Командир бесстрастно взглянул на часы.

— Если торжественная часть окончена — на отдых!

Громов подставил плечо.

— Сколько я катился? — спросил Саня.

— Девятнадцать секунд.

Старлею доблестных ВВС показалось — целую вечность.

Глава 10 РЕШИТЕЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

— Саня, все самолеты летают в такую погоду?

— Не-ет...

— Только твой?

— Угу.

— Я завтра уезжаю.

— У... Что? Почему?

Саня дремал в кресле, а Наташка, устроившись рядом, кормила его, как маленького, с ложечки маминым вареньем. Перегрузки, боль в теле, смертельный трюк на полосе — все понемногу отодвигалось, таяло в прошлом, будто лед по весне; старлею доблестных ВВС было тепло, уютно. С тихим блаженством он лопал с ложечки варенье, с удовольствием мычал и угугукал, чувствуя, как возвращается жизнь, наполняя сердце нежными, радостными, солнечными перезвонами. Но тут дремота сразу испарилась.

— Как? — задохнулся он, вскакивая с кресла. — Почему ты уезжаешь?

— Ну вот, Саня, — вздохнула Наташка, отводя глаза в сторону. — Ты такой неосторожный — банку варенья опрокинул мне на платье.

— Нат, что случилось?! Ты ведь собиралась ехать через неделю!

Верная Пятница вела себя странно. Носик покраснел, губки сложились бантиком, она опустила голову — низко, низко — и длинные распущенные волосы закрыли залившееся краской лицо.

— Понимаешь, Саня, — не весело, как обычно, а сбивчиво и торопливо заговорила Наташка. — У нас сейчас в лаборатории много работы... Скоро в Солнечную систему войдет одна хвостатая комета... И мне надо.

Она не умела врать.

— И потом... Сейчас самое удобное время для наблюдения переменных звезд...

Наташка первый год работала после университета в известной всему миру обсерватории, но врать она никогда не умела.

— Нат, расскажи все честно.

— Мне... платье надо отмыть, — и, словно боясь, что ее остановят, торопливо побежала в ванную.

Саня терялся в догадках. За семнадцать лет дружбы Наташка ни разу не подвела его, не обманула, не схитрила. Точно трудолюбивый каменщик, ежедневно доказывая свою преданность и верность, она старательно и совестливо закладывала фундамент их будущих отношений. Ни словом, ни делом, ни мыслью не запятнала их дружбы. Он знал все ее секреты и тайны, радости и огорчения. Лишь два отчаянных поступка, всего два невероятно отчаянных поступка, Пятница почему-то скрыла от него — то ли не хотела подставлять под удар, то ли постеснялась сразу признаться. Но какой виноватой и печальной она чувствовала себя после этих проделок — смешно вспомнить. Как после тяжкого прегрешения.

Первый раз это случилось в деревне — они тогда отдыхали вчетвером у Санькиной бабушки: Саня с мамой и Наташка со своей бабушкой. Кажется, стояло жаркое лето. Все дни ребята проводили на речке, а вечерами собирались на выгоне, пекли в костре картошку и рассказывали разные страшные истории — мороз по коже продирал. Один Витька Пыша ничего страшного выдумать не мог. Кряхтел, сопел, пыхтел и — не мог.

— Все ваши историйки — брехня! — потрясая кулаками-гирями, захлебнулся однажды Пыша. — Сказочки для малолетних. А я вам всамделишный страх покажу. Вот выгоню завтра утром Жучку, щенят — в мешок и... на речку. И утоплю. На самом купаличном месте. Будете знать!

Наташка побледнела и придвинулась к Сане. Саня вскочил.

— Фашист ты, Пыша!

— Я-я? Ну-кась, шпана, повтори, чего сказал!

— Ты фашист, раз хочешь утопить щенков!

— Щас я тебе покажу фашиста!

И Пыша бросился в драку. Он был выше Сани на целую голову, раза в три тяжелее, а кулаки и вправду казались гирями. От кровянки спасло то, что в самый трудный момент Наташка огрела Пышу по спине хворостиной. Пока он разворачивался, ребята разбежались. Но утром — все до одного, как по команде, собрались у речки. Пыша появился только в полдень. Пришибленным мешком вырос на пригорке: красный, злой, потный, с огромной палкой.

— Ну, шпана! — заорал издали. — Убью! Признание давай, хто кутят свиснул! Хто меня удовольствию лишил и обокрал!

Ребята молчали. Наташка стояла бледная, как осенняя береза.

С треском переломив палку, Пыша ушел. А в доме Санькиной бабки с того дня начали твориться чудеса. Куда-то исчезал хлеб, Наташка, никогда не любившая молоко, теперь выпивала за день целую кринку. И ласково просила еще. Взрослые только диву давались и, кажется, что-то заподозрили. Один Саня ничего не замечал, пока Наташка, виновато опустив голову, сама во всем не покаялась.

— Саня, — сказала она. — Я сразу хотела рассказать, да боялась, что Пыша узнает. Это я... щенков ночью... украла.

— Ты?

— Они тут, Саня, на сеновале. Они хорошие.

Щенки облизывали маленькими горячими язычками Санькины руки, терлись гладкими боками, тыкались пятачками влажных носов в ладони.

— Большие уже, — сказал Саня.

— Ты не сердишься? Правда не сердишься?

— Честно не сержусь. А тебе страшно было?

— Еще как страшно!

— Ты герой!

— Нет, Саня. Я трусиха. У меня ноги дрожали и руки.

— А Жучка тебя не укусила?

— Я ей хлеба дала и всю правду рассказала. Ну, что Пыша задумал. Жучка даже заплакала. До сеновала за мной шла и ни разу не тявкнула.

— Умная собака, если сразу все поняла.

Щенят они выходили и, не таясь, раздали в августе ребятам. Пыша начал было кричать, что его ограбили, что он донесет куда следует, потребовал выкуп, но его дружно поколотили и Пыша смирился с потерей.

Второй раз — Саня учился уже в девятом классе, а Наташка в седьмом — Пятница забежала после уроков очень расстроенная.

— Вот. — Она разжала кулачок, и Саня увидел записку. — Понимаешь, я ему объясняла, объясняла, что не могу с ним дружить, а он, как дурак, ничего не понимает.

«Наталья! — писал Федька Калякин из 9 «Б». — Ты мне нравишься. Сегодня чапаем в кинуху. Жду тебя в шесть вечера у «Звездочки». Не придешь — не серчай! Ф. К.».

— Ну и пожалуйста, — почему-то обиделся Саня и отвернулся к окну.

— Саня, — кротко сказала Наташа. — Я же с тобой дружу. Ты мой самый-самый лучший друг и товарищ! Больше я ни с кем не хочу дружить.

На свидание с Калякиным Пятница, конечно, не пошла. На следующий день — Саня тогда болел и обо всем узнал от Жанны Хвостиковой, Наташкиной подруги, — Калякин, не успели выйти со школьного двора, больно дернул Наташку за косы.

— Дурак, — сказала Наташка. — И никакой надежды.

— Это твой Саня-Маня дурак, — захохотал Калякин. — У него уши в разные стороны.

— Не смей так говорить о моем товарище!

— Ха-ха-ха! Испугался! Поймаю твоего Саню — ноги повыдираю, костыли приделаю!

— Ты?! Костыли?! Сане Сергееву?!

Тяжелый портфель обрушился на голову Калякина. Побелевшие ручонки вцепились в ворот рубашки. Жанна говорила, Наташку едва оттащили. Так она сражалась за лучшего друга! И Федька Калякин испугался, бросился наутек. «Чокнутая, — заорал издалека. — Шуток не понимает». И целую неделю ходил тихий, задумчивый, никого не задирал. И целую неделю Пятница, словно ничего не случилось, навещала больного Саню, рассказывала о школьных новостях, но о драке — ни слова. А когда он не выдержал, спросил сам, сначала побледнела, потом покраснела, виновато опустила голову.

— Ну, Саня, я понимаю: драться нехорошо. Но ведь я нашу дружбу защищала! Дружбу всегда защищать надо, правда?

— Да, — ответил он, чувствуя, как внутри что-то горит и плавится. — Правда!

Кроме этих двух прекрасных недомолвок, у нее не было от лучшего друга никаких секретов. Саня знал всю Наташкину жизнь — от детского сада до последних дней. Знал ее любимые звезды, стихи, книги, песни, знал подруг, сотрудников по работе, мечты и надежды, знал, как тяжело ей пришлось в последний год, когда долго болела, а потом умерла Наташкина бабушка. Он знал все. И в голове просто не укладывались странные недомолвки и скорые сборы. Что недоговаривает, что скрывает от него надежная, верная Пятница? Что произошло за те несколько часов, пока старлея доблестных ВВС не было дома? Лиля? Саня даже вздрогнул, подумав о жене капитана Ропаева. Лиля могла все.

Все могла полная, свежая, румяная, точно купчиха, сошедшая с кустодиевской картины, Лиля.

На первый взгляд она производила впечатление добрейшей женщины. Горячо сочувствовала, если говорили о несчастьях — даже слезу пускала и громко сморкалась. Заразительно смеялась в веселой компании. Притворно охала, когда летчики вспоминали какой-то опасный полет. Раскусить ее было не просто. Детали, штрихи к портрету постепенно накапливались, откладывались в памяти, как камешки на мозаичном панно, пока не превратились в ясный, четкий образ. Когда же это началось? Кажется, на дне рождения лейтенанта Хромова. Да, именно тогда Саня впервые увидел Лилин взгляд — Лиля смеялась, а холодный, расчетливый взгляд скользил по стенам, по ковру, по полкам серванта, по книжному шкафу. «Ах, как хорошо у вас, Хромов! — смеялись острые зубки. — Какой фарфор! Хрусталь! Книги! Вы все это оттуда привезли?!»

Потом они как-то случайно встретились на улице, и капитан Ропаев, вспомнив о затруднениях с контрольными для академии, потащил Саню к себе. «Конечно, конечно,—улыбались белые острые зубки.—Что вам делать в холостяцкой квартире? Поужинаем, поговорим. Правда, у нас невесть что, но картошка найдется». Картошка действительно нашлась. Капитан сунулся было в холодильник, вытащил банку красной икры, но, натолкнувшись на холодный, расчетливый взгляд, втянул голову в плечи и поставил обратно. «Заходите, Саня, — улыбались на прощанье белые зубки. — Всегда будем рады».

И он, как последний дурак, заходил: и просто так, и по какой-нибудь надобности, и чтобы одолжить денег на шубу для Наташки. «Володя прав, — бросила тогда с кухни Лиля. — У нас нет свободных денег. И не намечается». А через полчаса повесила шубу в шкаф, ломящийся от всякого барахла, и, конечно, с удовольствием, с белозубой улыбкой оглядела квартиру, напоминающую скорее музей случайных вещей, чем обиталище разумного существа. Чего тут только не было! Рюшечки, слоники, подставочки, забитый посудой сервант, ковры и паласы, диван, на котором не разрешалось сидеть (дочери пусть останется), два телевизора — обычный и цветной, бронзовые подсвечники без свечей, модерновые люстры и бра, закрытый газетами книжный шкаф (полировка может испортиться!), старый заграничный рояль, на котором никто не играл (но какой звук, какой звук!), — все

три комнаты были завалены, заставлены, забиты, как лавка старьевщика. Книг в этом доме на руки не выдавали, денег не одалживали — разве что под проценты, на вкусную и здоровую пищу случайному гостю рассчитывать не приходилось: для таких существовало фирменное блюдо — «картошка в мундире» с луком и солью.

Всем этим огромным, разрастающимся с каждым днем хозяйством заправляла румяная, довольная собой Лиля. Она нигде не работала, часами слонялась по магазинам или перемывала чьи-нибудь косточки у таких же, как сама, трех-четырех офицерских жен. Вечером, когда усталый Ропаев возвращался с полетов, вся неизрасходованная энергия выплескивалась на мужа — Лиля самозабвенно, жадно мечтала обратить капитана в свою, мещанскую, веру. В ход шли ласки, хитрость, фальшивая кротость, чаяния о будущем дочери. И первоклассный летчик понемногу заражался бациллами стяжательства, становился рабом вещей, начинал себя чувствовать в пыльной, захламленной квартире удобнее, чем в кабине боевой машины.

Саня не любил кустодиевскую купчиху.

Она тащила из авиации Володьку Ропаева, мечтательного паренька, когда-то с неподдельным изумлением глядящего на небо, а теперь дрожащими пальцами пересчитывающего деньги для очередного вклада на сберкнижку. Жадная, расчетливая, слащавая, насквозь лживая Лиля была для старлея доблестных ВВС существом, стоящим по другую сторону баррикад. И это существо могло все. Так неужели, пока он летал за тридевять земель, Лиля успела навестить Наташку и, смеясь острыми зубками, подлить в чистую, юную душу смертельный яд?! Ну, Лиля, если это правда...

— Наташа... — Он постучал в дверь ванной. — У тебя Лиля была?

— Да, — послышался заплаканный голос. — Но это неважно. Я ее сразу поняла. Она возмущалась, что ты оставил их семью на голодном пайке — требуешь мешок трюфелей.

Саня засмеялся.

— Что ты ответила?

— Послала ее ко всем чертям! Вежливо, правда. И посоветовала в мужские дела не вмешиваться.

— Молодец! — облегченно вздохнул Саня. — Выходи, я тебя обниму! Как настоящего боевого товарища. Ты сражалась за идею!

Задвижка щелкнула, дверь ванной слегка приоткрылась и в образовавшемся проеме показалась тонкая, красивая рука. Саня чмокнул эту самую прекрасную на свете руку, приложил к щеке.

— Нат, — сказал он. — Дружбу надо защищать, правда?

За дверью всхлипнули.

— Правда.

— Тогда объясни, почему ты собралась уезжать.

— Мне сказали, что я... бросаю на тебя тень... и могу испортить всю летную... биографию.

— Ты? Испортить мою биографию? Какой идиот тебе это сказал?! Лиля?

— Один офицер. С двумя большими звездочками.

— Подполковник?

— Не знаю, наверное.

Саня начал догадываться.

— Когда он приходил?

— Часа за два до тебя.

— Сиди дома и никуда не выходи, — резко, по-громовски, сказал он. — И вытри нюни! Я скоро вернусь.

Все в нем горело и кипело. Клокотало от возмущения и несправедливости. Первый Сергеев, яростно сжимая кулаки, шел в бой за правое дело. С ожесточением толкнув дверь парадной, он шагнул в сумерки. На улице, как после долгого артобстрела, стояло зыбкое, тревожное затишье. Нигде не выло, не скрежетало, не трещало: беспощадный ураган, словно устав от жаркой схватки, смирился, стих. Несколько сломанных берез, которые еще не успели убрать, помятые клумбы, да непривычно голые, без телевизионных антенн, крыши домов — вот и все, что напоминало о грозном нашествии. Но и эти следы разрушения уже прятала, маскировала сиреневая темень.

Военный летчик Сергеев шел к штабу.

Было тихо, морозно. Под ногами стеклянно похрустывали лужицы, покрытые пластинками тонкого, узорчатого льда. Где-то вдалеке испуганно, осторожно, будто проверяя голос, тявкала собачонка. Подойдя к небольшому двухэтажному зданию, Саня предъявил часовому удостоверение и, поднявшись по гулкой бетонной лестнице, громко постучал в коричневую, недавно окрашенную дверь.

— Войдите, — послышался приглушенный голос замполита.

Саня толкнул дверь.

— Старший лейтенант Сергеев по личному вопросу!

И только тут увидел, что замполит не один. Высокий, подтянутый майор с академическим значком и солидными для его возраста орденскими планками — в несколько рядов — стоял в глубине кабинета, листая какие-то бумаги. На столе, на стульях, на полу — всюду лежали папки с делами, толстые амбарные тетради, плакаты с обязательствами, старые «Молнии» и «Боевые листки». Саня догадался — об этом поговаривали давно — подполковник сдает дела. И внутренне ощетинился — этого офицера с рыхлой канцелярской выправкой в полку не любили, не уважали. Летчиком он считался посредственным — никак не мог подняться выше третьего класса, — нужды и потребности авиаторов его не волновали, не интересовали. По сути, всю огромную целенаправленную работу по освоению новой техники, по быстрому росту летного состава взвалили на свои плечи Командир и начальник штаба. Подполковник-бюрократ зарылся в бумагах. Но в армии уже началась большая, серьезная перестройка, ветер решительных перемен гулял по полка́м и соединениям и вот, наконец, добрался до их глухого леса. На смену «пташечке», как авиаторы называли подполковника, пришел новый, судя по первому взгляду, опытный летчик и грамотный политработник.

— По ли-ичному? — хмуро переспросил «пташечка» и закаменел. — У меня, товарищ старший лейтенант, на двери ясно написано: прием по средам. По средам, а не по пятницам!

— Прошу вас выслушать меня сейчас. Это займет десять секунд!

— Гм... — «Пташечка» испуганно взглянул на майора с академическим значком. — Ну что же. Десять секунд, говорите, — он терзался сомнениями. — А, что там! — демонстрируя свою чуткость к личным вопросам личного состава, рубанул он рукой. — Слушаю вас. —

И тут же дал задний ход: — Хотя теперь у вас другое начальство, — «пташечка» покосился на майора. — Можно и ему. Я вроде как уже не у дел...

— То, что я должен сказать, адресовано вам, товарищ подполковник.

— Хм, — закаменел «пташечка» и, наконец решившись, величественно кивнул: — Ну, что там у вас? Только быстро!

— Я пришел вам сообщить, товарищ подполковник, — четко, бесстрастно, голосом Командира отчеканил Саня, — что вы грубый, невоспитанный солдафон! Разница в званиях и возрасте не позволяет мне выразить свое мнение в более подходящей форме. Но можете считать — я это сделал!

И, щелкнув каблуками, вытянулся по стойке «смирно». Майор, оторвавшись от бумаг, с любопытством взглянул на старлея доблестных ВВС — точно брал в перекрестье прицела. «Пташечка» побледнел, позеленел, покраснел, с грохотом выскочил из-за стола.

— Да я вас!.. Старшему по званию!.. Мой авторитет!.. За такие штучки!.. — казалось, он немедленно растерзает летчика.

— За свои штучки я отвечу, — спокойно отрезал Саня. — Но не раньше, чем вы извинитесь перед девушкой, которую оскорбили!

— Сумасшедший! — затрясся в истерике «пташечка». — Я? Извиняться? Перед вашей сопливой девчонкой?! Он сумасшедший, — палец с чернильным пятном уперся в Саню. — Его надо изолировать от общества!

Майор спокойно положил бумаги на стол.

— А в чем, собственно, дело? — насмешливо взглянув на Сергеева, спросил он. — И почему так много слов и эмоций?

«Пташечка» ослаб, засуетился, дрожащей рукой открыл сейф.

— Вот. — Он с надеждой сунул майору какой-то листок. — У меня жалоба! Сигнал, так сказать. Без подписи, конечно, инкогнито, научно говоря, но я, — он многозначительно вскинул голову, — догадываюсь... Источник проверенный. Не раз, так сказать, сообщал для сведения.

Новый замполит невозмутимо взял листок, пробежал глазами.

— Ну и что?

— Как что? — взвился «пташечка». — Необходимо взять на заметку, приобщить к делу. Вдруг когда понадобится. А у нас, так сказать, уже и бумажка есть, документ.

— Выбросите это грязное «инкогнито» в корзину.

— Но я должен отреагировать!

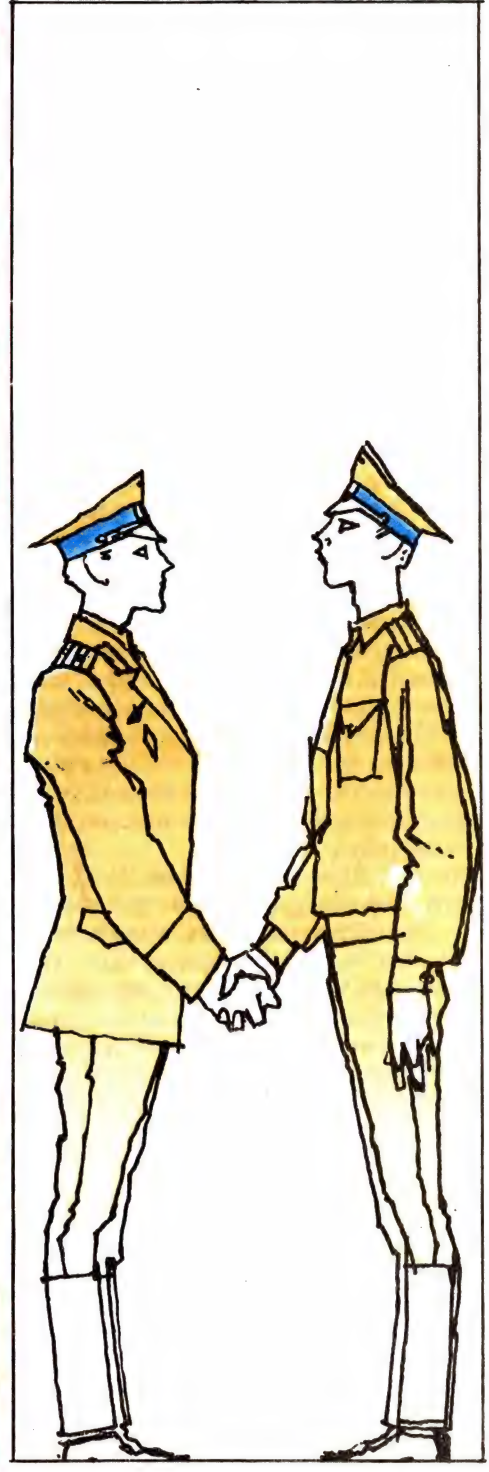
— Вот и реагируйте.

— Позвольте, позвольте, — «пташечка» победно заострил перемазанный чернилами палец. — Это как же? Письмо трудящегося в корзину?! Сигнал жены офицера?! Ну, знаете...

— Это не письмо, не сигнал, а кляуза, — резко оборвал его майор, и Саня удивился его резкости. — Клевета на хорошего человека! Вот на него, на старшего лейтенанта Сергеева. И наша задача — военного летчика Сергеева от этой клеветы оградить!

— Ну, нет! Меня так не учили. Я передам это заявление, согласно описи. А вы уж сами...

— Передайте сейчас. Вот реестровая книга, — склонившись над столом, майор размашисто расписался, — я поставил в ней свою подпись.

Теперь письмо мое. Прочитайте, Александр Андреевич, эту стряпню, — он протянул Сане листок. — Прочитайте и забудьте. Думаю, у вас хватит на это мужества?

Саня оторопело развернул листок.

«Считаю своим долгом проинформировать, — он узнал почерк Лили Ропаевой, — что аморальное поведение старшего лейтенанта Сергеева А. А. недостойно высокого звания советского офицера. Так, находясь в состоянии алкогольного опьянения, он ворвался ночью в наш образцовый магазин военторга, устроил дебош и с помощью грубой физической силы принудил продавцов продать ему импортную шубу за 840 рублей, хотя, как известно всякому, у офицера Сергеева таких денег никогда не было. К сожалению общественности, это не единичный факт. Вся жизнь офицера Сергеева — неустанное падение вниз, в трясину аморальности. В этом нетрудно убедиться, посетив его квартиру, которую указанный выше офицер превратил в рассадник зла. Вторую неделю, а может, второй месяц там проживает неизвестная никому особа по кличке «Нат», не имеющая к офицеру Сергееву никакого отношения. Эта особа...»

Саня услышал Лилин голос. Лиля смеялась, но холодный, расчетливый взгляд изучал военного летчика Сергеева: как, Санечка, настроение? Не испортилось? Ничего, ничего — привыкай!

— Но ведь это же... неправда, — в замешательстве произнес он, брезгливо отодвигая листок. — Как же так? Почему?

— Почему? — задумчиво повторил майор. — Пока не знаю, Александр Андреевич. Но буду знать, поверьте. А сейчас — передайте мои искренние извинения вашей девушке. И самые искренние извинения товарища подполковника, — он внимательно посмотрел на «пташечку».

— Да, да, — как-то разом сникнув, старчески прошамкал «пташечка». — Промашка вышла... Извиняюсь... Не вник... Не разобрался... Извиняюсь...

— Вот и уладилось. — Майор открыто и по-мужски крепко тряхнул Санькину руку. — Можете быть свободны!

— Есть передать извинения и быть свободным! — гаркнул Саня.

На улице, с радостным возбуждением направляясь к дому, он вскользь подумал, что, наверное, и Лиля, и капитан Ропаев считают свой образ жизни, манеры поведения, вкусы, воззрения единственно возможными и правильными, а его, Саню, просто ненавидят. Ненавидят за то, что он покупает на свою зарплату ребятишкам из их дома конфеты и игрушки, страстно любит авиацию и Наташку, легко и с удовольствием учится не для карьеры в академии. За шубу ненавидят, за бесшабашность, за веселое настроение, за этот полет, из которого он вышел победителем, за многочисленных друзей — ненавидят за всю его жизнь, за сам факт существования, за то, что он — другой! Но, бог ты мой, как мелка, как ничтожна эта затаившаяся, скрытая фальшивой улыбкой злоба. Как примитивна в сравнении с их трудной работой, с их настоящим мужским делом. И как прекрасно, что ветер больших перемен давно гуляет по стране и нет ни одного уголка, ни одной отдаленной точки, куда бы не доходили его порывы!

Глава 11 ВЫБОР

— Саня! Санечка! — сияющая Наташка бросилась ему на шею, чмокнула в щеку. — Генерал Николай Дмитриевич сказал — тебя орденом наградили! Боевым! Он шампанское принес! Мускатное! Полусладкое! Еще Командир дает тебе целую неделю на устройство личной жизни! И меня больше никто не выгоняет! Николай Дмитриевич сказал, что тот подполковник пошутил — у него такие глупые шутки.

— Конечно, Нат, подполковник пошутил, — улыбнулся Саня. — Я сейчас был у него. Он приносит тебе самые искренние извинения. И навсегда прощается с нами — уходит в отставку.

— Вот здорово! — прыснула Наташка. — Просто замечательно! Значит, нет никаких причин для печали?

— Никаких!

— Тогда... тогда устроим пир на весь мир! Раздевайся, вешай свою доху, развлекай гостей, а я мигом. Р-р-р, — сложив руки крыльями, она веселым самолетиком понеслась на кухню. — Я миго-ом!

В другой раз Саня смотрел бы и смотрел ей вслед, как очарованный странник, но сейчас какое-то неясное предчувствие кольнуло, заторопило. Сняв меховую летную куртку, старлей доблестных ВВС открыл дверь в комнату и — будто попал в праздник, сотворенный заботливыми Наташкиными руками. Все кругом сверкало первозданной чистотой и порядком. Стол-книжка, обычно пылящийся под диваном, стоял посреди комнаты, накрытый ослепительно белоснежной скатертью. Пышные красные гвоздики (откуда?) ярко пылали на фоне поблескивающих салатниц, тарелок, ножей, вилок, бокалов. Светло и солнечно горели люстра и бра. За журнальным столиком, отхлебывая из высоких фужеров на тонких ножках пепси-колу, азартно играли в шахматы Командир и генерал Матвеев.

— Признавайтесь, Сергеев, — с улыбкой взглянул на него Командир. — Где отыскали такое чудо? Где нашли свое сокровище?

— Наташку, что ли? — засмеялся Саня, кивнув генералу. — Мы с ней в одном доме жили.

— Вот вам истина: удивительное всегда рядом, — откликнулся генерал.

— Теперь я за вас окончательно спокоен, Сергеев, — сказал Командир. — Хорошая жена — это полжизни для мужчины, если не вся жизнь. Скажи мне, кто твоя жена, и я скажу, на что ты способен. Надеюсь, скоро будем гулять на свадьбе?

— Месяцев через шесть, товарищ Командир.

— Через шесть месяцев?

— Понимаете, у Наташки бабушка полгода назад умерла. Вот мы и решили...

— Ясно.

— Думаю, через шесть месяцев будет в самый раз, — сказал генерал и как-то странно взглянул на Саню. — У меня к вам разговор, Александр Андреевич. Правда, тут не место и не время — хотел вызвать вас завтра. Да вот радиограмму получил: приказано срочно вылетать... Придется, если не возражаете, поговорить в неофициальной обстановке.

— Слушаю вас, Николай Дмитриевич.

— Вы садитесь, садитесь.

Генерал снова изучающе посмотрел на него — как тогда в классе на разборе полетов, — помолчал. Командир, стараясь не греметь, начал осторожно складывать в коробку шахматные фигуры.

— Что бы вы ответили, Александр Андреевич, — неопределенно сказал генерал, — если бы вам предложили другое место службы? Скажем, неподалеку от Москвы.

Наверное, так принято — начинать подобные разговоры издалека. Наверное, это нужно — солидно, неторопливо вести беседу, заранее зная ответ. Но Саня условий игры не принял.

— Солдат не выбирает место службы, Николай Дмитриевич. Солдат находится там, где этого требуют интересы Отечества.

Генерал улыбнулся.

— И где по-вашему сейчас должен находиться сарший лейтенант Сергеев?

— Здесь. На этом аэродроме.

— Почему?

— Если верить командованию, старший лейтенант Сергеев — перспективный летчик. Новую машину освоил полностью. Опыт боевой подготовки имеет. Случись завтра война, случись — какой-нибудь придурок за океаном нажмет кнопку, — он почти дословно повторил громовскую фразу, — старший лейтенант Сергеев и его товарищи сумеют дать отпор любому агрессору. Поэтому использование своих знаний на данном аэродроме считаю необходимым и целесообразным.

— Ну что же, — сказал генерал. — Это хорошо, что вы так думаете, Александр Андреевич. Но думаете вы неверно. Именно интересы Отечества требуют, чтобы летчик Сергеев находился сейчас в другом месте. Там, где его способности получат более широкое применение. Это будет и справедливо, и по-хозяйски. К тому же, — добродушно добавил он, — вы не учитываете одну деликатную деталь. Ваша невеста — астрофизик. Кем она будет работать в подразделении, где несет службу старший лейтенант Сергеев?

— Да, — растерялся Саня. — Наташа занимается физикой Солнца...

— Вот видите. Физикой Солнца! А вы хотите лишить Наталью Васильевну любимого дела. Ах, Сергеев, Сергеев...

— Что же делать, Николай Дмитриевич. У будущей жены военного летчика выбор невелик. Или—или. Наташа это понимает.

— Сейчас у вас есть возможность этот выбор расширить, — металл послышался в голосе генерала. — Мы получили указание направить в Центр подготовки достойных летчиков. Мне поручено предложить вам, Александр Андреевич, интересную работу, связанную с исследованием космического пространства.

— Космического пространства?!

— Именно так.

Наверное, у старлея доблестных ВВС было очень удивленное и глупое лицо: Командир и генерал улыбнулись. Но Саня ничего со своим лицом поделать не мог. Каких угодно предложений он ждал от генерала Матвеева — перевода в летно-испытательный Центр, приглашения участвовать в Параде, посвященном Дню Воздушного флота страны, но Космос?! Если бы рядом разорвался снаряд или рухнул дом, Саня не удивился бы так, как удивился сейчас. Что он знает о космо-

се? Конечно, внимательно читал все сообщения в газетах о запуске космических кораблей и орбитальных станций, с интересом всматривался в открытые, мужественные лица космонавтов на портретах, следил за их работой на орбите, с удивлением смотрел по телевизору, как звездные долгожители — после многих месяцев борьбы с невесомостью — улыбались землянам усталыми и добрыми улыбками. Но все это было как-то далеко. И первые космонавты из далекого детства, окруженные ореолом романтики, и сегодняшние труженики, его современники, всегда казались Сане людьми из другого, недоступного ему мира. Теперь этот мир нежданно приблизился, неведомым образом стал рядом, начал влиять на его, Санькину, судьбу. Он растерялся. Почему-то вспомнил полет в стратосфере, яркие, мохнатые звезды; вспомнил проблесковый маяк посреди бушующего озера; вспомнил, как мальчишками они играли в Гагарина и старались улыбаться всему миру — тогда даже школьный двор казался им целым миром — ослепительной, неповторимой гагаринской улыбкой. Он вспомнил все это, и ему стало страшно: Гагарин, легендарный Гагарин, позвавший человечество в Космос, звал теперь в звездные дали его, Саньку Сергеева. Словно пришел ему час облачаться в доспехи небесных долгожителей и уходить в неизведанное.

— Что задумались, Александр Андреевич? — спросил генерал. — Я жду ответа.

— Не знаю, Николай Дмитриевич, — он облизнул языком пересохшие губы. — Все так неожиданно. Я и космос... — и сам, удивленный таким сочетанием слов, почувствовал себя ничтожной песчинкой в Необозримом и Бесконечном.

— Понимаю вас, Александр Андреевич. Но, скажите, в принципе вы хотели бы стать космонавтом?

— Да... Наверное... — он говорил тяжело, медленно. — Космонавтика собрала вокруг себя больших людей. Таких, как Сергей Павлович Королев, Юрий Алексеевич Гагарин... Космонавтику делают Личности. Космонавтика раздвигает привычные горизонты, дает людям возможность почувствовать себя Землянами... Дает осознание того, что каждый из нас — часть Вселенной. Но это так огромно, необозримо... Не знаю, смогу ли я... Получится ли... Какой-то старший лейтенант...

— Гагарин тоже был лейтенантом!

— Так ведь то Гагарин, Николай Дмитриевич!

— А вы — Сергеев.

— Да, — сказал Саня, окончательно чувствуя себя маленьким и ничтожным. — Я всего лишь Сергеев.

— И поскольку вы Сергеев и не обладаете гагаринской реакцией на столь перспективные предложения — ответ дадите через час. При положительном решении уже в конце месяца получите вызов.

— Так скоро?

— Обычно бумажные процедуры длятся от четырех месяцев до года. Но тут все упростилось — с вашим личным делом уже ознакомились. Мнение единодушное: старший лейтенант Сергеев космонавтике нужен. Да и при поддержке Группы поиска вы показали себя с хорошей стороны. Ребята — те, которых вы обнаружили, — просили кланяться.

— Спасибо, Николай Дмитриевич. Через час я дам ответ.

— Только...

Генерал не успел договорить — дверь скрипнула, медленно отворилась, и в комнату боком протиснулась сияющая Наташка с большим белым блюдом в руках. На тарелке сочно дымился ароматный, вкусно пахнущий кусок свинины, покрытый тонкой, коричневой корочкой. Мясо было украшено зеленым луком, рядом возвышалась горка румяного, запеченного целиком картофеля. Тонкие, будоражащие запахи подступили, защекотали. Разом забыв о делах и разговорах, мужчины, как зачарованные, уставились в шедевр кулинарного искусства.

— Мясо по-разбойничьи, — сказала Наташка страшным голосом, поставив блюдо в центр стола. — Если мужчин не кормить таким мясом, они начинают смотреть в лес!

И, по-пиратски прищурив один глаз, лихо воткнула в дымящийся кусок свинины, начиненной специями, большой кухонный нож и вилку. Тонкое лезвие ножа качнулось, завибрировало. И все почувствовали, что на столе и вправду дымится мясо по-разбойничьи, заволновались, загремели стульями. Генерал Матвеев с видом страшно голодного, измученного путника первым протянул тарелку, и суровая атаманша величественным жестом отрезала ему шикарный кусок мякоти.

— У-у-у, о-о-о! — застонал он от блаженства и счастья. — Ничего... подобного... никогда... не пробовал! Если бы меня... так кормили... в летной столовой... навсегда остался бы... в этом лесу!.. До конца... дней своих!

— К мясу, граждане разбойники, предлагается белый соус, — атаманша окинула всех грозным взглядом. — Верное средство от ран и телесных недугов!

— У-о-у! Теперь... это еще... вкуснее!

На Санькиных глазах происходили удивительные превращения. Строгий, суровый генерал Матвеев вдруг перевоплотился в обыкновенного добряка, пышущего здоровьем и силой, — наверное, таким он и был в жизни, — стал по-человечески простым и доступным. Щедрая улыбка оживила бесстрастное лицо Командира и он, как ни пытался, не мог ее спрятать. Какая-то неведомая сила стерла различия в должностях и званиях, раскрепостила их всех, столь непохожих и разных, заставила поднять забрала рыцарских шлемов, сделала такими, какими они являлись на самом деле. Саня неожиданно понял: этой неведомой силой была Наташка!

— Наталья Васильевна! — взмолился генерал. — Не томите, откройте секрет. Научите, как готовить столь грозное оружие! Для дела надо. Я Москву таким мясом кормить стану и все проблемы исчезнут. Фонды дадут, штаты увеличат! Откройте тайну, Наталья Васильевна!

— Ах, Николай Дмитриевич, Николай Дмитриевич, — атаманша превратилась в прежнюю веселую Наташку. — Вы уже такой большой, уже генерал, а не понимаете, что всякая раскрытая тайна перестает быть тайной. И теряет свой блеск и очарование.

Командир засмеялся, выстрелив пробкой, открыл шампанское.

— Будем наслаждаться неразгаданной тайной. За именинника!

— Ура! — сказала Наташка, поднимая фужер. — За твой орден, Саня! За то, чтобы ты принял правильное решение!

И, зажмурившись, сделала два крохотных глотка.

— Но знаешь... — Она ласково посмотрела на него. — Какое бы решение ты ни принял, для меня оно всегда будет правильным!

Генерал взглянул на нее с любопытством.

— Наталья Васильевна, о каком решении вы говорите?

Наташка прыснула.

— Как прекрасно, что мужчины так наивны! — сказала она. — В дом к рядовому летчику неожиданно приходят Командир полка и генерал, имеющий персональный самолет; вся компания закрывается в комнате и минут сорок о чем-то шушукается. А глупая девочка Наташка должна думать, будто это в порядке вещей. И что в Н-ском авиационном подразделении генералы каждый вечер навещают лейтенантов и о чем-то шушукаются. Так я должна думать, Николай Дмитриевич?

Казалось, и Командир, и генерал, и Саня упадут со стульев — так хохотали разоблаченные конспираторы.

— На обе лопатки, Наталья Васильевна, на обе лопатки! — рокотал, вытирая выступившие слезы, генерал. — Недооценили мы обстановочку, ох недооценили!

— Каждый вечер генералы с лейтенантами шушукаются, — повторял сквозь смех Командир. — Что делается, что делается? Каждый вечер генералы... Ха-ха-ха...

— А что? — спрашивал у всех Саня. — Неплохая жизнь в Н-ском подразделении, ох неплохая...

Наташа снисходительно смотрела на мужчин, как взрослые смотрят на расшалившихся малышей, ждала.

— Знаете, Николай Дмитриевич, — она стала очень серьезной и отрешенной, — когда я первый раз вас увидела, я все поняла. Не требовалось никаких слов. Я почувствовала: наши судьбы — и ваша, и Санина, и Командира, и моя — очень тесно переплетутся в будущем. Так случается в жизни. А сегодня, как только открылась дверь, я знала: вы пришли за Саней и мной. Не разбираюсь в этом — может быть, новая машина, может быть — новое место службы. Но ваш приход все поставил с ног на голову. Поэтому я и хочу, чтобы Саня не спешил с решением, все хорошо обдумал. Он делает Выбор, понимаете?

— Да, — строго сказал генерал. — Выбор сделать нелегко. Думаю, можно признаться: Александру Андреевичу предлагают новую работу. Неважно какую. Главное — интересную, перспективную. Там, где находится эта работа, есть возможность заниматься астрофизикой. В частности, физикой Солнца.

Наташка начала медленно бледнеть, как-то разом сжалась, сникла, беспомощно стиснула виски ладонями.

— Господи, — тоскливо, жалостливо, совсем по-женски прошептала она. — Господи!.. Это же Космос!

И столько отчаяния и страха было в ее словах, столько беззащитности перед бесконечным звездным миром, что мужчины подтянулись, посуровели. Сане показалось, будто все галактики, какие только существуют, все — до последнего нейтрино — холодные эфирные пространства ворвались в их небольшую комнату и они проваливаются куда-то в черную дыру. И в ту же секунду он принял решение.

— Да, — жестко сказал генерал. — Это — Космос!

Они проваливались в черную дыру, враждебное всему живому пространство сжималось, дыхание останавливалось.

— Ничего хуже предложить не могу! — неожиданно рассвирепел генерал. — Работа для сильных и настоящих! Адская! Каторжная!

Опасная! А вы что думали, Звезды Героев этим ребятам просто так дают? За красивые глазки? Да по мне легче через три смерти пройти, чем полгода вкалывать на станции и не терять формы! И коль вы, Наталья Васильевна, все знаете, хочу услышать: что думаете по этому поводу? Только, пожалуйста,— добавил он мягче,— без этого, без этого.

Наташа подняла на него большие печальные глаза, через силу улыбнулась.

— Я не буду плакать, Николай Дмитриевич. Только напрасно вы хотите знать мое мнение — думать, как вы, как Саня, как Командир, я не могу. Понимаете? Я вижу мир глазами женщины. Ваше опасное ремесло мне неподвластно. Я боюсь высоты, лягушек, перед Космосом испытываю неистребимое чувство страха — почти панический ужас. Но та работа, которую вы предлагаете старшему лейтенанту Сергееву, моему будущему мужу, это работа и для меня. Понимаете, для меня тоже, для нас двоих. Только Сане в ней достаются опасность, риск, напряжение, усталость, а мне — ожидание, бессонные ночи, вечные волнения, слезы. И нельзя унывать. Распускать нюни, как вы, мужчины, говорите. Нельзя превращаться в домработницу или домашнюю хозяйку. Нельзя обабиваться, толстеть, терять женственность. Это, может быть, не легче, а даже труднее, чем управлять космическим кораблем или годами жить на орбитальной станции. Но, понимаете, так устроен мир: ни один самый умный, самый сильный, самый гениальный мужчина не может полностью раскрыться, полностью проявить свои возможности и дарования, если рядом с ним нет настоящей женщины. Это не максимализм, нет. Рядом с Марксом была Женни. С Владимиром Ильичем — Надежда Константиновна. С Пушкиным — несравненная Натали. Петрарку вдохновляла Лаура... Пусть не покажется кощунством, — Наташа говорила горячо, страстно, — но поставьте на место этих прекрасных женщин какую-то мещанку, вроде Лили Ропаевой, какую-нибудь посредственность и — история не досчитается многих имен. Или эти имена будут звучать в другой оркестровке. Понимаете? Женщина, слабая женщина, вдохновляет мужчину, стремящегося в своем изначалии к движению, к борьбе. Женщина возвышает его душу и помогает стать Солдатом и Поэтом, Гражданином и Художником. Но эта же женщина может и убить в мужчине задатки Поэта или Художника. Понимаете? И ваше предложение, Николай Дмитриевич, — закончила она, — это огромная ответственность не только для летчика Сергеева, но и для меня тоже. Огромная! Быть женой истребителя — куда ни шло, но женой космонавта?!.

Словно бесконечно устав от этого монолога, от внутренней борьбы, от напряженной работы мысли, она откинулась на спинку стула и отрешенным взглядом посмотрела на красные гвоздики, стоящие в центре стола. Мужчины сидели серьезные, задумчивые. Саню колотила дрожь, точно будущий покоритель Космоса стоял перед распахнувшейся бездной — за все семнадцать лет дружбы он никогда не видел Наташку такой. Не маленькая беззащитная девочка сидела рядом с ним, а мудрая, взрослая женщина. И, глядя на нее, Саня начинал понемногу осознавать, что никогда, в сущности, не знал Наташки, никогда не подозревал, что своими поступками (засыпала песком глаза хулиганам, украла щенков, отдубасила Федьку Калякина и многими, очень многими другими) она не только защищала их дружбу, но и разжигала в нем огонь веры и надежды, озаряла жизненную дорогу светом.

Саня вспомнил вдруг все мальчишеские беды и несчастья — всё до последнего, — вспомнил военный госпиталь, где решалась его судьба после той неудачной посадки в училище, и какие бы картины ни проявлялись в потревоженной памяти — везде в трудные минуты он видел рядом с собой верную Пятницу. Сейчас она тоже была с ним: отрешенная и задумчивая. Как никогда задумчивая и отрешенная. Но понемногу ее глаза теплели, наполнялись светом, наконец, поправив волосы, она подбадривающе улыбнулась Сане мягкой, нежной улыбкой, и он понял — прочитал ответ в ее глазах: Пятница сделала выбор и их решения совпали. Вдвоем, вместе они взваливали на себя нелегкую ношу, но теперь она не казалась такой тяжелой, как прежде.

— Спасибо вам, Наталья Васильевна, — сказал генерал. — Вы открылись мне с новой, неожиданной стороны, и я благодарен случаю за это. И рад, что у моего товарища по авиационному цеху такая замечательная во всех отношениях, настоящая невеста.

Наташка засмеялась.

— Как здорово! Сколько прекрасных слов я сегодня услышала!

— Мы не мастера на красивые слова, Наталья Васильевна, — сердечно сказал Командир. — Но я от всей души присоединяюсь к Николаю Дмитриевичу.

— Что же, — гордо вскинула носик Наташка. — Осталось подтвердить слова делом. Мясо стынет, граждане разбойники!

И мужчины набросились на прекрасное мясо, которое даже в холодном виде не потеряло своих вкусовых качеств, и с удовольствием подтвердили слова делом. А потом с еще большим удовольствием подняли бокалы за самое яркое и загадочное творение природы — за Женщину — и стоя, как полагается настоящим рыцарям, осушили фужеры с золотистым напитком. Но Время уже подстегивало их, Время звало в дорогу, и генерал, встав из-за стола, крепко обнял и расцеловал молодую пару и, завидуя белой завистью их чистому счастью, приказал пригласить на все свадьбы — на ту, что будет через полгода, и на серебряную, и на золотую, и на платиновую.

— Я ни о чем не спрашиваю, — улыбнулся сказочно помолодевший генерал Матвеев. — Я читаю ответ в ваших глазах. Вызов — через неделю!

Глава 12 ОСЕННИЕ ЗВЕЗДЫ

Генерал Матвеев слово сдержал — вызов пришел. Пришел на восьмой день, когда Саня, с упоением открутив в зоне сложный пилотаж — словно в баньке березовым веничком попарился, — обсуждал с тремя «К» проблемы контакта с внеземными цивилизациями. Механик, устроившись под горячим соплом двигателя, рисовал на листке бумаги непонятные иероглифы и предлагал вести поиск в районе Сириуса — там, по его мнению, возможна разумная жизнь. Он уже приготовился выложить основные аргументы, как спор неожиданным образом оборвался — старлея доблестных ВВС вызвали в штаб. Даже подали на стоянку дежурный автобус, попросту — карету, чтобы летчик не задержался где-нибудь в пути. Такие почести ничего хорошего не предвещали, и Саня на всякий случай приготовился к худшему. Но когда

увидел сердитого начштаба, а на столе выписанные на имя офицера Сергеева проездные документы и командировочное предписание, все понял. Не удержавшись, расцвел в улыбке, растянув рот до ушей.

— Вы, Сергеев, командируетесь в столицу нашей Родины Москву, — не приглашая сесть, буркнул начштаба. — Для чего — сами знаете. Хотя, думаю, не по столицам вам надо ездить, а летать. Летный план, так сказать, выполнять. Но у меня приказ. Вот получите и распишитесь, — он протянул документы.

Саня аккуратно расписался. Начштаба повертел перед глазами его автограф и, видимо оставшись недоволен, совсем набычился.

— Вы, Сергеев, смотрите! Смотрите, говорю! На ответственное дело идете! Это вам не арбузы на самолете возить. Улавливаете мою мысль? Чтоб без этого. Без этого, ясно?! Чтоб наш полк в столице нашей Родины не посрамили! Чтоб не забывали, из какого вы полка, говорю!

— Есть не посрамить честь полка!

— Идите... Постойте! — начштаба грузно вышел из-за стола, краснея, протянул руку. — Желаю успеха! От всего сердца! — и так сжал, будто Саня и вправду собирался возить арбузы на всех боевых самолетах ВВС.

— Спасибо, Василий Степанович!

— Да смотрите, без этого! Без этого, говорю!

— Так точно, без этого!

В тот же день Саня уехал.

Стоял теперь в пустом коридоре скорого поезда, глядел в вагонное окно, чувствуя, как бесстыдно-откровенно счастлив, и счастье его свежо и остро, потому что молод, неисчерпаемо здоров, потому что стучат колеса и впереди ожидает неизвестность, а позади остался аэродром, товарищи, память — связующее звено между прошлым и настоящим. Мимо летели дорожные столбы, полустанки, леса, поля, деревушки, озера, и все казалось старлею доблестных ВВС необыкновенным и сказочным. И разноцветные домики, один краше другого, и стрелочницы с желтыми флажками, и машины, снующие по дорогам, и недвижное небо, и облака — вся русская земля с ее необозримыми просторами, с далеким манящим горизонтом. С детским восторгом он вспомнил доброго начальника штаба, неизвестно зачем напускающего на себя строгий и хмурый вид, вспомнил крепкое рукопожатие и всю безвозвратно растаявшую неделю, отпущенную на отдых — каждый день, каждую минуту вспомнил, — и ушедшее, канувшее в вечность снова вернулось, заволновало. Он увидел густую черную ночь, звездные россыпи, Наташку в меховой куртке, себя рядом, притихший военный городок.

— Видишь, Саня, тот равносторонний треугольник? — показывая в южный сектор неба, требовательно спрашивала Наташка. — Одна вершина треугольника — красная звезда Бетельгейзе, альфа Ориона. Другая — белый Сириус, альфа Большого Пса. Третья вершина — желтоватый Процион, или альфа Малого Пса.

— Нат, а как переводится название Проциона?

— Восходящий раньше Сириуса. Нам с тобой, Саня, Процион очень нужен. Это навигационная звезда.

— По ней можно определить страны света?

— И страны света, и даже курс. Видишь, как сверкает! Одна из ярких звезд неба. По блеску уступает только Сириусу.

— А сколько лететь до Сириуса?

— Лететь? — засмеялась Наташка. — Почти девять световых лет! До Проциона — одиннадцать.

— Одиннадцать лет со скоростью света?! Значит, эти звезды очень большие?

— Еще какие большие! По массе Сириус в три раза больше нашего Солнца, Процион — в полтора раза. Но светят они куда ярче. Сириус в двадцать два раза ярче Солнца, а Процион — в десять раз. Так что, Саня, если бы мы сейчас оказались на Проционе, мы бы даже не увидели наше Солнышко невооруженным глазом — такая это слабая звезда.

— Жалко, — вздохнул Саня. — Я думал, Солнце видно из всех галактик.

— Ты не печалься, — подбодрила Наташка. — Солнце работает надежно. И дает жизнь. Не то что мертвый Сириус или Процион.

— А разве там не может быть жизни?

— Нет, Саня. Ее погубили белые карлики — невидимые спутники Сириуса и Проциона.

— Невидимые? Как же их увидели?

— Их никто не видел — о них догадались. Своим страшным тяготением белые карлики вызывают возмущение главных звезд и выдают себя.

— А почему карлики?

— Понимаешь, Саня, у них уже выгорел водород и ядра атомов упаковались так компактно — просто жуть! Один кубический сантиметр вещества белого карлика весит четыре тысячи килограммов. Представляешь?!

— Ничего себе кубик!

— Даже не поиграешь. Когда-то белые карлики считались сверхплотными звездами. А потом ученые открыли еще более плотные звезды — нейтронные. Только ты меня перебиваешь. Слушай про Процион.

— Мы уже пришли к Громовым, Нат.

— Вот жалко. Ну ничего, я тебе потом расскажу. Ты, Саня, должен знать навигационные звезды.

И Наташка рассказывала про далекие Солнца, попавшие в кабалу к белым карликам, про гигантские трагедии Вселенной, про загадочную частицу нейтрино, из которой, как из яйца, вылупился мир. Старлей доблестных ВВС слушал ее с раскрытым ртом и, как почемучка, засыпал вопросами. Границы недоступного расширились для него в те осенние ночи, когда воздух был особенно свеж и прозрачен, а небо казалось иссиня-черным и бездонным. Яркая, беспричинная улыбка то и дело вспыхивала на его лице, а почему она появлялась — к месту и не к месту — он толком не знал.

— Ты, Санеська, все улыбаешься, и улыбаешься, — сказала Маришка, когда они пили у Громовых чай. — Тебе холошо, да, Санеська?

— Очень хорошо, Мариша! — подтвердил он, удивляясь, что ребенок одним словом открыл истину.

— Здолово! Положи тогда мне еще валенья. Валенье такое вкусное-плевкусное!

— А ты не перемажешься?

— Нет, Санеська. Я аккулатная девоська.

Он с удовольствием ухаживал за Маришкой, потешно шепелявящей от того, что выпали сразу два зуба, за Наташкой, расспрашивал Громова о делах летных (начал тосковать по самолетам), уплетал за обе щеки воздушные безе, приготовленные Верой, и ему нравился этот дом, где сохранили большой стол, за которым можно собираться всей семьей, нравилось пить обжигающе ароматный чай, просто молчать и слушать.

— Значит, ты уезжаешь, Санечка? — спросила Вера, когда они вышли в прихожую.

— Сначала Наташу провожу.

— А вот Никодимушка мой отказался, — засмеялась Вера, ласково обнимая мужа. — Я сначала запечалилась: ненаглядный-то мой все на небо поглядывает и молчит. Не иначе, думаю, лыжи навострил. А он отказался.

— От чего отказался?

— Дело прошлое. — Вера быстро взглянула на мужа. — Тайны никакой нет. Его, Санечка, уговаривали инструктором к космонавтам перейти.

— Инструктором?

— По самолетам. Учить космонавтов летать. Говорят: приказ из Москвы будет. А раз в Москве хлопочут, значит, уважают Никодимушку, значит, твердо все. А он отказался.

— Мать, — рявкнул вечный комэск. — Выключай форсаж!

Он рявкнул не со злостью, а добродушно — так лишь, чтобы женщина не забывала о стоящем рядом мужчине, — но Саня понял: майору Никодиму Громову пришлось много передумать, прежде чем он принял решение и отказался.

— Заманчиво, конечно, не скрою. Только какой из меня инструктор? Я же боевой летчик, Саня! Бо-е-вой! Да и годы не те — тут в полку точку ставить надо. Это у вас, молодых, все впереди, — он весело, по-медвежьи сграбастал Саню и Наташку. — Желаем вам, как в народе говорится, счастья бочку, а через год сына и дочку. Больно замечательная вы пара! Верно говорю, мать?

— Точно, Никодимушка, — зарумянилась Вера. — Иголка с ниткой! На любой фасон жизнь и сошьют вместе, и заштопают!

— Держитесь друг дружки крепче! — сказал Громов. — Всё преодолеете!

Точно выполняя его наказ, они долго в тот вечер считали звезды, держась друг дружки, мечтали о будущем. Нить разговора то и дело рвалась, терялась; забыв о навигационных звездах, Наташка стала интересоваться водоемами, Саня взахлеб расписал маленькое лесное озеро, где рыбы — пруд пруди, загорелся, решил до зорьки идти на рыбалку. Наташка с бурным ликованием предложение приняла. Дома Саня приготовил спиннинг, блесны, разобрал на кухне раскладушку, но долго не мог уснуть.

Потом будто куда-то провалился, а когда открыл глаза, увидел белый свитер крупной вязки с широким воротником, синие затертые джинсы, озорную челку, выбившуюся из-под красной шапочки, смеющиеся глаза. Наташка, стоя в дверях и, как заправский рыболов, орудуя спиннингом, стаскивала с него одеяло.

— Доброе утро, соня, — сказала Наташка. — Я приготовила кофе и бутерброды.

Сон окончательно прошел, он понял, что безнадежно проспал, волчком завертелся по кухне.

— Позавтракаем на берегу озера!

— А костер разведем?

— Если рыбалка будет удачной.

— Кто-то говорил: рыбы там — пруд пруди!

— Сейчас холодно, и рыба ушла на глубину.

— Бессовестный обманщик! Попробуй только не поймать щуку!

— Я поймаю целых три.

— А мне дашь половить? Я тоже хочу вытащить три щуки!

— Ты вытащишь пять.

— Нет, — она приняла соломоново решение. — Мне двух хватит. Женщинам нельзя быть удачливее мужчин. Это вызывает отрицательные эмоции у сильного пола.

— Я не буду сердиться.

— Все равно, хватит двух. Грубое превосходство женщине не к лицу.

Пока они говорили, раскладушка исчезла, наскоро умывшись, старлей доблестных ВВС натянул меховую куртку, бережно накинул вторую на Наташкины плечи.

— Ну, Саня, Кио так не сумеет.

— Школа, — он застегнул молнию. — Ты готова?

— Так точно!

— Слушай мою команду! Дистанция на одного линейного... Левое плечо вперед... Шагом... а-рш!

И, парадно чеканя шаг, первым вышел в коридор, прихватив на ходу приготовленный с вечера рюкзак. Наташка отважным солдатиком бросилась следом, но дистанцию на одного линейного держала только на лестнице. На улице сразу взяла Саню за руку, и до самого леса они шли рядом, держась друг дружки, молча и рядом, точно малыши на прогулке в детском саду, и Саня все время чувствовал маленькую Наташкину ладошку, очень маленькую и очень теплую. Мягким пожатием она благодарила, когда верный рыцарь поддерживал ее, короткими подергиваниями заставляла смотреть на темный лес, звенящий голым осенним шумом, расправив ладошку, забиралась в рукав его куртки, сообщая, что ей хорошо, и этот немой разговор был наполнен таинственным смыслом, понятным лишь им двоим. На узенькой тропинке разговор оборвался — Саня с неохотой отпустил Наташкину руку и шагнул вперед.

И сразу заметил, как черна земля, словно все кругом умерло, а мокрые, слежалые листья грязными комками прилипают к сапогам. Но постепенно облачное, слоистое утро делалось шире, наполнялось светом, небо становилось прозрачнее и легче, будто природа в истоме и неге пробуждалась после долгого сна. Потом небо совсем просветлело, заискрилось нежными полутонами, и за деревьями блеснуло озеро. Не все озеро — лишь тоненькая серебристая полоска, — но дыхание сразу стало неровным, они ускорили шаги, ощущая нарастающее нетерпение, наконец не выдержали, побежали.

— Подожди, Саня, — неожиданно остановилась Наташка. — Не спеши. Это ведь наш последний день. Самый-самый последний. Слышишь? Вода шуршит. С берегом разговаривает. Интересно, о чем они шепчутся?!

И замерла, прислушиваясь.

— Они прощаются до следующей весны, Саня. Как мы с тобой. Берег не может жить без волны — он ей одной постоянно верен, — а волна без берега. Вот она и вышла на песок из озера, и они печалятся перед разлукой.

Саня прислушался. Тихое, монотонное бормотание прибоя распалось на отдельные звуки — он различал какой-то неясный шепот, шуршание воды, набегающей на песок, короткие, чуть слышные всплески, глухие удары: волна дробно простукивала борта большой деревянной шлюпки «Пескарь», сделанной летчиками для рыбалки. Вокруг — насколько хватало глаз — медленно, неторопливо поднимался из тумана запоздалый день. Оживал лес. По зеркальной глади озера бесшумными парусниками скользили-отражались облака. На душе было просторно, чисто и грустно.

— Мы не будем спешить, — сказал он. — Я тихонько соберу спиннинг, а ты приготовишь завтрак.

Все время, пока он прилаживал катушку к удилищу, продевал леску через кольца, привязывал блесну, пока они пили горячий кофе с бутербродами, его не покидало ощущение какой-то неотделенности, неразрывности. Точно он был неотделимой частью плывущего облака, бумажной полоски тумана, склонившегося к воде дерева, — всего земного и сущего. Никогда прежде Саня не испытывал столь странного чувства. Один, без Наташки, приходил к озеру с шумной ватагой таких же здоровых, молодых, сильных летчиков, с удальской бесшабашностью забрасывал спиннинг, ощущая приятную тяжесть в руке, вытаскивал зеленоватых щук и полосатых горбатых окуней, радуясь рыбацкой удаче, варил уху, но никогда — ни единого раза — не заглядывал в глубь себя, не слышал в себе отзвуков птичьих трелей, печального шепота деревьев, не подслушивал разговор волны с берегом. А тут, на берегу, весь мир отражался в нем, как в зеркале, точно какая-то сила затронула неведомые, неизвестные ему самому струны, и они звучали негромко, едва слышно, но отчетливо. Почему так происходит, думал он, откуда идет это ощущение неотделенности, сопричастности? Как приходят эти удивительные звуки?

Он мучительно копался в себе, стараясь понять природу странных превращений, их первопричину, но так ничего и не понял: ни на берегу, ни на рыбалке, ни вечером, когда провожал Наташку. Лишь теперь, спустя несколько дней, в пустом коридоре скорого поезда, несущегося в Москву, тайна открылась во всей полноте и отчетливости. Открытие началось с улыбки. Сначала Саня почувствовал свою беспричинную улыбку, потом заметил, что смотрит в окно совсем не так, как прежде, — взгляд не скользит по местности, по крышам деревенек, а как бы впитывает в себя мир, вбирает его полноту, и хочется, ужасно хочется представить жизнь за окнами мелькающих домов, представить такой, какая она есть — со всеми горестями и радостями. И когда старлей доблестных ВВС поймал себя на этом желании, разрозненные детали прошлого и настоящего сплелись в тугой узел и Саня ясно, отчетливо понял: первопричина его удивительных превращений в Наташке. Все эти дни она учила его видеть. Не смотреть, а видеть. Показывая звезды, шум леса, шепот воды, неповторимость окружающего, Наташка как бы готовила своего товарища к чему-то большому и трудному, что предстояло преодолеть в будущем, создавала настроение,

микроклимат, заряжая Саню впрок энергией положительных эмоций, чтобы он смог до конца пройти жесткий и трудный отбор в отряд космонавтов и не сорваться. Незаметно, исподволь, Наташка готовила его к тяжелому бою. А он, дурак, ничего не видел, не замечал и все понял страшно поздно, когда уже нельзя пожать руки, нельзя сказать даже обыкновенное «спасибо». Но он все-таки понял—это было главное — и, прижавшись лбом к холодному оконному стеклу, стал искать в вечернем небе желтоватую звезду Проциона, альфу Малого Пса. Он искал, кажется, целый час, но ничего не нашел. Посмотрев в расписании, привинченном около купе проводника, время прибытия поезда в Москву, отправился спать.

— А, служивый, — один из соседей по купе, мужчина средних лет с обрюзгшим лицом и в помятом костюме, поднял голову. — Загулял, загулял, братец. Нехорошо компанию оставлять на целый день!

— Я звезду одну искал.

— Звезду? А на кой лях она тебе сдалась? Садись лучше, в подкидного дурака сыграем!

— Спасибо, мне нужно выспаться.

— Дело хозяйское. Мешать не будем.

Быстро разобрав постель, Саня нырнул под одеяло. Приглушенно стучали колеса, вагон мягко покачивало, потом звуки пропали. Бесшумно, одиноко, распластав, как птица, сильные крылья, он парил высоко над землей, чувствуя необыкновенную легкость и счастье. Ни одного звука не раздавалось ни в небе, ни на земле: казалось, он летит в не потревоженном никем и безмолвном пространстве. В полной тишине внизу проплывали изумрудно-зеленые леса, поля спелой пшеницы, надвигалось ослепительной синевой прозрачное — до дна — озеро. В озере резвились рыбки. Саня отчетливо видел стайки окуней с красными плавниками и хвостиками, осторожных плоских подлещиков, быстрых серебристых плотвичек. Слегка накренив тело, он вошел в широкий вираж и, бесшумно опустившись вниз, заскользил над водой, ощущая ее близкую свежесть и теплоту.

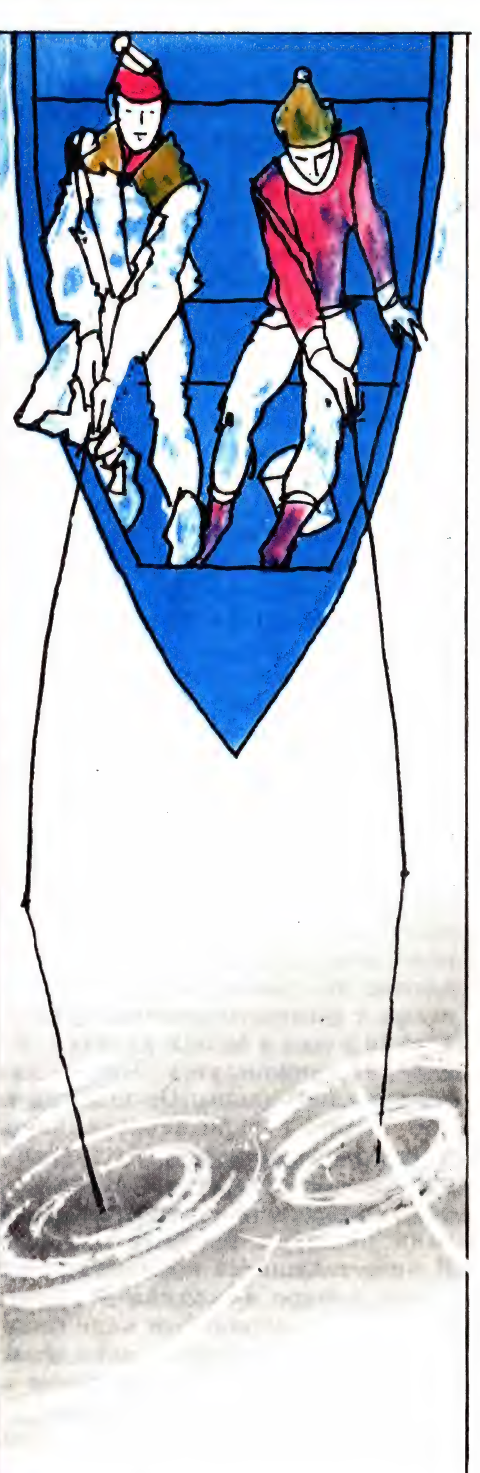
Он летел по направлению к Солнцу.

Огромный огненный шар, словно живое существо, погружался в синее озеро. Тонкая золотая нить тянулась от светила по воде, Саня летел вдоль этой нити, почти касаясь ее крылом, а солнце все больше и больше погружалось в озеро. Когда над горизонтом остался лишь узкий, сверкающий серпик диска, тающий прямо на глазах, как снежинка на теплой ладони, как время в песочных часах, Саня почувствовал вращение вселенной. Галактики, туманности, звездные скопления, черные дыры, он сам — все неслось и вращалось в безмолвии, все уходило и таяло. И золотой луч, едва скрылось вечное солнце, тоже погас и растаял, вспыхнув лимонно-красными отблесками. От воды сразу подуло прохладой и ночной сыростью. Крылья отяжелели. Он взмыл вверх, чтобы в последний раз увидеть кусочек солнечного диска, но тут чей-то далекий голос неясно и тихо позвал его с Земли:

— Ста-а-а-а... лейте-на-ант...

Краски стерлись, беззвучие пропало. Руки-крылья, ноги, тело еще жили легкостью полета, но сон уже прошел. Подчиняясь властной воинской привычке, Саня открыл глаза.

Поезд подходил к Москве.

Глава 13 ОДИНОЧЕСТВО

Генерала Матвеева в столице не оказалось.

— Позвоните через неделю, — вежливо предложил голос в телефонной трубке.

— Николай Дмитриевич в командировке?

— Позвоните через неделю, — так же вежливо и бесстрастно, будто автомат, повторил голос.

Саня расстроился. Втиснувшись в несущийся человеческий поток, спустился в подземелье метрополитена и — точно попал на быстринку бурной реки. Мощное течение подхватило, понесло, швырнуло в дверь вагона электропоезда, прижало к стене. «...торожно, двери закрываются! Следующая станция ...овская» — раздался в динамике женский голос. И старлей доблестных ВВС мужественно доехал до станции ...овская, зажатый горячими телами, как тисками, со всех сторон, вытер на эскалаторе платком взмокшее лицо и сразу понял: гулять по Москве не будет! Не пойдет, как мечтал, на Красную площадь, на улицу Горького, на Калининский проспект, на Пушкинскую площадь, не станет толкаться по шумным улицам и ждать зеленого сигнала светофора на переходах. Все силы — до последней капельки — сохранит для тяжелого испытания и сейчас же, немедленно отправится к месту назначения!

На вокзале, посмотрев расписание движения пригородных поездов, он взял билет и торопливо пошел на платформу — электричка отправлялась через четыре минуты. Выбрав полупустой вагон, устроился у окна. Мимо, точно на экране телевизора, голыми полустанками, зелеными елями, черными водоемами, пустынными полями проплывало Подмосковье. Падал снег — редкий, медленный, пушистый. Большие мохнатые снежинки прилипали к стеклу и таяли, сползая в сторону. Неожиданно кругом потемнело, снег повалил сильно и густо, окно матово запотело, изображение на экране погасло. Саня хотел было протереть стекло, но передумал, — обгоняя время, воображение уже рисовало конечную точку его путешествия: огромное, ультрасовременное здание из стекла, металла и бетона; в просторных, ярко освещенных залах с фантастическими пультами и приборами величественно шествовали люди в белых халатах. В креслах недвижно сидели кандидаты в отряд космонавтов. Что-то наподобие металлических шлемов стискивало их головы. От шлемов тянулись жгуты разноцветных проводов. Мерно гудели электронно-вычислительные машины. На экранах осциллографов стремительными всплесками бились синие и зеленые кривые — эскулапы исследовали мозг, сердце, нервную систему, проверяли реакцию. На огромных — во всю стену — табло то и дело вспыхивали пожаром красные надписи: «Негоден!.. Негоден!.. Негоден!..». И несостоявшиеся космонавты, отстегнув датчики и сняв с груди присоски, понуро выходили в маленькую черную дверь. Едва они исчезали, как в центральном зале бесшумно распахивалась массивная стеклянная перегородка и самодвижущаяся дорожка выбрасывала эскулапам новые жертвы. Могучие санитары, подхватив несчастных под руки, со злорадной усмешкой усаживали в освободившиеся кресла, и стены лаборатории тотчас окрашивались синим, зеленым, кроваво-красным светом. «Негоден!.. Негоден!..» — полыхало на табло.

«Следующая станция...» — зазвенел в динамике голос машиниста, и Саня услышал название своей станции.

Вздрогнув, как от удара, старлей доблестных ВВС взял чемодан, вышел в тамбур. Перед глазами, точно кадры из страшного научно-фантастического фильма, еще стояли кровавые табло, черные ряды кресел, мигающие экраны осциллографов. Саня почувствовал холодную нервную дрожь — ему предстояло пройти через весь этот ад и не сорваться. Что в действительности ждет его? Он не знал этого. Слышал только: отбор в отряд космонавтов проводится настолько жестко, что режутся даже здоровые летчики, успешно аттестованные обычной ВЛК — врачебно-летной комиссией. При тщательном обследовании в их организме находят скрытые, не обнаруженные прежде дефекты и, случается, списывают с летной работы. «Будешь проходить испытания на космонавта, а получишь заключение на пенсию», — шутили бывалые люди.

Вспомнив эту фразу, услужливо вытащенную сознанием из темных закоулков памяти, Саня помрачнел. «А вдруг и у меня есть какие-нибудь дефекты, — подумал он. — А вдруг отлучат от неба, от самолетов, спишут с летной работы? Как жить тогда? Может, пока не поздно, рвануть назад, отказаться?» Первый Сергеев, эмоциональный и впечатлительный, заметался в поисках решения — неизвестность была для него остра и томительна. Но второй Сергеев, решительный и строгий, уже вышел из тени, заставил старлея доблестных ВВС успокоиться, и он ровным, хотя и не совсем уверенным шагом ступил на платформу.

Кругом стоял притихший лес: справа небо подпирали дремучие ели и сосны, слева белой стеной тянулся молоденький березняк. Ничто не нарушало величественной тишины и безмолвия. В березняк — прямо от железнодорожного полотна — уходила прямая асфальтовая дорожка, блестящая и мокрая от талого снега; в хвойный лес вела узенькая, горбистая тропинка. Саня подумал немного и выбрал асфальт. Пройдя немного намеченным курсом, огляделся. Вдоль дорожки, как в парке, стояли веселые разноцветные скамеечки, гнутыми подковами высились на фоне голых деревьев ртутные фонари. Впереди темнел какой-то забор: обыкновенные бетонные столбики, соединенные деревянным штакетником. Ультрасовременного небоскреба, сверкающего стеклом и металлом, не было. За маленькой кирпичной проходной виднелось трехэтажное здание с массивными колоннами. Указатель с синей стрелкой за воротами показывал расположение приемного покоя — в сторону от главного входа.

— Здравствуйте, — сказал Саня в обычном приемном покое обыкновенной пожилой медсестре, в обыкновенном халате и обыкновенной шапочке. — Я старший лейтенант Сергеев. Прибыл для прохождения медицинской комиссии.

— Здравствуйте, старший лейтенант Сергеев, — улыбнулась медсестра, сидящая за обыкновенным канцелярским столом. — Давайте ваши документы.

— Мне подождать? — Саня положил на стойку вызов и командировочное предписание.

— Можете подождать. А можете, если хотите, сразу сдать вещи и получить госпитальное белье.

— Я сразу.

— Тогда пройдите, пожалуйста, по коридору, третья дверь направо. Старшая сестра-хозяйка как раз на месте.

— Спасибо, я — мигом.

— Можете не спешить. Время у вас есть.

— Разве испытания начнутся не сегодня?

— Ох уж эти летчики, — вздохнула медсестра. — Все бы им на реактивных скоростях. Жить спешат на реактивных скоростях, любить, комиссии проходить. А медицина, товарищ старший лейтенант, ваших скоростей не приемлет. Сдадите анализы, пройдете предварительный осмотр, по кабинетам походите, а уж потом, если спешить не будете, может, и до испытаний дойдете. А поспешите, — смешок послышался в ее голосе, — глядишь, и на пенсию проводим. Тут у нас один генерал недавно лежал, большой начальник. Все покрикивал: прошу ускорить, ускорить приказываю. И доускорялся — подчистую списали. Теперь, говорят, цветочки на даче разводит.

Кроваво-красные табло пожарищем вспыхнули у Сани перед глазами.

— Я буду медленно поспешать, — повторил он излюбленную фразу майора Громова.

— Вот и молодец, — сказала медсестра. — Поспешишь — давление подскочит, пульс, тестовые пробы не сумеешь выполнить и — будь здоров, лейтенант Петров.

— Я — Сергеев, — робко поправил Саня.

— Вижу, что не Гагарин.

— А вы... Гагарина... знали?

— Знала, конечно, — вздохнула медсестра. — Как не знать. И Гагарина знала, и Титова, и Николаева... Всех знала...

— А Гагарин... не спешил?

— Он, товарищ Сергеев, улыбался, — женщина подняла голову. — К отоларингологу идет — улыбается. К хирургу — улыбается. На качелях Хилова укачивают — улыбается. На центрифуге ломают — улыбается. Спокойный был, жизнерадостный. Бывало, с прогулки возвращается, спрячет руки за спину, а в руках, знаю, цветы — товарищи по его просьбе привозили, случалось, и сам с клумбы незаметно рвал. Поставит букетик в стакан и улыбается. Ни слова не скажет, только улыбнется, а на душе сразу хорошо становится. Когда Юрий Алексеевич у нас лежал, наш брат — младший медперсонал — все норовил в дневные дежурства попасть. Такой вот человек был — всех понимал, каждому горю сочувствовал. А уж как погиб, так мы год, наверное, ревом обливались. Соберемся где-нибудь, начнем по-бабьи перебирать, кто что помнит, и — в слезы. Одна говорит, Юрий Алексеевич моему сыну дружеское письмо написал, когда парень учиться стал плохо. Другая рассказывает, как в гости неожиданно с женой приехал, когда захворала. Ну а я всё букетики его вспоминаю — подснежники, ландыши, гвоздики. Да что говорить — высокого полета был человек. Настоящий и в большом, и в малом.

— Спасибо, — сказал Саня, чувствуя необыкновенное стеснение в груди. — Большое вам спасибо, извините, не знаю имени-отчества.

— Антонина Максимовна, — вздохнула медсестра. — А спасибо за что ж? Так уж вышло. Память о хорошем до гробовой доски остается.

Представления и реальность не стыковались. Не было стекла и металла, не было кроваво-красных табло и жестоких эскулапов — обыкновенные люди с обыкновенными горестями и радостями встретили военного летчика Александра Сергеева в госпитале, где проходил обследования и испытания легендарный Гагарин. И палата, в которую определили Саню, была тоже самой обыкновенной больничной палатой: четыре койки, четыре тумбочки, графин с водой, четыре стакана, репродукция с картины Шишкина «Утро в сосновом лесу», белые шторы, белый матовый плафон над потолком, белые березы за окном. Посреди комнаты стоял стол, накрытый белой скатертью, за столом, когда Саня вошел, азартно играли в шахматы двое.

Один — белокурый гигант — был молод, непомерно здоров, крепок, как штангист, свеж, румян. Другой уже стар, седовлас; глубокие морщины, словно рвы, рассекали его смуглое лицо.

— А! Свежий человек! — зарокотал, оборачиваясь, белокурый гигант. — Давай знакомиться! — И первым протянул могучую лапу: — Жора. Балтийский флот.

— Георгий Степанович, — представился пожилой, смущенно улыбнувшись. — Бывший летчик. Транспортная авиация. Тут на предмет списания в запас. Язва.

Койка у окна скрипнула, и Саня увидел худенького, спортивного, похожего на подростка юношу.

— Леша, — негромко сказал он. — Лейтенант. Летчик-вертолетчик.

Наступило молчание. Все трое выжидательно смотрели на старлея доблестных ВВС.

— Саня Сергеев, — улыбнулся он. — Тоже лейтенант, только старший. И тоже летчик.

— Отлично! — подвел итог Жора. — Располагайся, Саня, — твоя койка рядом с Лешиной. Только в ритме вальса. Мы тут напрочь отрезаны от мира — ждем свеженьких анекдотов.

— Анекдотов?

— Чего ты удивляешься? По радио ведь анекдоты не рассказывают, — он кивнул на наушники, лежащие в изголовьях кроватей.

— Ну, пожалуйста, — сказал Саня. — Если надо — грузинский анекдот. Приходит один грузин к другому в гости. «Садись, дорогой, — говорит хозяин. — Вино пить будем!» — «Нельзя мне, дорогой, — отвечает гость. — Врач запретил». Хозяин обиделся: «Мне тоже запретил, а я ему триста рублей дал — разрешил!»

Моряк Балтийского флота хохотал так, что колыхались шторы на окнах.

— Еще! Еще расскажи!

Саня на мгновение задумался.

— Идет по лесу охотник. Видит, на высоком дереве, на суку, сидит медведь и ножовкой пилит сук. «Что делаешь? — говорит охотник. — Упадешь! Разобьешься!» — «Медведь умный, медведь знает, медведя нечего учить!» Побродил охотник по лесу, возвращается обратно: медведь валяется под деревом с побитой физиономией. «Ну, что я тебе говорил!» — «У-у, — рычит зверь. — Сук выдержал, дерево сломалось».

— Пилит сук, на котором сидит, сук пилит. — Слезы навернулись

на глаза моряка. — Ты, Саня, наш человек. Принимаем в свою команду. Садись, обыграю тебя в шахматы!

— Я мастер спорта по шахматам, — пошутил Саня.

— Пустяки. К нам в Кронштадт однажды Карпов Толя приезжал. Чемпион мира, не знающий поражений. Так вот, хочешь верь, хочешь нет, я у него выиграл!

— У Карпова?!

— Во, — Жора по-босяцки чиркнул большим пальцем правой руки по зубам. — Век моря не видать!

— Расставляй!

— Готово.

Играл морячок из Кронштадта так себе — часто зевал, ходы не продумывал, комбинации не разрабатывал. Основная тактика сводилась к физическому натиску да к тому, чтобы взять побольше фигур противника. Но жадность губит человека. И моряк на четырнадцатом ходу поплатился за свою пагубную страсть: отдав слона и коня, Саня спокойно поставил белокурому красавцу почти детский мат. Жора скис, опечалился, как ребенок, потребовал реванш. Пришлось проиграть две партии, чтобы к моряку вернулась сила духа.

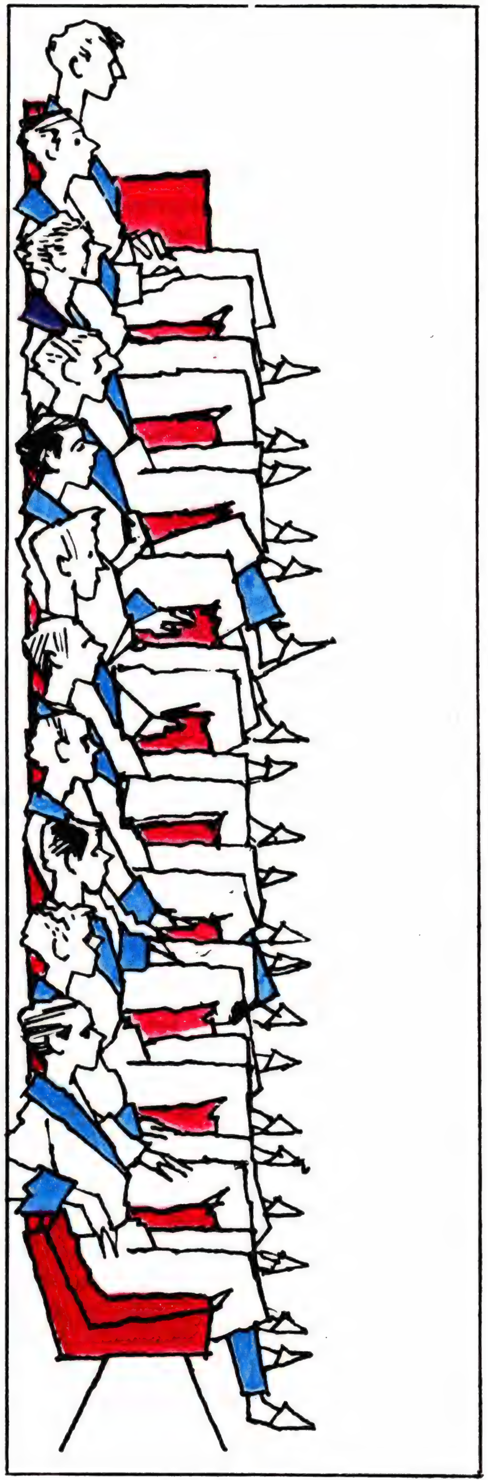
— Я же говорил — случайность! — ликовал он. — И чемпионы, бывает, случайно проигрывают.

Тут, в палате, как Саня скоро понял, моряк Балтфлота был негласным, чисто внешним лидером: Георгий Степанович и Леша, видимо, зная слабость товарища, просто уступили ему лидерство, как взрослые уступают детям в непринципиальных вопросах. Если не считать этой, в общем-то понятной, страсти «к руководству», Жора был неплохим и надежным малым. Как-то вечером, после ужина, Сане смертельно захотелось клюквенного морса, и старлей доблестных ВВС, смеясь, сообщил, что его потянуло на кисленькое. Жора тут же встал и вышел. Через час, пыхтя, как паровоз, протиснулся в дверь, распахнул полу халата, молча выставил на стол запотевшую трехлитровую банку клюквенного морса. Наисвежайшего. Где удалось раздобыть напиток — осталось загадкой: Жора наотрез отказался что-либо объяснять. В другой раз, словно чувствуя, и чувствуя правильно, что Саня затосковал по небу, по самолетам, моряк, краснея и смущаясь, проиграл выигрышную партию в шахматы, что само по себе было равносильно подвигу.

— Спасибо, Жора, — старлей доблестных ВВС оценил благородную жертву. — Сегодня мне требовалась победа.

— Чего там, — прикинулся простачком гигант. — Ты сражался, подобно уссурийскому тигру. Выиграть было невозможно. Вот завтра я тебя обдеру, как липку.

Все в палате шло своим чередом. Утром, пока Георгий Степанович, надев наушники, слушал последние известия, Жора, Леша и Саня, распахнув окно, делали зарядку; умывшись и позавтракав в тесной госпитальной столовой, расходились в неизвестном направлении. Но куда кто шел, Саня не знал, а спрашивать не решался: в солидных учреждениях на слишком любопытных смотрят с неподдельным удивлением, а если даже отвечают, то всегда односложно и непонятно. Снова встречались за обедом, ужином и уже после ужина — в палате. Они жили рядом, но ничего толком не знали друг о друге, не делали попыток узнать. Они были вместе, но в то же время

порознь: их соединяли разговоры на общие темы да игра в шахматы. О космосе никто не говорил. В коридорах им постоянно встречались такие же сильные и здоровые мужчины в коричневых халатах и тапочках, но зачем они в госпитале и много ли здесь сильных и здоровых — оставалось загадкой. Неопределенность, неразгаданность мучали. Все чаще и чаще Саня вспоминал родной аэродром, Наташку, механика, вечного комэска, Командира. Все чаще подходил к окну, подолгу глядел на хмурое небо, из которого сыпал унылый мокрый снег. В душе все переворачивалось, становилось одиноко, тоскливо, хотелось летать. Хотелось пробить эти низкие облака, выйти к солнцу да закрутить что-нибудь такое, чтоб косточки затрещали от перегрузки!

— Летать хочется? — спросил как-то Леша, обняв его за плечи.

— Хочется, Леша!

— Ничего, наверстаем.

— Обязательно наверстаем.

— Может, партию в шахматы?

— Не-т, — засмеялся Саня. — В поддавки я уже играл с Жорой. Под маркой уссурийского зверя. Больше не играю.

Он не имел права расслабляться и унывать. Он должен был улыбаться, как советовала медсестра Антонина Максимовна. И старлей доблестных ВВС улыбался. С улыбкой сдавал анализы, отсчитывая сердцем шаги, часами сидел в лабораториях, где просвечивали, осматривали, прослушивали, простукивали. Это было хуже всякой каторги, и Саня понял, что вынужденное безделье и оторванность от мира страшнее каторги. Но интуиция подсказывала: самое страшное — впереди. Там, в неизвестных пока днях, до которых надо дойти, медики приготовят тесты, аппаратуру, обрушат на организм адские раздражители. Там развернется главное сражение. Настраивая себя на улыбку, на спокойный, ровный сон, думая и вспоминая лишь о хорошем, Саня готовился к предстоящим битвам.

Он уже начал привыкать к размеренному, ничем не нарушаемому ритму госпитальной жизни, как неожиданно на восьмой день размеренность лопнула. Началось с того, что Георгий Степанович объявил: с летной работы списан и после завтрака уезжает. Они молча пожали ветерану руку и отменили зарядку. Слова не требовались. Слова были фальшивы. Потом, после завтрака, дежурная медсестра попросила всех троих пройти в кабинет начальника отделения. Они удивленно переглянулись и, не скрывая волнения, пошли по коридору. Саня вошел первым и обомлел. В кабинете сидели какие-то незнакомые ребята в коричневых халатах, а за столом... генерал Матвеев.

— Садитесь, — приказал генерал. — Раз все в сборе, начнем. Скрывать не стану. Вас, как говорится, было много на челне. Около ста человек. Осталось одиннадцать. Самых сильных, самых здоровых, — он обвел всех долгим взглядом, словно пересчитывая. — Теперь предстоят специальные испытания. Самые тяжелые и сложные. Все предыдущие кандидаты в космонавты проходили эти испытания порознь. Сейчас, по рекомендации психологов, создается единая группа. Жить будете в одной палате, но теперь вам разрешаются прогулки, будут предоставляться увольнительные. Присмотритесь друг к другу, постарайтесь подружиться. Не скрою — это тоже проверка. Коммуникабельности, мобильности, человеческих качеств. За вашим поведением

в естественных условиях будут наблюдать специалисты. Их оценки, выводы учитываются при окончательном решении. У меня всё. Вопросы есть?

Вопросов не оказалось.

— Можете быть свободны! — сказал генерал.

Глава 14 ПОТЕРИ

Их осталось пятеро. Саня, Леша, Жора, Дима, Марс.

Всего пятеро из тех ста, что были на челне, из тех одиннадцати, что отправились в самый опасный путь. Остальные сошли, как сходят с тяжелой дистанции бегуны, и могущественные судьи вычеркнули их из списков соревнующихся — по жестким правилам финишную черту пересекает сильнейший.

Их осталось пятеро.

Не выдержавшие ритма и адского напряжения уходили поодиночке, небрежно махнув на прощанье рукой и насвистывая старые, забытые миром песенки. Они уходили навсегда, не оставляя никому адресов и телефонов. И только один задержался на пороге.

— Ребята! — отчаянно тихо сказал он. — Я чувствую себя ветераном наголову разбитого полка. Но даже если весь полк разбит, кто-то должен остаться. Выстоять! Самый лучший из нас, ребята, самый счастливый!

— Прорвемся, браток! — Моряк Жора согнул руку, и она взбухла буграми мышц. — Прорвемся! Ты мне веришь?

— Желаю вам удачи, ребята!

Он тенью шагнул в проем двери, ничего не насвистывая, не бравируя. Саня видел, как он шел по тротуару, опустив голову и чуть сутулясь, словно придавленный огромной, нескончаемой бедой, и беда его, казалось, так тяжела, как не бывает тяжела ни одна беда.

Старлей доблестных ВВС знал: потерпевший крушение никогда не увидит звезд.

— Жаль, — вздохнул Леша. — Хороший парень. И улыбка замечательная. Как, кстати, его фамилия?

Никто не помнил фамилии потерпевшего крушение.

— Печально, — сказал Леша. — Я тоже не знаю его фамилии. Печально.

— Так мы всего три дня вместе, — виновато откликнулся Жора.— Говорят, он ас по части слепых полетов.

— Подчистую списали?

— В авиации оставили. А в космосе работать не разрешили.

Они уходили, непревзойденные мастера воздушных боев и перехватов, летчики-асы и моряки, талантливые инженеры и конструкторы. И Саня подробно записывал все причины, по которым эти мужественные люди не подходили для работы в дали от нашей голубой планеты, потом бросил — никакая статистика, никакой анализ не открывали закономерности. Один увлекался боксом, и врачи обнаружили какие-то дефекты от многочисленных ударов в голову. Другой просто не выдержал нервного напряжения. Третий в детстве переболел чем-то,

при тщательном обследовании открылись последствия болезни. У четвертого левый глаз видел на одну тысячную хуже правого. Пятый лет десять назад, играя в футбол, рассек коленку о камень, и этого оказалось достаточно, чтобы остаться за бортом. Шестой... На чашу весов ставились все падения, ушибы, стрессы, синяки и шишки, полученные в той прошлой жизни, из которой они пришли в эти стерильно белые коридоры. Всё, абсолютно всё, не имевшее никакого значения в прошлом, нисколько не мешающее жить и работать, вдруг встало на пути к звездам роковым барьером.

— Эх, — стонал у стены молодой парнишка, известный парашютист. — Мало меня батя порол в детстве! Мало!

— При чем тут батя? — не понял Саня.

— Как же. Батя предупреждал: на высотку, где шли бои, не ходи. А я, дурак, начхал на его совет. И наткнулся на ржавую фашистскую проволоку. Весь бок распорол. Теперь вот — негоден!

«Негоден!.. Негоден!.. Негоден!..» — настоящее определялось прошлым. Затихали понемногу смех и шутки, никто больше не рассказывал анекдотов. Белый коридор, еще недавно такой уютно-тесный, казался большим и холодным. Пустовали ряды кресел перед врачебными кабинетами, пронзительно, до тошноты, пахло больницей и лекарствами. С каждым часом, с каждой минутой нарастало, накапливалось нервное напряжение, готовое в любой момент выплеснуться наружу, как неизрасходованный заряд огромной разрушительной силы. Тягучая, словно пыльная, дорога, неизвестность поджидала за каждой дверью. И требовалось все выдержать, выстоять и не сломаться, чтобы вырвать у судьбы право в бесконечных тренировках, занятиях, в абсолютном режиме ограничений начать путь в космос.

Кто из пяти станет этим счастливчиком?

Саня не знал ответа. Иногда, вглядываясь в поредевшие ряды, он и вправду ощущал себя ветераном наголову разбитого полка, и то, что еще не сорвался, казалось лишь следствием точного расчета, тактики и опыта многочисленных врачебно-летных комиссий, накопленного в авиации. Опираясь на него, старлей доблестных ВВС с улыбкой демонстрировал медикам свои глаза, грудную клетку, уши, горло, нос, руки, ноги — все было в порядке. Но до финиша оставалось еще очень много шагов, и любой мог привести в кабинет, где подписывают приговоры. Это могло случиться в середине пути, а могло произойти и в самом конце, когда радость от преодоленного уже кажется победой, а на самом деле бегун падает в нескольких метрах от финишной черты. Все могло произойти. Но как бы там не было, надо сохранять выдержку и спокойствие. «Я спокоен, — говорил он себе, — я читаю «Последний взгляд» Джеймса Олдриджа и абсолютно спокоен».

— Сань, а Сань, — плюхнулся рядом Жора. — Чего они Лешу целый час держат? Еще эскулапы называются! Как считаешь, прорвемся или нет? Имеешь на этот счет собственное мнение?

— Конечно, прорвемся, Жора, — старлей доблестных ВВС оторвался от книги. — Стоит докторам женского пола взглянуть на тебя, и они немедленно выдадут самые лестные заключения!

— Да-а... — Жора белозубо улыбнулся, по-детски влюбленно оглядывая свое тело, небрежно поиграл мощными бицепсами, и тяжелые, литые мускулы взбухли, перекатываясь, у него под кожей. — Это

как пить дать! Прорвемся! Только чего, я тебя спрашиваю, они Лешку час держат?

— Наверное, хотят знать, какая у него селезенка, какой желудок, какие почки.

— А чего тут знать? — помрачнел Жора. — Здоров, так здоров. Болен — иди лечись. Чего бы я сюда лез, если б был дохлятиной? Для космоса нужны сильные ребята. Правильно говорю?

— Правильно, — согласился Саня, потому что для работы в космосе действительно требовались сильные.

И морячок успокоился. Он выплеснул накопившееся раздражение, и ему уже нравился и запах лекарств, и больничный коридор, и то, что их осталось только пятеро. Нравилось быть сильным среди сильных. Он вытянул ноги, по инерции играя бицепсами, закрыл глаза.

— Следующий! — Худенький спортивный Леша осторожно закрыл за собой дверь, тяжело припав к ней спиной.

— Ну?

— Нормально, — уголками губ улыбнулся Леша.

— Рассказывай!

— Потом, ребята, все потом. Там ждут. Следующий!

Саня посмотрел на сильного Жору, но моряк испуганно затряс головой, закатил глаза, в ужасе отвернулся. Он великодушно уступал свое право испытать судьбу, оставляя себе томительное ожидание. И Саня поднялся, открыв дверь, вошел в светлый кабинет с двумя старыми канцелярскими столами, двумя топчанами, двумя странными креслами и многочисленными шкафами с современными электронными приборами.

— Ну-с, молодой человек, проходите, садитесь. — Маленький, подвижный старичок, весь хрустяще-накрахмаленный, в немыслимо большой белой шапочке, съехавшей на правое ухо, показал на стул. — На что жалуетесь?

— На отсутствие солнечной погоды, доктор, — засмеялся Саня.

— Прекрасно, прекрасно, — оживился старичок. — Жизненные функции организма стоят в прямой зависимости с электрическими и электромагнитными пертурбациями во внешнем космическом пространстве. Иными словами, вирулентность организмов есть функция общего воздействия космической среды.

— Вы последователь Чижевского? — Саня вспомнил Наташкины рассказы про Солнце.

— Его ученик, с вашего позволения, — гордо сказал старичок.

— Замечательный ученый. Мне кажется, его работы открыли бесчисленное многообразие связей биосферы Земли с солнечной активностью.

— Именно бесчисленные! — глаза доктора помолодели. — Замечаешь иногда: пшеница заколосилась не в срок, жаворонки поздно прилетели, лето затуманилось. Думаешь, погода виновата. А открываешь Чижевского, видишь, явления эти находятся в прямой зависимости от числа пятен на Солнце.

— А как их сегодняшнее отсутствие, доктор, скажется на нашей встрече? — пряча хитринку, спросил Саня.

— Вот это мы сейчас и узнаем, — старичок юрко вышел из-за стола. — Ну-с, посмотрим ваше сердце.

— Сердце у меня хорошее, доктор, доброе.

— Конечно, голубчик, у вас хорошее, доброе сердце. Так... Дышите... Глубже... Не дышите... Замечательно! И пульс хороший. Вы что, не волнуетесь?

— Самую малость.

— Гм-гм, интересно. Так... Электрод на грудь... Этот — сюда... Теперь — сорок приседаний... Прекрасно, голубчик, ложитесь... Не дышите... Замечательно! Посмотрим теперь вашу кардиограмму... Гм-гм... А что, интересно, покажут новые приборы, которым старички, вроде меня, не доверяют?.. Они показывают, что сегодня утром, молодой человек, вы выпили много кофе. Правильно?

— Приборы не врут, доктор.

— И пили, как я подозреваю, из-за отсутствия солнечной погоды?

— Истинная правда.

— Если принять во внимание данный факт, я думаю, по моему ведомству у вас все в норме... Можете встать. Я напишу вам заключение... Поверьте, мне приятно писать положительное предварительное заключение. Не многие, голубчик, сейчас знают Чижевского.

— Извините, доктор, а почему заключение предварительное?

— Ах, голубчик, — глаза старичка стали печально-влажными. — Окончательные заключения я давал Гагарину, Титову, Николаеву... А сейчас тут, знаете ли, кроме меня есть еще и ЭВМ. Но вы, ради бога, не волнуйтесь. Этот ящик, — он сердито ткнул пальцем в металлический шкаф с кассетами магнитной памяти, — ни разу не подвергал мои заключения сомнению... Да-с... Был рад с вами познакомиться... Теперь пройдите, пожалуйста, к нашей очаровательной Галине Павловне.

Он как-то торопливо, виновато опустил глаза, склонившись над рулоном бумажной ленты с Санькиной кардиограммой, и белая накрахмаленная шапочка окончательно сползла на правое ухо. Саня постоял немного в задумчивости и направился ко второму столику. Сначала он увидел только ярко-каштановые волосы и матово-белый овал лица. Потом жгучая шатенка начала медленно поднимать огромные холодные глаза, словно к ресницам были приклеены пудовые гири, и, подняв, наконец, уперлась прямым, немигающим взглядом куда-то в пространство за Санькиной спиной, будто насквозь просвечивая летчика рентгеном.

— Раздевайтесь! — бесстрастно и сухо приказала шатенка, и глаза тотчас захлопнулись, опустились.

— Но...

Она чуть заметно повела плечом.

— У вас плохой слух?

— Но... здесь... женщина!

Шатенка вздрогнула, удивленно вскинула брови, неторопливо огляделась кругом, точно пытаясь обнаружить постороннего, и, чеканя слова, как монеты, раздельно произнесла:

— Я... не... женщина! Я — врач!

Сане почудилось, будто в этом кабинете подписывают смертные приговоры. Сбрасывая за ширмой одежду, он с грустью подумал о белокуром красавце с Балтийского флота. Судя по всему, нервы у моряка сдали, и встреча с этой холодной мраморной статуей его несомненно доконает. И старлея доблестных ВВС доконает, и остальных, если не найти противоядия.

— Долго вы будете копаться?

— Я готов, доктор, — Саня покорно вышел из-за ширмы и увидел, как шатенка побледнела от негодования.

— Руки вдоль туловища! Так! — И обожгла спину стремительным, холодным прикосновением. — Откуда эти шрамы?

— Вражеская пуля, доктор.

— Оставьте дурацкие шутки! Откуда шрамы?

— Понимаете, у меня был сиамский кот-людоед, — доверительно сообщил Саня. — Однажды ночью он налакался валерьянки и решил мной закусить. Сражение было долгим — мне едва удалось вырваться. Но отметины остались.

— Так откуда все-таки?

— Доктор! — Саня испуганно уставился на ее правое плечо. — Какой кошмар, доктор!

— Что... там? — она оцепенела.

— Только ради бога не двигайтесь!

С изваяния мигом слетела вся спесь, и перед Саней стояла уже не каменная статуя, а очаровательная испуганная женщина, обыкновенная трусиха с огромными глазами. Он помедлил немного и осторожно снял с ее плеча крохотную букашку, невесть откуда взявшуюся, и подробно рассказал про вынужденную посадку в училище, про симпатичного моряка Жору и его панический страх перед эскулапами. Он рассказывал весело, и женщина-врач смеялась, плавными движениями пристегивая к Санькиным рукам и ногам браслеты с электродами, надевая на грудь датчики, щелкая кнопками и тумблерами на пульте управления. Через полчаса она знала о Санькином организме и особенностях нервной системы все.

— По моей узкой специальности у вас все в порядке, — сказала она. — Вы идеально здоровы. Даже завидно. Желаю вам и вашему сиамскому коту удачи. И зовите своего товарища. Если моряк здоров — все будет хорошо.

— Он необыкновенно здоров. Вы это увидите сами.

— Зовите же вашего товарища!

Но белокурому красавцу, видимо, не суждено было дойти до симпатичной шатенки с огромными глазами. Жору «зарезал» хрустяще-накрахмаленный старичок. Он обнаружил в сердце гиганта какие-то легкие шумы — следствие увлечения штангой. Но Жора никак не хотел в это верить и бил себя огромными кулачищами в грудь, в то место, где стучало сердце, и его мощное тело содрогалось и гудело, как прокованный металл.

— Сердце? — кричал в истерике гигант. — Это не сердце — машина! Смотрите, какие нагрузки выдерживает этот агрегат! Смо...о...т...

И вдруг весь обмяк, побледнел, бессильно опустил руки, жадно хватая широко раскрытым ртом воздух.

— Укол этой барышне! Живо! — пришел в движение старичок. — Теперь он сам убедился, что сердце у него никудышное!

Жора лежал на кушетке белый, как лист бумаги, и недвижный. Он лежал минут пятнадцать, потом тяжело встал и, качаясь, пошел к открытой двери, откуда Саня и Леша наблюдали за происходящим. На пороге остановился, припал к косяку.

— Извините, ребята, — сказал чуть слышно. — Прощайте. Провожать не надо.

— Но, Жора...

— Я сам! Прощайте!

Вечером, когда Саня и Леша вернулись в палату, койка моряка была аккуратно заправлена, на столе лежала записка. Всего четыре слова: «Кто останется, пусть напишет!» Только четыре слова, без подписи и даты.

— Кто бы мог подумать! — вздохнул Саня. — Приедут Дима и Марс — не поверят.

— Завтра — «гонка за лидером», — Леша устало смотрел в окно. — Надо собраться. Может, пойдем погуляем?

— Давай подождем Диму и Марса и пойдем гулять вместе.

— Обязательно подождем.

Они не стали зажигать свет, хотя в палате уже сделалось сумеречно, легли, не раздеваясь, на свои койки и долго молчали. Тело у старлея доблестных ВВС ныло, как после вечного боя, когда одна атака отбита, но скоро начнется другая; он уже чувствовал ее приближение и старался понять, что произошло в первой схватке, что изменилось в мире, в нем самом. У него было такое ощущение, будто он уже не тот бесшабашный Санька Сергеев, каким был недавно, даже не тот, который понял и впитал суровые истины майора Никодима Громова, не тот, который вышел победителем из жаркой схватки с ураганом, а совсем другой. Что-то снова обновлялось в нем, обновлялось тяжело и трудно: он хотел высшей доброты и ясности, был готов любить и жертвовать, не требуя отдачи, с нетерпением ждал своих новых товарищей, Диму и Марса, волновался и переживал за них — ребята проходили испытания на центрифуге, долгие перегрузки, точно гвоздями, вбивали их в кресла, и Саня знал, как нелегко приходится кандидатам в космонавты.

— Леша, — он первым нарушил молчание. — В нашем положении не принято задавать вопросы. Но расскажи, если можно, о себе.

— Я понимаю.

Общая цель, тяжелые испытания — всё, чем они жили в затерянном среди леса госпитале, связало их крепкими узами мужского братства, и можно было наплевать на условности, потому что граница, за которой все условности кончаются, уже пройдена. Они не имели права оставаться больше безымянными. И Леша, видимо, понимал это. Он рассказывал медленно, в основном про Север, где ему до невероятности везло и где все три года был сказочно удачлив — и тогда, когда мутная пелена задергивала шторкой фонарь вертолета, а он шел «вслепую» на аэродром; и когда взлетал при шквальном ветре с палубы крохотной шхуны; и когда спасал рыбаков. Раз пять, наверное, Леша мог не дотянуть, мог шлепнуться в холодное море, но всегда что-нибудь выручало.

В тот последний раз, незадолго до вызова на комиссию, он попал в какой-то циклон, началось обледенение лопастей винта, груда металла, завывая, камнем сыпанулась вниз. Впереди, метрах в шестистах, пилот заметил льдину. Белый островок едва поднимался над водой — на него исправную машину сажать замучаешься, а про неуправляемый вертолет и думать нечего. Но льдина была одна-единственная. Она упрямо качалась среди волн, и, когда Леша взглянул на нее еще раз, стекляшка ему даже понравилась. Тряхнув машину, летчик заложил невероятный пируэт, скользнул вдоль линии гори-

зонта на режиме авторотации, когда лопасти работают лишь под напором воздушного потока, ткнулся шасси в край мягкого, изъеденного водой льда. Он сделал все, что мог. Вертолет закачался, словно эквилибрист, балансирующий на краю пропасти, но удержался.

Льдина оказалась длиной в двадцать девять шагов.

— На чем сидишь? — спросили с материка, когда Леше удалось через какое-то судно выйти на связь.

— Поле тут. Одиннадцатиметровый пробивать можно.

— Пару часов продержишься?

— Уже держусь.

Его сняли только через семь часов и восемнадцать минут. Вернувшись в свою холостяцкую комнату, он завел проигрыватель, слушал музыку, смотрел в окно на бескрайние сопки, на редкие зеленые проталины между ними и ни о чем не думал. Утром его ждала новая машина, утром он должен поднять ее в воздух, и было бы непозволительной роскошью предаваться перед полетом эмоциям. Единственное, что он себе позволил — это педантичный разбор особого случая, профессиональный и математически точный анализ своих действий, и этот анализ пилота удовлетворил. Он сделал все, что полагалось делать в аварийных ситуациях военным летчикам, несущим службу на Севере.

— Помните у Суворова: «Везенье, везенье, а где же уменье?», — сказал утром на разборе полетов Командир. — Так вот, хочу отметить: наш «везучий» товарищ показал умение высокого профессионального класса, сумел предотвратить чэпэ.

Несомненно, Командир был прав. Но Леша героем дня себя не чувствовал: когда долго живешь и работаешь на Севере, и людей, и их поступки, и самого себя меряешь какой-то особой меркой. То, что на Большой земле кажется из ряда вон выходящим, героическим, невозможным, тут воспринимается иначе: в суровых условиях диапазон человеческих возможностей становится шире и люди полнее раскрывают себя. Потом, расставшись с белой пустыней, почему-то с трудом приспосабливаются к нормальному ритму жизни, к работе без опасности и риска, к ласковому солнцу, к теплому, не пронизывающему насквозь ветерку. Просто какое-то время привыкают к обычным условиям, как космонавты после земной тяжести и перегрузок привыкают к невесомости.

У Леши периода «адаптации» не было. Он начал свой путь в Звездный городок, перешагнув через северную болезнь. И тут ему снова как бы повезло: перегрузки сурового края еще жили в нем, и госпитальные на их фоне почти не ощущались. Даже нравились, ибо, как Саня понял, это было обычное Лешкино состояние — жить с перегрузками, работать на перегрузках, мечтать о перегрузках. Тут лейтенант, видимо, чувствовал себя, как рыба в воде.

— Понимаешь, — старался объяснить он, — когда давит, когда возможности на пределе, чувствуешь себя как бы крепче. В постоянной форме, что ли.

Он замолчал, положив руки под голову, и долго смотрел в окно, за которым раскинулось бескрайнее небо. Бледными светлячками там горели звезды, к которым будущие пахари вселенной мечтали проложить первые борозды. Время — этот информационно-энергетический фактор обеспечения бытия — проходило через них, и где-то на его

волнах уже проецировалось их будущее. Но они ничего, совсем ничегошеньки не знали о том, что ждет впереди. Они ждали товарищей из своего изрядно поредевшего полка. Дима и Марс пришли. Ввалились в палату и тоже, не зажигая свет, упали на койки.

— Сколько? — пружинисто поднялся Леша.

— Десять «же», — не отрывая головы от подушки, прохрипел Марс. — Избиение младенцев железобетонными плитами без прелюдии.

— Это немного, если вдуматься.

— Как же, — словно бредя, продолжал Марс. — У меня, вроде, все было. И с пятого этажа без страховки прыгал... И в горящем автомобиле под откос летел... А такого, извините, не испытывал.

— Гагарину и всем первым было тяжелее. Особенно на посадке.

— Непостижимо! И они еще дарили миру ослепительные улыбки! Теперь я, кажется, начинаю кое-что понимать.

— А как ты, Дима? — спросил Саня.

— Плохо, ребята. Совсем расклеился.

— Сейчас заварим крепкий чай — я знакомую медсестру попросил купить для нашей палаты чаю и кипятильник, — поднялся Саня. — Потом — полчаса свежего воздуха. Завтра тяжелый день.

— Чай — это хорошо, — оживился Марс. — А где, кстати, сто килограммов мужской красоты? Где наш белокурый красавец? Уже гуляет?

— Жора уехал. — Саня застыл с кипятильником. — Оставил записку.

— Жаль, — вздохнул Дима. — Он хорошо делает оживляющий массаж.

— Жора уехал совсем.

Две койки одновременно заскрипели, два тела одновременно перевернулись на спину, два усталых взгляда уперлись в старлея доблестных ВВС, два немых вопроса застыли в глазах.

— Как это — совсем? — словно сбрасывая оцепенение, тряхнул головой Дима. — Совсем? Навсегда?

— У него оказалось слабое сердце.

— Бросьте эти шутки, — разозлился Марс. — Не смешно.

— Вот записка.

Они сели на одну койку и уставились в белый клочок бумаги. Они читали медленно, хотя в записке было всего четыре слова, и, дочитав, начинали читать снова, но ничего не могли понять — к человеку, живущему рядом, привыкают, и, когда он исчезает, еще долго кажется, будто товарищ куда-то вышел и скоро вернется. Напрасное ожидание: время заметает следы уходящих.

— Садитесь пить чай, ребята, — сказал Саня.

Глава 15 СЕДЬМАЯ ПРОВЕРКА

Но уходит ночь, и от света ее звезд зарождается утро.

Это утро звенело капелью, и небо без единого облачка казалось огромным, отсиненным холстом. Точно апельсин, лежало на кронах деревьев вечное Солнце, и под его щедрыми лучами, просыпаясь от

дремы, истомно парилась земля. По краям тропинок таял снег — серый, слежалый, с темными дырочками, как у голландского сыра. Из-под снега, журча и плескаясь, выбегали звонкоголосые ручейки, отчаянно сталкивались друг с другом, искрились и разбегались в разные стороны, подхватывая по пути жухлую траву, веточки, прелые листья. Было легко, спокойно и хорошо. Так хорошо, как это обычно бывает после долгой зимы, когда короткие, унылые дни уходят вместе с клочьями тумана и черно-белый мир, преображаясь, наполняется музыкой красок, щебетом птиц, шумом вешних вод. Даже не верилось, что на дворе стоит поздняя осень, — так сказочно все изменилось вокруг.

— Граждане-товарищи, будущие космонавты! — дурачился и прыгал на одной ноге Марс. — Откройте ваши глаза и уши! Дышите, если можете! Прыгайте через лужи, если умеете! Смотрите, если видите! Через полчаса светила отечественной эскулапии сделают из вас котлетки с соусом ам-ам. И вы никогда не узнаете, что глубокой осенью, как в сказке «Двенадцать месяцев», бывает весна!

— Послушай, Марс, — спросил, улыбаясь, Саня. — А почему тебе дали такое странное имя?

— И нарекли его предки, посоветовавшись, страшным именем бога войны в угрозу агрессорам, — запричитал Марс. — Дабы, убоявшись, ни один агрессор не посмел более переходить священных рубежей Отечества нашего! Но отпрыск не оправдал надежд. Не стал суровым полководцем, а сделался вегетарианцем.

— Ты фокусник, Марс? — продолжал допытываться Саня.

— Кем только не был несчастный Марсик! И фокусником, и санитаром в морге, и каскадером. Но выяснилось — фокусников и каскадеров в космос не берут. И Марсик посвятил себя великой и могущественной физике элементарных частиц. Он сделался знаменитостью, и его пригласили в этот госпиталь на истязания. Но Марсику истязания надоели! Он просит слабонервных удалиться! Смертельный трюк!

Высокий, тонкий, в коричневом госпитальном халате и красивых мужских полусапожках — они получали обувь на время прогулок или при переходах из одной лаборатории в другую, — Марс неожиданно взвился в высоком прыжке, и размытая ручейками тропинка, по которой они шли через светлый сосновый бор, понеслась ему навстречу. Марс промчался по ней метров десять и, не снижая скорости — лишь быстрее работая ногами, — взбежал вверх по стволу вековой сосны. Ребята ахнули. Тело каскадера было абсолютно параллельно земле, и он поднялся метра на три. Застыл в мертвой точке, по-кошачьи оттолкнулся, крутанул заднее сальто, встав точно на тропинку, небрежно поправил длинные черные волосы и невозмутимо зашагал дальше.

— Артист! — выдохнул Дима. — У меня даже мурашки по спине поползли. Думал — сорвется.

Марс остановился, обернулся — печальный и строгий, — отвесил грациозный поклон:

Я вас люблю, — хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!

И засмеялся по-мальчишески звонко.

— Отрывок из стихотворения «Признание» А. С. Пушкина прочитал физик-лирик Марс Неизвестный.

Им было хорошо в то утро. И сначала, и потом, когда они подошли к большому белому зданию с массивными колоннами и Саня по традиции, заведенной моряком Балтийского флота, предложил разыграть на пальцах очередь на испытания. Первым выпало идти к эскулапам Леше, вторым оказался Саня, третьим — Дима, Марс — последним.

— Если хочешь, Марсик, — предложил Саня, — можем с тобой поменяться. Иди вторым.

— Нет, — ответил он почему-то с легкой грустью. — Чему быть, того не миновать.

И отвернулся.

Никто не отметил тогда этой детали — она всплыла в памяти потом. Потом, с опозданием в несколько часов, Саня вспомнил наказы пожилой медсестры Антонины Максимовны, вспомнил излишнюю веселость и грусть Марса. А тогда они подурачились еще немного, послушали журчание ручейков, дружно направились к тяжелым, под дуб, дверям парадного входа. Одновременно предъявив свои временные пропуска, пошли по коридору к лаборатории номер семнадцать. Они шли тесно, плечом к плечу, как идут на штурм поредевшие роты или то, что от них осталось, и реальный мир с его светом, гомоном, красками, восходами и закатами начал понемногу блекнуть и растворяться в прошлом. Они слышали только звук собственных шагов, думали только о настоящем. И ничего, кроме настоящего, не помнили.

— Помолчим немного, — сказал Саня, останавливаясь. — Ну, Леша, удачи тебе!

— К черту, к черту! — Он быстро обнял всех троих и открыл дверь.

Минут десять ничего не было слышно, потом за дверью завыли электромоторы и вентиляторы. Они выли не однотонно, как воют моторы, работая на постоянных оборотах, а все время меняя окраску звука. То бархатисто шумели, почти затихая, то пронзительно взвизгивали, набирая скорость, то останавливались совсем.

— Нервничает Леша, — сказал Саня. — Рвет ручку.

Он напряженно вслушивался, стараясь не пропустить ни одной ноты из этой хорошо знакомой и понятной каждому летчику мелодии; по ее ритму, тембру, окраске, насыщенности посторонними звуками Саня зримо представлял картину происходящего за дверью, словно видел все своими глазами.

— Сань, — окликнул его Дима, для которого звуки за дверью ничего не значили. — Что на этом тренажере самое главное?

— Спокойствие и собранность, — улыбнулся старлей доблестных ВВС. — Работа тут не трудная, если в нее полностью уйти. Но стоит расслабиться — сразу начнешь отвлекаться. Причем, как я подозреваю, эскулапы сделают все, чтобы отвлечь. Но ты плюй на них с высокой колокольни, будто их не существует, и делай свое дело.

— А как они будут отвлекать?

— Как в старых сказках — методика та же. Помнишь, ведьмы, лешие, падающие деревья, болотные кикиморы — целый набор раздражителей обрушивался на доброго молодца, чтобы запугать и сбить с пути истинного. А он шел себе своим путем, ни на что не обращая внимания. И осилил дорогу!

— Я немного волнуюсь.

— Ты кто по профессии, Дима?

— Инженер, разработчик.

— Разработчик чего?

— Космических аппаратов.

— Дмитрий! — пришел в негодование Саня. — Ты проектируешь космические корабли, сам собираешься их испытывать, и вдруг перед тремя белыми халатами пасуешь! Ты ведь прошел предыдущие испытания, пройдешь и это!

— Дима, — подвинулся ближе на пару стульев Марс. — А какие корабли ты разрабатываешь?

— Ну, корабли это слишком громко, — Дима окончательно смутился. — Я занимаюсь СЖО на орбитальных станциях. Системой жизнеобеспечения. И то не всей, а отдельными узлами.

— Дим, при спуске корабль ведь горит в атмосфере. Как удается сохранить постоянную температуру в кабине спускаемого аппарата? — спросил Саня. — За бортом же тысячеградусное пламя.

— Тут используется оригинальная идея. — Инженер оживился, достал из кармана халата карандаш и листок бумаги. — Смотрите...

Очередное удивительное превращение происходило на их глазах. Дима — невысокий, светловолосый, коренастый, спокойный, всегда скромный Дима, от которого за день не услышишь и трех слов, — заговорил. Он говорил так, будто речь шла не о болтах и гайках, а о нетленных произведениях искусства, которым суждено остаться в веках и эпохах. Перед ними стоял совершенно другой человек. Властно взяв Саню за руку, он приказал ему сесть на стул. Саня покорно сел. Обычный госпитальный стул тотчас превратился в кресло космонавта, старлей доблестных ВВС — в пилота космического корабля, белый коридор — во враждебную всему живому «эфирную» среду, Марс — в аудиторию студентов-первокурсников, которым приходится объяснять простые и понятные вещи.

— Как видите, — торжественно подвел итог Дима, — СЖО, применяемая на долговременных орбитальных научных станциях, позволяет обеспечить комфорт и работоспособность сменяемым экипажам на достаточно длительное время. Можете встать, — он повернулся к Сане. — Вы мне больше не нужны.

Лекция закончилась. Но еще какое-то время Саня сидел с раскрытым ртом и не мог вымолвить ни слова. В его сознании по-прежнему звучали названия клапанов, насосов, жидкостей и газов, элементов пассивной тепловой защиты, питания, водоснабжения — всего того, что составляло самую прекрасную, самую удивительную систему космического корабля — систему, дающую жизнь. Это напоминало гипноз. Он не помнил и сотой части тех терминов, которыми сыпал Дима, но казалось, будто помнит всё. Он добровольно сдался в плен чарующей магии слова и человеческого обаяния, которое неожиданно проснулось в его скромном товарище, когда Дима заговорил о том, что любит. И его любовь оживила мертвые слова.

— Дмитрий! — пришел наконец в себя старлей доблестных ВВС. — Ты же гигант в своем деле! Зачем тебе менять профессию?

— Без космоса мне нельзя, — тихо ответил Дима. — Когда пойдут марсианские корабли, на одной телеметрии не протянешь. Тут надо знать логику работы каждого винтика в конкретных условиях косми-

ческого вакуума, невесомости, радиации. Отказ одного винтика, случается, приводит к непоправимым последствиям.

— Понимаю, — сказал Саня. — Значит, марсианская программа уже отрабатывается?

— Отработана! — послышалось позади.

Они обернулись. Леша, раскрасневшийся, как после парилки, стоял у двери и улыбался. Расстегнутый халат был мокрым от пота — под мышками и на спине.

— Ну как?

— Порядок! Но работа не для слабонервных. Эскулапы там такое приготовили — во сне приснится, будешь вздрагивать. Но ты не слушай, — подмигнул он Сане. — Иди. Ты — очередная жертва!

Саня молча обнял товарищей и шагнул к двери. На пороге, словно от толчка, помедлил немного, обернулся. Марс смотрел ему вслед, и глаза у физика-лирика были тоскливо печальны — глаза человека, который знает, что не дойдет до финиша. Но Саня снова, уже во второй раз, ничего не понял: мир психофизиологической лаборатории, в которую он вступал, встал силовым полем между ним и его товарищами. И летчик не повернул назад.

— Это ваше первое рабочее место. — Седовласый врач показал на странное сооружение, напоминающее кабину современного реактивного самолета. — Забирайтесь!

Он не спеша поднялся по лесенке, перебросил ноги внутрь кабины, уселся в кресло — жесткое и неудобное, без парашюта, который обычно надеваешь перед полетом. Слева, на панели, лежал браслет с электродами, и Саня пристегнул его к левой руке. Немного погодя надел сетчатый шлем с датчиками и чуть-чуть — кончиками пальцев — потрогал ручку управления. Она работала мягко, без люфтов, и педали тоже работали хорошо. Он представил себя в кабине настоящего самолета и совершенно успокоился. Первое задание показалось пустяковым — требовалось как бы пролететь на истребителе вдоль извилистой дороги, точно повторяя ее рисунок. «Дорога» была нарисована на белой доске, стоящей перед тренажером, и хорошо просматривалась в электронный прицел. На выполнение задания отводилось пятьдесят восемь секунд. Ни секундой больше. Почему именно пятьдесят восемь, а не шестьдесят две или двадцать четыре, Саня не понял: видимо, по этому времени и количеству ошибок определялась реакция будущего космонавта, тип его нервной системы.

— В полете вас будет трясти и бить электрическим током! — предупредил седовласый врач, когда Саня пристегнул привязные ремни.

— Ослепит прожектором! — раздался второй голос откуда-то из глубины лаборатории.

— На приборной доске будут зажигаться разноцветные лампочки. Их нужно немедленно выключать, не прекращая полета! — добавил третий.

— За вашей мимикой и координацией движений, помимо приборов, будет наблюдать психолог. Электронные устройства зафиксируют быстроту реакции и количество ошибок. Обо всем этом нужно знать, чтобы не случилось неожиданностей, — подвел черту седовласый. — Хотя некоторые неожиданности будут. Но вам придется распознать их самостоятельно!

Старлей доблестных ВВС почувствовал внутренний протест: уже сама психологическая обработка перед испытанием требовала нервов. «Ладно, — с ожесточением подумал он, — бейте, изучайте, ослепляйте! У меня хорошая реакция, и я умею работать ручкой управления и педалями, умею работать этими железками и делать еще многое другое, что не входит в вашу программу. Просто придется немного попотеть, вот и все. Но вы никогда не узнаете, о чем я думал».

— Приготовились! — щелкнуло в наушниках. — Взлет!

Взревели, взвыли на высокой ноте электромоторы. Кабину тряхнуло, и она задрожала, как на вибростенде. На мгновение Саня оцепенел — не ожидал от белых халатов такого могучего натиска. Но тотчас, плавно взяв ручку на себя и работая педалями, вывел свой недвижный истребитель на «дорогу». Она змеилась в перекрестье прицела, и хронометр отсчитывал первые секунды эксперимента. Сколько их впереди, этих секунд? Время будто сжалось, закостенело, застыв мгновением старта, и лишь бешеная пляска разноцветных огней на приборной доске напоминала о его вечной направленности из настоящего в будущее. Но Саня стремительно, не прекращая полета, выключал гирлянды, и, когда они гасли, ему казалось, будто их меркнущий свет уносит с собой само время.

— Внимание! — холодно щелкнуло в наушниках. — Включаем помехи!

И тотчас наушники взорвались воем, стонами, визгом, металлическим скрежетом — медики решили сбить его с толку, усыпить бдительность. Но Саня хорошо помнил свое задание. Он летел со скоростью девятьсот пятьдесят километров в час вдоль извилистой дороги, и ему нравилось лететь вдоль этой дороги. Он утюжил ее из начала в конец и обратно, представляя себя в реальном полете, и тогда дорога казалась ему настоящей. Как всякая настоящая дорога, проложенная человеком, она начиналась от жилья — быть может, от одинокого домика, — и, петляя, вела к другому жилью и дальше, соединяя людей своей путаной линией. И люди ходили по дороге друг к другу в гости, и она никогда не зарастала — разве лишь тогда, когда по ней переставали ходить.

Он многое знал о своей дороге и летел спокойно, не обращая внимания на стоны и завывания в наушниках. Но вдруг — что это? — откуда-то из небытия послышался едва различимый отрывок фразы: «...од ...ения?» Саня вздрогнул — эскулапы все-таки перехитрили его. У них были десятки приборов, бесстрастно регистрирующих состояние человеческого организма, и они его перехитрили.

— Год рождения — пятьдесят пятый! — он быстро нажал кнопку переговорного устройства.

— Месяц? — пробился сквозь треск и шорох далекий голос.

— Апрель, четырнадцатое.

— Что вы ...аете про де...янных ...оней?

— Деревянные кони — кони моего детства. Еще — название повести Федора Абрамова.

— ...ажите ...селый а...дот!

— Вот самый веселый и наиболее подходящий для данной ситуации анекдот. Один эскулап просит другого: «Пойдем потанцуем, коллега!» — «Как же мы потанцуем, дружище, если я тебе вчера по ошибке ноги выше колен отрезал?!»

— Замогильный юмор,—сухо и четко щелкнуло в наушниках. — Будьте внимательны! Задание номер пять! Включаем светолидер!

Началось! Белая светящаяся точка вспыхнула у обочины уже объезженной дороги, дрогнула, повторяя все неровности и изгибы, устремилась вправо. Она не ползла, эта точка, она мчалась на космической скорости: отставать от нее не разрешалось. Отчаянно работая рычагами, Саня зажал световой лидер в перекрестье прицела и удерживал все время, пока продолжались испытания. Он вел самолет, как говорят специалисты, в принудительном темпе — надо было точно, как в жизни, пройти по своей дороге, не отклоняясь в сторону и не сворачивая на параллельные тропинки. И как в жизни — снопами молний бил в глаза ослепительный свет — так, что Саня терял иногда световой лидер из виду; короткие удары электрического тока покалывали запястье; орали, разрываясь от воплей и скрежета, наушники; мокрый халат прилип к спине.

— Умножьте двенадцать на восемнадцать! — визг неожиданно оборвался и приказ — артиллерийской канонадой — прозвучал в полной тишине, от которой можно было оглохнуть.

— М... Двести шестнадцать!

— Разделите эту сумму на восемь!

— ...Двадцать семь!

Команды розгами хлестали по нервам. Счет времени был порван — Саня не знал, сколько продолжается это истязание. Час? Два? Вечность? Усталость — до полного изнеможения — обволакивала тело, мурлыча свои гнусные песенки. Брось все, убаюкивала усталость, упади на холодную землю и отдыхай. В этом счастье. Ну, нет, дудки! Он не имеет права расслабляться! Дважды два не всегда четыре. Ему отрезали ноги, но он умеет танцевать на голове!

— Повторите задание номер один, но в максимально длительное время!

— А какое время максимально длительное?

— То, которое вам кажется максимальным.

Эскулапы снова ловили его — Саня почувствовал засаду и предка с пращой, затаившегося в кустах. Он стал предельно осторожным, стараясь понять, где подстерегает опасность. Где? Быть может, во времени, в самом горниле его? Ну конечно, во времени! Он несется на своем истребителе сквозь воображаемое пространство, стремительно, точно горючее, пожирая реальное время, а его, перцептуальное, ощущаемое им время, замедляется, спрессовывается. Как в интересной беседе или в любимой работе минуты кажутся секундами, часы—минутами. Но что из этого следует? А то, что он как бы по инерции продолжает гонку за световым лидером, продолжает лететь в принудительном темпе, обгоняя реальное время, а от него ждут совсем другого — полного расслабления. Ждут, чтобы он нажал на все тормоза и тянул резину, чтобы жил не по собственным, а по реальным часам! Когда Саня это понял — и подсознанием, и оголенными нервами, — сектор газа пополз назад, электромоторы басовито зарокотали на самых малых оборотах и трясущийся истребитель превратился в гарцующего на одном месте коня. Старлей доблестных ВВС обошел засаду! Удерживая ручкой управления и педалями заваливающуюся кабину — трудно вести машину, потерявшую устойчивость, — он летел с черепашьей скоростью вдоль своей дороги. Самой прекрасной, самой трудной, самой

необыкновенной на свете дороги, держась всех ее изгибов, как держатся стрелки компаса.

— Испытания закончены! — будто издалека, из другого мира, послышалось в наушниках. — Отдыхайте.

Он выключил двигатель, стянул шлем, отстегнул мокрый от пота браслет с электродами, снял с педалей ноги и почувствовал, что в лаборатории не хватает воздуха. Кровавые круги плясали перед глазами, сердце, которого Саня не слышал целую вечность, стучало, точно молот по наковальне, звенело, как гудящие колокола.

Неожиданно пулеметная очередь разорвала тишину — в дальнем углу лаборатории затрещал буквопечатающий аппарат. Краем глаза Саня увидел, как из его пасти поползла бумажная лента, извиваясь, упала в приемную корзину. Седовласый врач оторвал кусок бумажного полотна, внимательно просмотрел ряды цифр и знаков, наконец почти торжественно обернулся.

— Вывод машины совпал с нашим. Вы прошли испытания по первой группе! Поздравляю! Это самая высокая группа! Вы свободны. Кстати, — он опустил глаза. — Не могли бы повторить свой анекдот?

Саня попробовал улыбнуться, но не смог. Повторив анекдот замогильным голосом, он кулем вывалился из кабины, пошел к двери. В белом коридоре его стиснули в горячих объятиях, затормошили. Он различал рядом голоса, все что-то говорили, и он говорил тоже, но почему-то не слышал собственных слов.

Потом он сидел на стуле и ни о чем не думал. Из лаборатории вышел Дима, измотанный и потный, сел рядом. Теперь их было трое: Леша, Саня и Дима. Они ждали Марса. Но веселый физик-лирик все не приходил. Почему не приходит Марс, вяло стучало в мозгу, может, опять виновато время? Но время оказалось ни при чем — Марс сидел рядом, обхватив голову руками. Почему так сидит Марс, и почему все молчат?

Саня начал о чем-то догадываться, но не понял, о чем.

Марс поднял голову и посмотрел ему прямо в глаза.

— Оказывается, я не могу работать в принудительном темпе, — сказал он одними губами. — С учетом моих рекомендаций мне дали две попытки. Но я не могу работать в принудительном темпе!

Слова не нужны.

Слова фальшивы.

Саня просто пожал ему руку.

Марс поднялся, не оглядываясь, пошел по коридору. Он уходил все дальше и дальше, как уходили до него все потерпевшие крушение.

Их осталось трое.

Всего только трое.

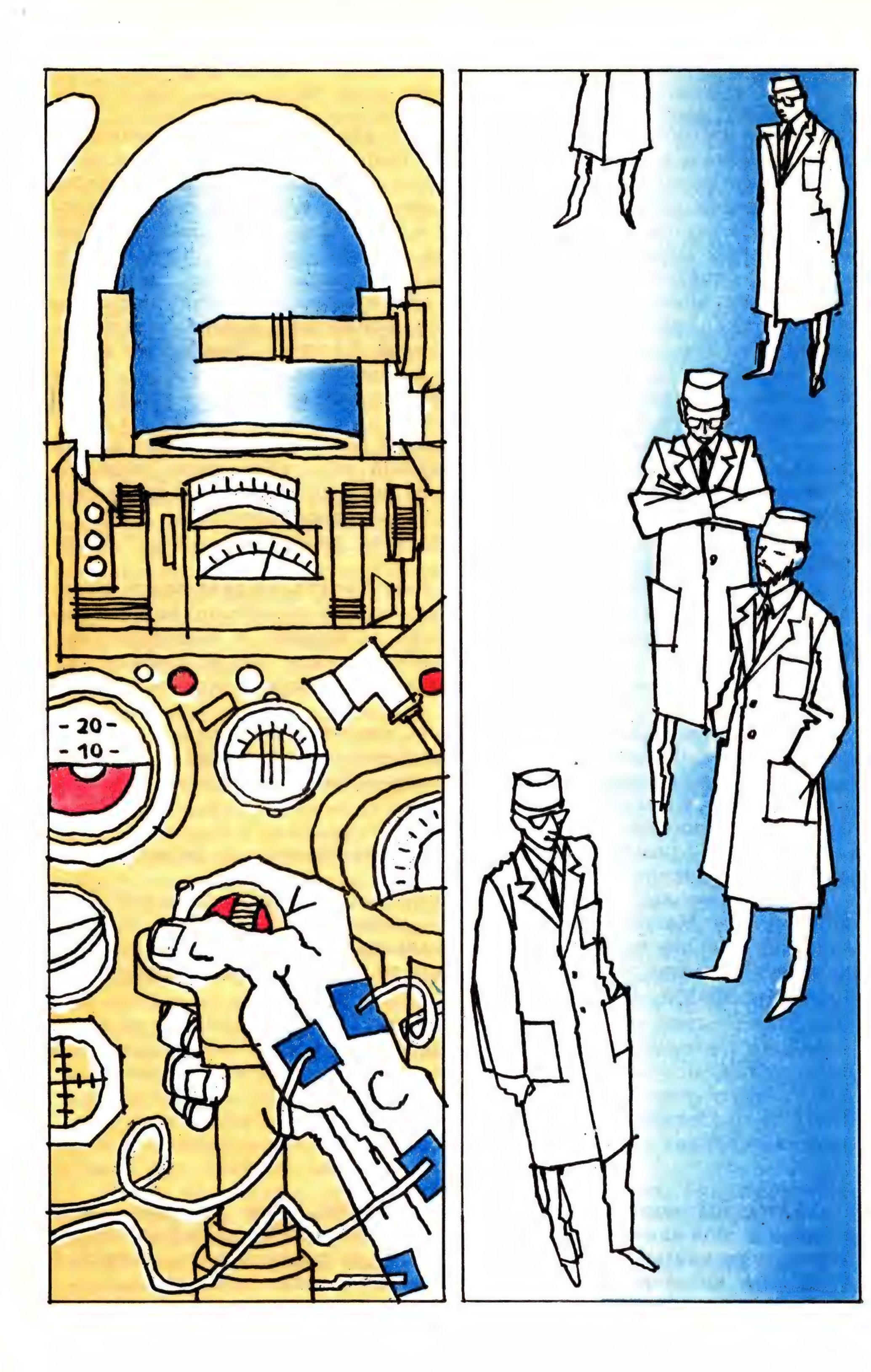
Хотелось плакать. Но слез не было.

— Леша, Дима, — устало сказал Саня. — Давайте погадаю! Вырвите по десять волосин из ваших шевелюр, и я скажу, какой день нас ждет завтра!

Ребята поморщились, но вырвали по целой пряди.

Саня долго смотрел на их прекрасные волосы, словно пытаясь проникнуть в тайну времени, и наконец сказал:

— Завтра нас ждет вторник. Потому что сегодня — понедельник!

- 20 -
- 10 -

Глава 16 РУБИКОН

«Кто останется, пусть напишет!!!» — это было точно завещание от всех ушедших, и Марс повторил текст старой записки, добавив к нему еще два восклицательных знака. Но как выпирали, кричали, взывали, требовали эти два дополнительных знака! И оставшиеся, стиснув зубы и собрав волю в кулак, упрямо шли к цели. Неделя пролетела пущенной стрелой. Прошли вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье, понедельник, снова наступил вторник — казалось, дни, словно патроны, вбиты властной рукой в обойму жесткого расписания, разводящего кандидатов в космонавты по кабинетам и лабораториям. Выдерживая график, они садились в качели Хилова — безобидное внешне сооружение, — и медики часами не выключали двигатели адской машины, укачивая, усыпляя. А когда к горлу подступала тошнота, и мир, словно диск проигрывателя, начинал безмолвно вращаться перед глазами, качели останавливали. Шатаясь, кандидаты вставали и шли по белой черте, разделяющей кафельный пол лаборатории пополам. Они старались идти прямо и нигде не заступать. Но ноги не слушались, тело заваливалось в стороны, точка опоры терялась.

— Не останавливаться! — подстегивал за спиной голос. — Быстрее! Не останавливаться!

Вечером ребята возвращались в свою палату, не раздеваясь, падали на койки, и казалось, они уже никогда не смогут подняться. Нераспечатанные конверты с посланиями от близких в беспорядке валялись на столе; недочитанные книги лежали на подоконниках; неоконченные письма, полные бравого оптимизма, обрывались на полуфразе.

Они оглохли, ослепли, разучились смеяться и шутить.

Они забыли, что среди глубокой осени бывает весна!

— Ребята! — хрипло говорил Саня. — Надо подняться!

Но они не могли подняться.

— Взгляните за окно, ветераны!

За окном зажигались звезды, почему-то похожие на разноцветные лампочки на тренажерных пультах.

— Это звезды, — объяснял Саня. — Вон, видите, желтоватый Процион, альфа Малого Пса. Процион — навигационная звезда, ее надо знать. А дальше, взгляните, целые галактики! И где-то на их планетных системах есть жизнь. И может, кто-то непохожий на нас сейчас готовится к старту. Помните?

Это
Почти неподвижности мука —
Мчаться
Куда-то со скоростью звука,
Зная прекрасно,
Что есть уже где-то
Некто,
Летящий со скоростью света.

Ветераны молчали. Превозмогая тяжесть, шум в голове, Саня вставал и шел заваривать чай — черный и крепкий, как чефир. Он засыпал в стаканы щепотку чаю, наливал из графина воды, вставлял в стаканы по очереди кипятильник и ждал, когда закипит вода.

— Я часто думаю, какие они, летящие со скоростью света? Как мы с ними встретимся? Ведь мы не можем не встретиться!

— Они в белых халатах, — скрипел койкой, оживая, Леша.

— Мне кажется, — задумчиво размышлял Саня, ожидая, пока заварится чай, — они наши предки. Они пришли на Землю, когда начала угасать их звезда, и оставили здесь жизнь. И мы понесем ее дальше, когда погаснет наше Солнце. Жизнь будет переходить с планеты на планету и никогда не кончится. Только, наверное, будет изменяться в зависимости от космических условий — второй Земли ведь нет.

— Перенос просто одной жизни — без технологии — приведет к каменному веку, — подал голос Дима. — А для переноса и жизни, и технологии потребуются армады кораблей. Это невозможно.

— Может быть, это будут вовсе не корабли. Это будет другой уровень знания! Если честно, — Саня оживился, — я только здесь, в госпитале, понял: мне никогда не хотелось вернуться в прошлые века. Не хотелось мчаться на прекрасном коне, участвовать в рыцарских турнирах, драться на шпагах против десяти головорезов, доставлять чью-то секретную почту. Мне смертельно хотелось заглянуть в будущее и узнать, кто мы такие. Откуда пришли, куда вершим путь? Что такое время и пространство? Действительно ли наш мир трехмерен, или только кажется таким из-за несовершенства нашего организма? Что там дальше, на других планетах? Почему все небесные тела имеют форму шара? Откуда у Земли такое мощное магнитное поле, зачем оно? Что лежит за скоростью света? Интересно! Интересно жить, ребята! Столько удивительного ждет впереди! Наша эпоха, хоть и атомная, и космическая, а все равно переходная к другим уровням, формам знания. И может, нам с вами выпадет перейти рубикон. Пусть даже не нам — нашему поколению. Но когда человечество его перейдет, перед ним откроются необъятные горизонты. Как во времена великих географических открытий. Только тогда люди узнавали мир нашей планеты, а нам досталось открытие мира за ее пределами. Интересно! Я ужасно люблю об этом думать и все представлять. Что вы улыбаетесь, инвалидная команда?! Идите пить чай!

И они пили крепкий, горячий чай, и смотрели на звезды, и мечтали о будущем, и спорили до хрипоты, и молчали. Дни проходили за днями. Однажды, когда Саня в очередной раз поднял уставшую команду с коек, что-то неясное, волнующее захлестнуло его — как тогда, на берегу озера, когда он ощутил свою неотделенность, неразрывность со всем живым и сущим. Ясно, отчетливо он вдруг осознал себя крохотной частичкой вечного Человечества. Далекие предки, нынешние поколения, будущие потомки ожили в нем, и Саня почувствовал себя непобедимым. Мы непобедимы, говорил он себе, непобедимы. Ни болезни, ни смерти, ни суровые испытания — ничто на свете не может убить нас. Мы были, есть и будем. Мы продолжатели, носители жизни, мы несем ее в самих себе, как несет факел к далекой вершине бегущий юноша. Словно вечно молодые пахари, мы засеваем семенами жизни поля нашей планеты.

Но на чертежных досках КБ, где работает Дима, уже вырисовываются контуры марсианских кораблей. В лаборатории Марса ученые ставят эксперименты с новыми видами материи.

Кто-то ищет новые виды энергии и исследует свойства пространства.

Кто-то мучительно пытается открыть неизвестные еще способы преодоления звездных расстояний...

Мы готовимся к выходу в бесконечный мир большого космоса, чтобы засеять его семенами жизни. Но одному пахарю не вспахать бескрайнее поле. Факел подхватит ци-ви-ли-за-ция! И мы повторимся, как желанное, за тысячи световых лет от нашей голубой планеты, под другим Солнцем и другими звездами. И мы будем другими. Но мы останемся непобедимыми, как свет, как вечность. Ради этого стоит, черт возьми, сражаться с эскулапами, стоит идти через тернии!

Мы непобедимы, говорил он себе, непобедимы! Это было, как открытие, как глоток воды в безводной пустыне, как дуновение ветерка в нестерпимый зной, как тепло огня в стужу. Торопясь и волнуясь, Саня рассказал товарищам о своих мыслях и ощущениях, и все трое долго молчали, думая о невероятных, фантастических заботах завтрашнего дня. То, что заботы будут, никто не сомневался — Санина «философия» лишь дала пищу для размышлений. Конечно, с новоявленным философом можно было спорить, но опровергнуть его по сути было нельзя — сама эпоха, зовущая в манящие дали открытий и знаний, привела ребят в госпиталь, где еще тридцать лет назад никто не имел понятия о космосе и космонавтах, ибо ни одно живое существо, закабаленное тяготением, не поднималось в космос. А сегодня армады кораблей уносят на орбитальные станции сменяемые экипажи, доставляют почту и грузы. И эпоха ставит перед своими избранниками новые, сложные задачи. Какие вопросы придется решать завтра? Что откроется человечеству, привыкшему к чудесам, в ближайшие годы? Великое грядущее подступило, приблизилось — неясно, но реально, — и к уставшим, измотанным кандидатам словно пришло второе дыхание: так страстно, яростно хотелось стать участниками предстоящих событий. Участниками — не свидетелями! Молча, не сговариваясь, они навели порядок в палате, достали заброшенные книжки, вскрыли нераспечатанные конверты. И, словно сбросив тяжелый груз напряжения, стали такими, какими переступали порог госпиталя.

— Эврика! — закричал старлей доблестных ВВС. — Мы зализывали раны, а у нас под рукой был целебный бальзам от любых ран — письма!

И, волнуясь, начал торопливо вскрывать конверты — семь писем пришло от Наташки, одно — от мамы.

«Милый, милый Саня! — ликуя от радости, проглатывал он слова. — Знаю: начнешь читать мое письмо с опозданием. Не обижаюсь: представляю, сколько на тебя, бедненького, сейчас свалилось. Но ты, Саня, у меня молодец! Ты самый сильный, самый умный, самый добрый. Ты — самый-самый, как львенок из сказки, и, конечно, все выдержишь. Что улыбаешься? — Саня и вправду улыбался. — Конечно, выдержишь! Только идущий осилит дорогу, только действие, как сказал Экзюпери, возвышает человека, инертность — форма безнадежности. Ты действуешь, Саня? Не хнычешь, не киснешь? Вот видишь, правильно я сказала: ты у меня молодец! Очень горжусь тобой и очень по тебе скучаю. Но ты нос, пожалуйста, не задирай, ладно?

Домашние новости такие: мы с твоей мамой живем вместе! Никуда не ходим, даже в кино. Не потому, что некогда, а просто как-то неудобно веселиться и расхаживать по театрам, когда тебе, Саня, так нелегко. Вот и решили на время твоих испытаний стать затворницами.

Готовим в женском монастыре разные подарки, рукодельничаем, меняем интерьер в твоей комнате. Ты ведь приедешь хоть на денек, правда? Но самый главный подарок, Саня, — живой, маленький и теплый. У него черный холодный носик, симпатичные глаза, гладкая, пушистая шерстка, маленькие торчащие уши, а зовут подарок... Лекс! Да, Саня, это щенок восточноевропейской овчарки. Очень умный и аккуратный. Уже умеет ходить рядом, садится по команде, ложится, приносит брошенную палку, берет барьеры, сторожит. Каждый вечер мы с мамой показываем Лексу твои фотографии и даем нюхать старые вещи. Лекс знает, как тебя зовут, и с нетерпением поглядывает на дверь — когда же приедет хозяин? Он все понимает...»

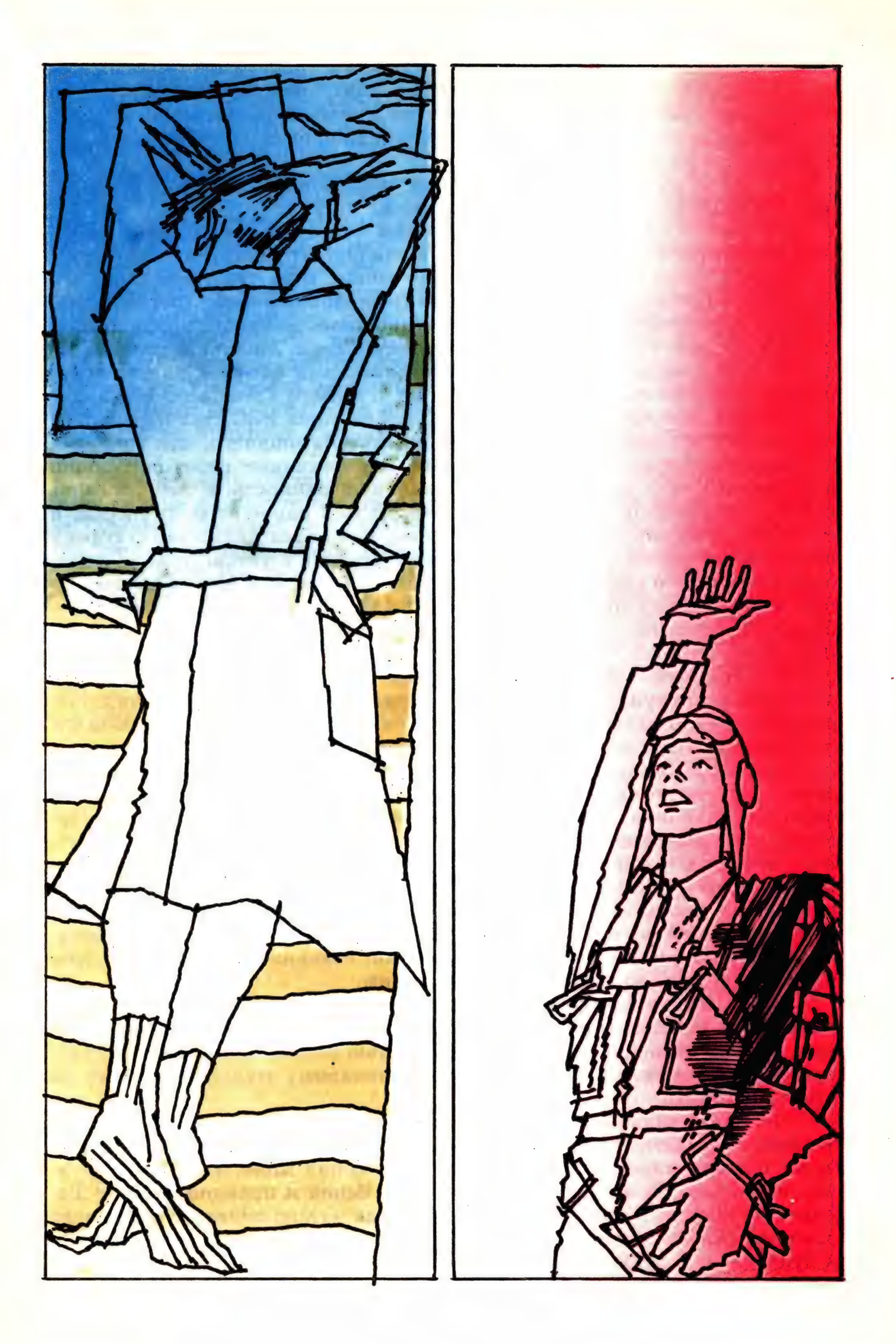
Наташка писала о снегопаде, который, не прекращаясь, целых два дня устилал крыши домов и улиц белым покрывалом, о хвостатой комете — ученые наблюдали ее недавно, о разных мелочах, дорогих и близких сердцу, и Сане казалось, будто Наташка рядом. Он прочитал три ее письма, потом распечатал мамино. Когда Саня его распечатал, из конверта выпал треугольник, похожий на фронтовые солдатские письма. На треугольнике чьей-то слабой незнакомой рукой было дрожаще выведено: «Александру Андреевичу Сергееву». «От кого бы это?» — подумал Саня, но решил не торопиться и читать по-порядку.

«Здравствуй, сын! — писала мама. — Все наши новости и жизнь тебе, видимо, опишет Ната — она с удовольствием и гордостью взяла на себя эту трудную миссию. Мое же письмо к тебе несколько необычное и потому — единственное. Это письмо, дорогой Саня, я писала много лет — с того момента, как погиб твой отец и мой единственный муж,—ждала этого дня, волнуясь и тревожась за тебя. Теперь поняла: этот день настал. Поняла, в первую очередь, сердцем матери, сердцем вечно любящего тебя человека, сердцем твоего самого первого друга, который умел, как мне кажется, во все твои детские годы дать ответ на все твои беды. После рассказов Наташи о твоих поступках, о награждении тебя орденом, о твоей работе, о генерале Матвееве моя уверенность окончательно укрепилась. Знаю твердо: ты, сын, стал Мужчиной и, кажется, настоящим. Потому, прежде чем перейти к главному, запомни: самое первое, самое важное качество Мужчины — рыцарство. Хочу, чтобы в тебе не умерли, а воскресли рыцари всех времен! Береги Наташу, умри, но сделай так, чтобы не выцвели, не опустели ее глаза, чтобы через тебя, через ваши отношения она свято и вечно верила: Мужчина — это Добро. Запомни это, сын! А запомнив, слушай еще внимательнее. Я подхожу к тому, о чем тебе никогда не рассказывала — к последним минутам жизни твоего отца. Твой отец, Саня, был настоящим Мужчиной и Рыцарем. Он умер через сорок два часа после той страшной аварии, без единого стона перенес за эти сорок два часа три операции, а когда понял, что жить осталось совсем мало, потребовал, чтобы пригласили меня. Прощание наше было коротким. Андрей подержал немного мою руку в своей, большой и сильной (я не плакала, сын, совсем не плакала, хотя слезы душили), попросил, чтобы взяла карандаш и бумагу и точно записала его последние слова. Я сделала все, как он просил. Сегодня, через двадцать три года, распечатав треугольник, ты прочтешь письмо своего отца — Андрей почему-то любил солдатские треугольники. Он просил передать тебе это письмо в тот день, когда ты станешь Мужчиной. Наберись мужества и распечатывай осторожно! Твоя мама».

Строчки поплыли перед глазами, холодная дрожь пронзила тело, непонятный страх сковал пальцы. Медленно, осторожно, непослушными руками Саня вскрыл треугольный конверт.

«Здравствуй, сын! Здравствуй, единственный! — Листок задрожал, и улыбающийся с фотографии отец встал перед глазами. — Не удивляйся, поглядев на дату. Письмо написано 27 марта 1957 года и, видимо, пройдет лет двадцать, прежде чем самая прекрасная, самая необыкновенная, самая мудрая и добрая женщина на свете — твоя мама и моя жена — передаст тебе эту весточку из прошлого. Так получилось. Из нашего настоящего я, летчик-испытатель Андрей Сергеев, рано уходящий от живых, сообщаю тебе, сын, свою последнюю правду. Она простая: жил трудно (время было такое), но честно. Больше жизни любил твою маму и самолеты. Не предавал. Не изменял. Верой и правдой служил Родине и отдал ей все силы до конца... Теперь — умираю. Умирать плохо, сын, умирать обидно — столько хочется еще сделать! Но у меня остаешься ты, Александр Сергеев, моя надежда и мое продолжение. Два человека всегда будут рядом с тобой. Первый — твоя мама, второй — мой друг капитан Николай Дмитриевич Матвеев, тоже испытатель. Он найдет тебя в тот день, когда ты станешь Мужчиной. Ни днем раньше. Найдет, чтобы взглянуть на тебя как бы моими глазами. Матвеев ничего не станет рассказывать, ни в чем не даст послабления, будет к тебе суров, как был бы суров я сам — наша дружба наделяет его такими правами. Если ему придется послать тебя на смерть, он пошлет, потому что ты — мой сын. Сын летчика-испытателя. И потому, что Мужчины должны идти на смерть, если этого требуют интересы Родины. Что бы ни случилось, помни — жить нужно честно. А по жизни идти прямо, не сворачивая на соблазнительные тропинки. Это говорю тебе я, твой отец, из далекого прошлого. Верю — не станешь прятаться за чужими спинами! Верю — не обидишь Женщину! Верю — умрешь, если потребуется! Прощай, мой единственный. Береги маму. Береги, когда рядом, береги, уезжая по мужским делам в далекие края. Жаль, не смогу сказать тебе все сам и сказать больше — силы уходят. Прощай! Жму твою мужественную руку. Твой отец Андрей Сергеев, военный летчик-испытатель».

Строчки расплылись, обжигающе горячие слезы, как в детстве, брызнули из глаз, горький ком застрял в горле. Обхватив голову руками, Саня сидел за столом, пронзительно чувствуя всю боль и мужество, исходящие от солдатского треугольника. Он был готов отдать полжизни, жизнь, лишь бы на миг вернуть отца из далеких далей, услышать его голос, прикоснуться к руке, заглянуть в глаза. Отец — каким Саня знал его по фотографиям — широкоплечий, в распахнутой кожаной куртке, улыбающийся, встал перед глазами, ожил. И мама ожила, и Наташка, и все прошедшие годы. Саня вдруг увидел прихожую в их квартире, себя на пороге. Каждый день — месяц за месяцем, год за годом — мама, провожая сына в школу, вечно кутала его шею теплым шарфом, а он, едва выйдя из дома, шарф снимал и прятал в карман, нисколечко не понимая, не задумываясь, что мама заботится о его здоровье и эта забота помогает сейчас проходить испытания, продолжать борьбу. Саня вспомнил яростную схватку с ураганом и генерала Матвеева, отправившего их с Громовым в опасный полет, потому что этот полет был нужен Родине. Но теперь он знал, кто на самом деле генерал Матвеев, и заплакал еще горше, не стесняясь слез, вздра-

гивая, точно от холода, — великая мудрость стояла за поступками людей, окружавших старлея доблестных ВВС, отдававших ему что-то бесконечно большое и нужное, а он этой мудрости не понимал. И лишь письмо отца, лишь далекое прошлое, соединившись с настоящим, открыло Сане глаза.

— Не надо, Сань, — Леша и Дима обняли его с двух сторон, гладя, как маленького, по голове. — Успокойся, не надо.

— Вот, — не поднимая голову, Саня подвинул треугольник на середину стола. — Читайте. Читайте, я прошу. Это касается нас всех!

Ребята, взяв письмо, сели на одну койку, и он чувствовал, как нелегко им читать строчки, написанные два с лишним десятилетия назад. Но они перечитывали мужественное прошлое, молчали, всё понимая, и это молчание объединяло сильнее любых слов. Молчание давало силы. И Саня, вытерев слезы, до самых звездных сумерек рассказывал товарищам о маме, об отце, о Наташке, о майоре Громове, о Командире — о всех, кто хотел, чтобы старлей доблестных ВВС стал настоящим Мужчиной. И, рассказывая, просто физически ощущал, как мужают, крепнут два Сергеева, живущие в нем, как начинают переходить один в другого, превращаясь в цельную, сильную личность. Извечная связь прошлого, настоящего и будущего открылась вдруг этой личности, и старлей доблестных ВВС, будто прозрев, ясно представил вечную реку времени, заливающую пространство. От истоков к устью течение несло все человеческое прошлое, подхватывая по пути, как щепочки, настоящее и унося его в будущее. Там настоящее непонятным образом переходило в прошлое, само будущее становилось настоящим, а потом и прошлым, бурный поток, не останавливаясь, бежал и бежал к устью, где в одной точке, называемой смертью, искрящийся водоворот перемешивал все струи, раскручивая их, словно диски долгоиграющих пластинок, на которых была записана вся человеческая жизнь. Включался невидимый проигрыватель, из динамиков лились звуки — разные и непохожие. На одних пластинках отложились «Времена года» Чайковского; другие только шипели — игла билась о диск, прыгая через звуковые канавки; на третьих осталось сплошное чавканье и бульканье; на четвертых — невнятный шепот и слезы, на пятых — страстная, зовущая к укрощению огня музыка; на шестых — брань да тяжелые вздохи... Одинаковых пластинок жизни не было. Настоящее определялось прошлым, будущее — прошлым и настоящим, а всё вместе, перемешавшись во времени, создавало своеобразную симфонию короткой и неповторимой человеческой жизни, связанной со всеми остальными жизнями, со всем живым и сущим.

Путешествие во времени было сложно, загадочно, опасно, подчинялось бесчисленным законам, случайностям и закономерностям, которые, в свою очередь, тоже являлись частью каких-то законов, случайностей и закономерностей, и казалось, никакому мудрецу никогда не открыть тайны.

Но Саня, видимо, и не собирался этого делать. Знал: все частные законы вытекают из общих, всегда более простых и понятных. Не вдаваясь в дебри мироздания, он просто вспоминал слова отца. Жил трудно, но честно. Не предавал. Не изменял. Верой и правдой служил Родине. Не обидел Женщину. Не прятался за чужие спины. Умер, когда этого потребовали высшие интересы. И Сане показалось, будто именно в этих словах заключена истина.

Он заснул в тот вечер глубоким сном, спокойно и умиротворенно, как засыпают люди, понявшие головой и сердцем великую мудрость. А утром, приняв душ, уверенным шагом пошел вместе с товарищами в очередную лабораторию. И зачеркивал с максимальной скоростью под завывания магнитофона в скучном тексте одни и те же буквы «к» и «о», «о» и «к»; запоминал, в какие части света направлены стрелки пятидесяти компасов, которые им показывали на несколько секунд, и рисовал эти стрелки на бумаге; запоминал десятки цифр, пляшущих на световом табло; сбивал нажатием кнопки внезапно появляющийся на экране сложного прибора самолетик; до одурения всматривался в черно-красную таблицу Шульца, разбитую на сорок девять квадратов с цифрами: черные цифры шли в возрастающем порядке, красные — в убывающем, требовалось мгновенно произвести отсчет суммы, получая одну и ту же разность — двадцать пять. Он делал все это и многое другое, отстаивая свое право называться настоящим мужчиной, сражаясь за будущее, которое так стремительно превращается в настоящее.

Река времени не тащила его, как безвольную песчинку, швыряя то на острые камни, то на отмели,— словно опытный пловец, он плыл по бурному течению, держась фарватера. Пролетали минуты, часы, дни, таяли за поворотами невидимой реки и, растаяв, приближали пловца к цели. Все реже проглядывало сквозь низкие облака холодное солнце, стихли, остановились, скованные льдом, звонкоголосые ручейки, ночи стали хмурыми и долгими. До финиша оставался один-единственный шаг. Одно-единственное испытание, желанное и трудное, как последний бой, отделяло старшего лейтенанта Сергеева и его товарищей от заветной черты.

Они готовились перейти Рубикон.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

пос. Рощино,
1980.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Шурлыгин Виктор Геннадьевич

КОСМОНАВТ СЕРГЕЕВ

Ответственный редактор
В. К. Зиборов.
Художественный редактор
Г. П. Фильчаков.
Технические редакторы
Т. Д. Раткевич
и Т. С. Харитонова
Корректоры
Н. Н. Жукова и Л. А. Бочкарёва.

ИБ 6747

Сдано в набор 22.01.82. Подписано к печати 28.04.82. Формат $70\times100^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,4. Усл. кр.-отт. 42,25. Уч.-изд. л. 10,32. Тираж 100 000 экз. М-34853. Заказ № 304. Цена 90 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература», Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Шурлыгин В.

Ш 97 Космонавт Сергеев: Повесть/Рис. Е. Аносова. — Л.: Дет. лит., 1982. — 126 с., ил.

В пер.: 90 коп.

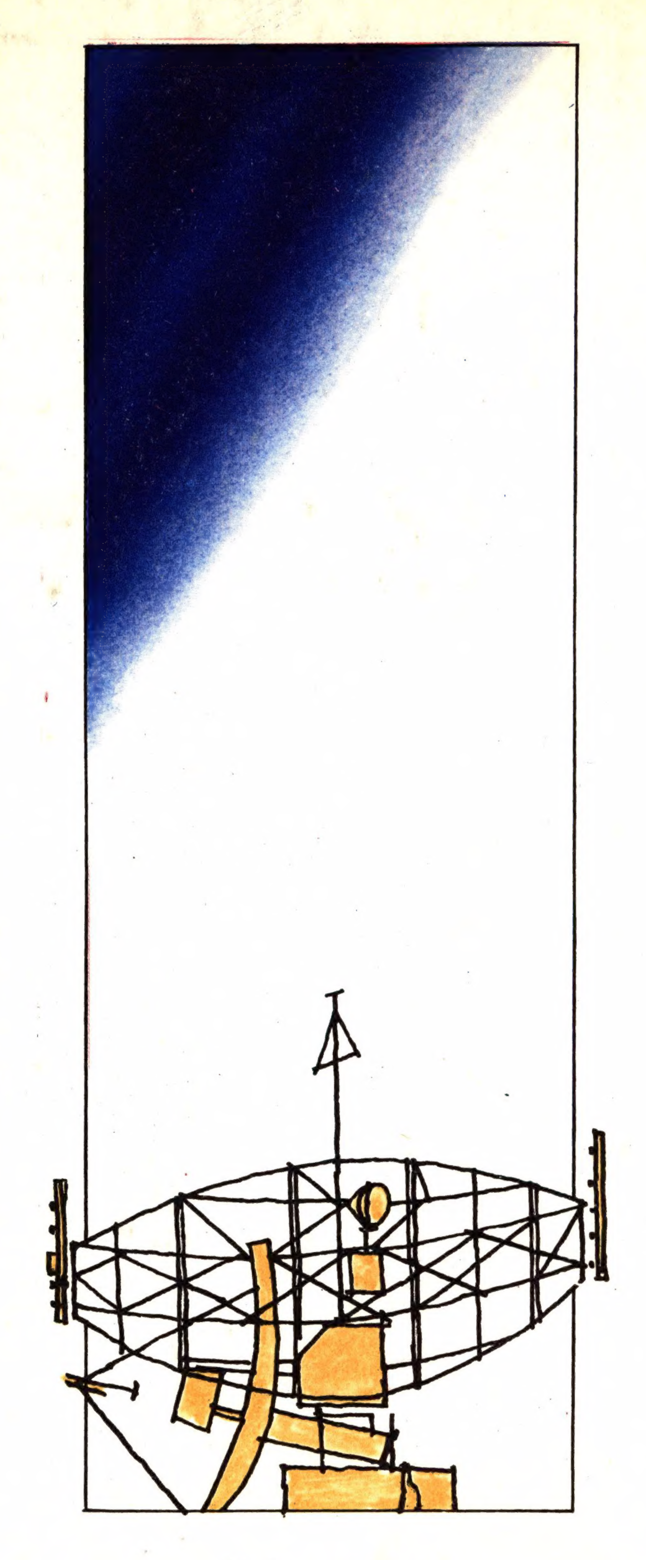
В повести «Космонавт Сергеев» рассказывается о становлении покорителей космоса. Герой книги — летчик Саня Сергеев — проходит трудный путь, прежде чем становится кандидатом в отряд советских космонавтов. Трудности закаляют молодого офицера, формируют его характер. Из недавнего мальчишки вырастает нравственно чистая, сильная личность, которой в будущем предстоит провести вне Земли недели и месяцы, обрести счастье, найти свое место в жизни.

4803010102—148 **Р 2**

Ш—————————Без объявл.

М101(03)—82

90 коп.

Издательство
«Детская литература»